

УДК 821-03.512.122-161.1
ББК 84(5Каз-Рус) 7-44
Ж 88

ВЫПУЩЕНА ПО ПРОГРАММЕ
МИНИСТЕРСТВА СВЯЗИ И ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Редакционная коллегия:

Каскабасов С.А. (*председатель*), Кул-Мухаммед М.А.,
Кирабаев С.С., Елеукенов Ш.Р., Исагулов Ж.И., Нургалиев Р.Н.,
Абдрахманов С.А., Исакова А.С., Бейсенгалиев З.Г.,
Абдезулы К., Майтанов Б.К., Болтанова Ж.К.

Составитель **Б. Канапьянов**

Жумабаев Магжан

Ж88 Пророк. *Стихи, поэмы, рассказ.* / Магжан Жумабаев.
Перевод с казахского. / Комментарии Б. Канапьянова.
Астана: Аударма, 2010. – 368 стр.

Список книг серии “Библиотека Казахской Литературы”
утвержден Ученым советом Института литературы и искусства
им. М.О. Ауэзова (протокол №9 от 26 июня 2009 г.).

В оформлении суперобложки использованы фрагменты из картин
художников А. Мотузко и Д. Калачева.

ISBN 9965-18-299-X

УДК 821-03.512.122-161.1
ББК 84(5Каз-Рус) 7-44

ISBN 9965-18-299-X

© Издательство “Аударма”, 2010
© Иллюстр. “Музей современного
искусства”

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

«Из казахских поэтов и писателей, конечно, люблю Абая. С самого детства все мое существо и мое бытование как бы пропитаны творчеством Абая...

После него люблю Магжана. Люблю его европейское естество и блеск поэтической мысли. Рожденный в среде казахских поэтов аульного уклада жизни, он своим взлетом и своим умом достиг высот европейской культуры, храма мировой поэзии. Магжан – великий поэт мировой культуры. Его поэтическая индивидуальность настолько велика и уникальна, что она перерастает рамки своей эпохи.

Из числа нынешних поэтов и писателей только поэтическое слово Магжана устремлено в будущее и достойно останется в памяти грядущих поколений. Я не уверен и очень сомневаюсь в том, что каждый из нас, кроме него, останется в литературе», – писал еще в 1927 году Мухтар Ауэзов, характеризуя поэтическое творчество Магжана Жумабаева.

Есть определенная божественная преемственность поэтического духа в том, что стихи Абая, поэта и мыслителя, известного всей степи, известного в силу гениальности своих поэтических строк, но так и не увидевшего при жизни своих литературных творений в образе книги, и стихи юного, девятнадцатилетнего Магжана Жумабаева были изданы в один исторический период, в канун первой мировой войны: Абая – в 1909 году в Санкт-Петербурге, а Магжана Жумабаева – в 1912 году в Казани. Изданные на казахском языке арабским шрифтом, эти две книги и открывают, на мой взгляд, эпоху современной казахской поэзии, начало которой во многом совпало с бурным и прогрессивным началом двадцатого столетия.

К тому времени в целом сформировалась первая плеяда казахской интеллигенции, в своем естественном сочетании «старое-новое», включающая в себя актуальные споры и дискуссии, то есть созидательные мотивы нового уклада жизни. Эта передовая часть общества в буквальном смысле взяла на себя весь груз ответственности за будущее своего народа в разных сферах человеческого бытия – общественно-политической, социально-культурной и научно-образовательной. С горечью констатирую, что их всех ожидал репрессивный исход, независимо от того – на каком берегу революционного водораздела они находились.

Магжан Жумабаев – поэт по рождению, и только поэт; и к нему, к различным сторонам его биографии, его творческому наследию, к его литературному и бытовому окружению, и даже к самой эпохе, в которой он вынужден был жить и существовать, любить и страдать, презирать и ненавидеть, необходимо относиться с этих, и только с этих позиций, вбирающих в себя и стереотипное «Поэт и время». Время циклично, но некоторые аспекты истории повторяются, как говорится, в виде фарса. И только поэту суждено опережать время или возрождать великие мгновения прошлого, ибо образное возвращение ушедшего времени возможно только в поэзии.

Магжан Жумабаев – поэт от Бога, высокообразованный поэт и свои «поэтические университеты» проходил легко и скрупулезно. Владая в совершенстве казахским, арабским, персидским, турецким языками, а также многими диалектами тюркских народностей, он, еще юношей пройдя школу поэзии Абая и Махамбета, в своем поэтическом развитии не останавливался на достигнутом.

Первый его поэтический сборник «Шолпан» вышел в 1912 году, как мы уже упоминали, в Казани. И это становится событием в новой казахской литературе. Имя Магжана Жумабаева, его стихи и поэмы у всех на слуху в литературных кругах Омска, Петропавловска, Семипалатинска, ни один поэтический вечер не проходит без чтения стихов поэта. Многим становится ясно, что в мир Поэзии пришел поэт большого таланта, чьи поэтические произведения не только востребованы самой эпохой, но во многом в силу своей поэтической природы и редкого дарования опережают эту эпоху.

Есть судьбы поэтов, и есть поэты судьбы. И первые, и вторые как бы дополняют друг друга. Поэты судьбы своим физическим долголетием оттеняют судьбу Поэта, всю жизнь стремятся к тому совершенству своих литературных произведений, которое изначально уже присутствовало в творческой судьбе Поэта. Судьба М. Жумабаева и тернистый путь его литературных произведений в XXI веке – веское тому подтверждение.

За последнее десятилетие много трудов издано по творческому и литературному наследию поэта. Изданы и его трехтомник, и его творческая биография, и объемистая монография. Уверен, что к творчеству поэта М. Жумабаева еще не раз будут обращаться казахские и зарубежные исследователи, любители и профессионалы изящной словесности. Частной собственности на Вселенную поэта не должно быть. Поэзия М. Жумабаева через соответствующие оригиналу художественные переводы принадлежит человечеству, ибо есть некая особенность настоящей поэзии, настоящих стихов, которая сродни цепной реакции, когда, родившись в одном определенном месте, в одном регионе, в одной стране, эти стихи уже не принадлежат этой местности, они распространяются по странам и континентам, минуя преграды и запреты, чтобы навсегда остаться в сердце своего читателя.

МОЙ НАРОД

Другие народы, душой устремясь к небесам,
Ключи подбирают к наукам, иным чудесам.
И, вспыхнув во мраке Звездой, Луной или
Солнцем,
Они с высоты дарят свет торжествующий нам.

Им незачем ждать, чтоб с небес снизошла
благодать,
Им время дано, чтоб грядущее предугадать,
Впрягая огонь, бороздить небосводы и воды
И жажду познания детям своим передать.

И только казахи собою довольны вполне,
Глядят безучастно, бездумно стоят в стороне,
Живут понапрасну – иные им ведомы страсти,
Безумные страсти ведут их по мутной волне.

Богатства транжирия, богатые рвутся во власть,
Ничем не гнушаясь, – дай властью потешиться
всласть!

А прочему люду печальная выпала доля –
Сутяжничать, красть, убивать да судьбу свою
клясть!

Так день ото день усыхает, как кожа, земля, –
Из жил ее кровь бледно-серая тянет змея.
А тех, кто когда-то с безжалостной спорил судьбою,
Всех режет под корень серпом роковая жнея.

Чиновники все из себя образованных гнут,
В усердье чрезмерном любого за пояс заткнут.
Мы – гордость народа, мы – цвет, мол, мы – белая
кость,
И кроткий, покорный народ подставляют под кнут.

Шакирты живьем загнивают в своих медресе,
Где духом растленья и стены пропитаны все.
Как стая ворон, чуя падаль, гнездо покидают,
Крыла расправляя во всей своей мрачной красе.

Степные красавицы здесь продаются за скот,
И деву иную ласкает беззубый урод...
Но только любовь и за сто кобылиц не получишь!
Зачем же тогда сеять смуту в сердцах и разброд?!

В извечных раздорах и спорах, как в вечных
трудах,
Погряз и душою, и сердцем мой бедный казах.
Душа его – сад, но едва распустившимся цветом
Отрадовал он – увяданье лежит на садах.

Неужто казаху задаром вот так пропадать?
Течение жизни его обращается вспять.
Увы, грамотеи, но в этом и ваша погибель...
Ужель, недоумки, и этого вам не понять?

НЕСЧАСТНАЯ

Непогода, стужа крепнет – не стерпеть,
Споря с ветром, снег затеял круговерть.
Голь от холода синее, помертвев,
А на баев любо-дорого смотреть.

Ночь под черною овчиной, как бедняк,
На сыром ветру сжимается в кулак.
Землю с небом перемешивая, снег
По седым холмам сыпается в овраг.

Завывает, завывает небосклон,
Дом сугробами зажат со всех сторон.
Пряча голову от вихрей ледяных,
Покидают овцы сломанный загон.

Балтабай, чтобы беду свою унять,
Оразкен давай за волосы таскать
И, пронизывая ужасом до пят:
– Твою душу, где же скот теперь искать?

Оразкен, в глазах истаяла душа,
Оглянулась на него, с тоской дыша.
– Тяжела я, – говорит ему, – Не бей!
Но свистит, не внемля, толстая камча.

Балтабай рукой тяжелой дверь открыл,
Оразкен на землю рухнула без сил.
– Подыхай теперь одна, собачья дочь! –
И железную задвижку опустил.

Долго козочкой, подбитой на бегу,
Без сознания лежала на снегу.
Только ветер, теребя ее подол,
Рад был горестному телу, как врагу.

Вот очнулась Оразкен среди пурги,
Пред глазами ее жаркие круги,
Кровь стекает с непокрытой головы –
Горе сделало лицо ее другим.

Ослепленная, в ночную тьму глядит.
«О создатель, помоги!» – в слезах твердит.
Ветер глухо завывает над землей,
И бессильно вместе с ним она дрожит.

ВЕСЕННЯЯ ПОРА

Шум воды. Резвясь, апрель с холмов идет,
Тощий ей многоголосьем вторит скот –
Жеребята-стригунки: «Пришла весна».
Даже болен кто и хром, не отстает.
И у всех, кому спешить велит она,
Не осталось ни печали, ни забот.
Солнце щедрое рассыпало лучи,
Чтобы в сердце навсегда растаял лед.
Зажурчит вода – гор звонкая роса,
Как в подвесках тонких юная краса,
Птичий грай сольется в этот хор –
И кобыза струнам вторят голоса.
Лошадей арканят в байском табуне,
Их взнуздать и укротить спешат.
Дети малые в веселой беготне
Извалиять в грязи друг друга норовят.
На джайляу пополненья ждут,
Древней мудрости творя обряд
И бессонно не спуская глаз
С кобылиц, что жеребятся первый раз.
Май веселый землю расцветил,
Яркой зеленью раскрасил, словно шелк,
Ветвь качнул красоткой молодой,
Звонких птиц разноголосый щелк.
Отойдя от стужи, мошкара
Закипает, как густой поток.
В небе гром и проблески огней –
Это пробил вешним грозам срок.
Материнским свежим молоком
Насладился резвый сосунок.
А на однолетках-стригунках
Дети скачут степью, без дорог.
Доходяги-овцы, кто куда
Разбрелись на запад и восток.
Дал весну – природы благодать –
Нам аллах благословенный впрок.

СОЛОВЕЙ

Звучит на сто ладов песнь грустная твоя –
То медленно, то вскачь, то дробно льются трели.
Им внемля, то горю, то холодею я –
То буйствует душа, то полудремлет в теле.

Несется щелк и свист, как дождик с облаков,
И все живое пьет и впитывает звуки.
Ни карканья ворон, ни нежных голосов –
Набрали в рот воды окрестные пичуги.

Чарует ум напев, не требующий слов,
Все замерло вокруг – ни вдоха и ни шага.
Весь мир, певец любви, с тобой грустить готов.
Журчит потоком слез ручей по дну оврага.

Соловушка! И я... я плачу, грудь в огне.
Ношу я в сердце уголь и втайне изнываю.
Спаси меня: помочь один ты в силах мне.
Никто, никто другой – я это точно знаю.

Вспорхни, мой свет, вспорхни над той, что всех
милей,
На ветке уместясь, рассыпь призывно трели,
Добейся, чтоб печаль моя открылась ей
С томительной тоской в измучившемся теле.

На сто ладов свищи, чтоб звуки сердце жгли
И девичья душа металась, точно пламя.
Заворожи ей ум и чувства распали
Так, чтоб в ее мечтах сплетались мы телами.

Спешу, властитель душ, спешу, печали глас,
Завишу от тебя я, как от воли Божьей, –
Коль не окажешь мне ты милости сейчас,
В могилу грусть моя сведет меня, похоже.

ДАР СЛОВА

Если болен мой дух,
Тело мучит недуг,
Мне спасенье – дар Слова.
В час, когда он со мной,
В этой жизни земной
Не земля мне основа:
Лишь в стихах наяву
Я люблю и живу.

Ты – души естество,
Тела жар моего,
Дар божественной речи.
Ты – спасенье от дум,
Отягчающих ум:
Напишу – станет легче.
Слышишь, милый мой друг,
Речи сладостный звук?!

В ЧЕМ УСЛАДА?

Душа, попав на этот свет,
От жизни ждет одних усад.
Любовь и дружба с юных лет
Одни забавы ей сулят.

Но счастье – что? Бег дум пустых
Иль ум, созревший до поры?
В пылу охоты бег борзых
И среди ветрениц пиры?

Быть может, смысл в богатстве есть,
Но с ним душе еще трудней,
Хоть мяса за сто лет не съесть
И не пересчитать коней.

Чем удовлетвориться ей,
Не знает, мечется она,
Вся в суеверный мир страстей
И в празднества погружена.

На небеса не уповай –
Все будем там когда-нибудь.
Встряхнись, гнедого оседлай,
На локоть сокола и – в путь.

Но этим не осилить зло
Душе, не знающей пути.

Наука или ремесло
Ее могли б еще спасти.

Ей возвратили б счастье жить
Печаль, страданья за других
И думы – как освободить
Народ свой от невзгод лихих...

ЛЕТНЕЕ УТРО

Тепла и неги ночь полна,
Пар над землей клубится белый.
Сияя серебром, волна
Скользит по озеру несмело.

Уперлась в небосвод гора
В объятьях плотного тумана –
Свиданья краткого пора
Обоим, как всегда, желанна.

Непостоянный ветерок
Колелется, как в колыбели,
Готов себя раскрыть цветок,
Чтоб лепестки запламенели.

Запела птица в вышине,
Ей птенчик из гнезда ответил.
Миг пробужденья в тишине
Природе посвистом отметил.

Настало утро и, молясь,
Божественное осязая,
Душа блаженству отдалась,
Деянья божьи прославляя.

А вот и золотом заря
Даль затопила на востоке.
Расправив крылья и паря,
Вмиг обновился мир широкий.

... Да, утро, солнце... Видит бог,
Нет красоты без них на свете.
И верится, что в нужный срок
Постигнут божью мудрость дети.

МОЛОДИЦА

Эй, невестка-молодушка,
Угоди-ка ты старушкам –
Поднеси поесть-напиться,
Одари платком да ситцем.

Приглянулось угощенье –
Вот тебе и уваженье.

Молодушке-молодице
Не приходится лениться.
Бог воздаст достатком, миром,
Творожок подай-ка с сыром!

Хоть невестка голодна,
У нее усталый вид, –
Словно сытый гость, она
На еду и не глядит.

Ей, уставшей, не прилечь –
Имя доброе беречь.

Дует ветер, дождик льет –
Скот доить она идет.
Лишних слов не говорит.
Кто такую укорит?

Но хотя заботит дело,
Двое ждут, чтоб солнце село.
Ночью, чувства не тая,
Шепчут: «Ты – душа моя!»

С чем судьба ни постучится,
Муж – опора молодицы.

ЗОЛОТОМУ ХАКИМУ АБАЮ

Благородный хаким, твое слово бесценно,
Пусть проходят века, твоя слава нетленна.
И другого такого, как ты, Человека,
Может быть, никогда не дожидаться Вселенной.
Но народ твой высокое слово Поэта
Не ценил и не ценит в тщете своей брэнной.
Словно свора собак, меж собою грызутся,
Слыша имя твое, брызжут мстительной пеной.
Не печалься, Поэт. Для народа родного
Откровеньем еще прозвучит твое Слово,
Будет время, и будут достойные дети,
И поймут твое Слово – что жизни основа.

Будут годы тянуться своим караваном
С тяжелеющим грузом забот неустанных.
Твой народ пробудится, наставник суровый,
В обновленной степи твое время настанет.
От упрямо идущего след остается,
От сапожника шило его остается,
От богатого скот на земле остается.
От Поэта к оставшимся Слово пробьется.
Круг земной, по нему время катит незримо, –
Можно ль нам уповать, что промчит оно мимо?!
Нет, его колесо настигает любого, –
Как и Слово бессмертное! – неумолимо!

* * *

Несчастный казах, твоя в страхе душа,
Ты в рубище жалком идешь, не спеша.
Повержено знамя...

За что ни возьмешься –
В руках только днище пустого ковша.

Тебя сторонятся наука и труд,
И мысли святые тебя не гнетут,
Ночами кровавые слезы ты льешь,
Что в спячке грядущие годы пройдут.

Очнись и воспрянь! – наступила пора.
Тебя день и ночь угнетали вчера.
Ты в сторону старый облезший тымак
Отбрось, чтобы новые слышать ветра.

И, в книги вникая, невежества тьму
Рассеешь, разрушишь незнания тюрму.
И века грядущего будешь достоин,
И – равным по духу будь миру всему.

КАК НАУЧИТЬСЯ РЕМЕСЛУ

Тот джигит упорный выйдет в мастера,
Кто покрепче подпояшется с утра.
Отрешась от мнимых радостей земных,
Чистоты крылатый вестник и добра.

Кто не тратясь на людскую круговерть,
На зеленых молодух и старых ведьм,
Не жалея сил, труду себя отдаст,
Главный путь стараясь в жизни углядеть.

Он не станет, чтоб страданий избежать,
Ни к обману, ни к лукавству прибегать.
Сохранит свое достоинство и честь,
Будет насмерть на своем стоять.

И к злословию испытывая стыд,
Сторониться от позорной клеветы.
А уж дел худых неправильный соблазн
Осторожно обходить за три версты.

Над людьми не заноситься без нужды,
Презирать донос, не затевать вражды.
Знать, что, алчности не поборов в душе,
Встретишь смертный час без капельки воды.

Брать всегда за образец святых людей,
Кто не зря прослыл героем наших дней.
И стараться мудрость их не утерять,
Что сокровищ неземных всегда ценней.

Дружбу с тем водить, кто миру весь открыт,
А не с тем, кто затаится норовит.
И бесстрашно в мир страстей людских входить,
Как в шатер прекрасный, что в раю стоит.

* * *

Должен знать невежда, что душою слеп:
«Ремесло, наука – для голодных хлеб».
И иной заботы нет у них: «Стезю
Проложить заблудшим в море жизни мне б».

С этой мыслью по земным я шел путям
И на все вопросы отвечал я сам.
Ремесло, науку даже под землей
Я б искал, не тратя жизнь по пустякам.

* * *

Когда ты на небе всплываешь, луна,
С тобой непроглядная ночь не темна.
Кругла ли, овальна, иль серп золотой –
Ты людям и звездам в подмогу дана.

Ты лампою путнику светишь во тьму,
Дорогу найти помогая ему.
Сиянием радужным окружена,
Глаза ты слепишь мирозданию всему.

То круто свои ты закрутишь края,
Серьгою красавицы в звездах горя,
То в полной предстанешь своей красоте,
Вскипать на земле заставляя моря.

Все рады тебе, все довольны тобой,
Мила в поднебесье звезде золотой.
Вот только влюбленным плотнее прильнуть
Друг к другу мешает твой свет голубой.

Видны они в лунном сиянье, как днем,
Не очень-то всласть нацелуешься в нем...
Приходится им по домам разойтись –
Стоять неудобно с луною втроем.

ПЕЧАЛЬНАЯ КРАСАВИЦА

Все печалишься и плачешь,
Ты забросила дела.
И, одна оставшись дома,
Все сидишь – невесела.

Отчего вздыхаешь часто?
Кто украл твой чистый смех?
Так и катятся слезинки,
Будто ты несчастней всех.

Мысли темными ночами
Застают тебя без сна.
Молоком прольется утро –
Ты в печаль погружена.

Спелым яблочком светилась –
И юна, и хороша.
Отчего же надломилась,
Словно веточка, душа?

Кто тебя окутал болью
И о ком твоя печаль,
Уводящая с собою
В удручающую даль?

Кто он, горькими устами
Тихо проклятый злодей?
Знай, обидчик пожелтеет
В схватке с совестью своей.

РОДИНА МОЯ – САСЫККОЛЬ¹

В блеске лучей или в дымке туманно-седой
Вот оно – озеро, полное дивной водой.
Волны по озеру, с гребнями из серебра,
С ветром играя, бегут и бегут чередой.

Озеро всем по душе – от детей до скота.
Плещутся, пьют, а вода, как и прежде, чиста.
К дальнему берегу юноша взор устремил,
Имя любимой без усталости шепчут уста.

Девушки, жены приходят сюда вечером –
Кто за водою, а кто искупаться тайком.
Вдоволь напившись, бегают скот во всю прыть.
Любо смотреть за резвящимся молодняком.

Белые юрты, красуясь, поодаль стоят.
Дружно живут здесь сородичи. Те, кто богат,
Ближним приходят на помощь в беде и нужде,
Интересуясь: мол, как поживаешь, собрат?

Птиц тут без счета, галдеж над округой повис.
Рыбы так много, что только лови, не ленись.
Бабы горластые здесь пересуды ведут,
Быстро меж тем белопенный взбивая кумыс.

Озеро кто-то недаром Вонючим назвал, –
Кто же не знает, как пахнет вода и трава!
С беркутом в путь отправляясь, охотник-мерген
Здесь не однажды на скакуне гарцевал.

Сам-то я где, как не здесь, появился на свет!
Детские годы не здесь ли оставили след?
Падали со стригунков и валялись в пыли,
И на закате сходились для тихих бесед.

¹Сасыкколь – вонючее озеро.

О Сасыкколь! Ты для предков в былые года
Щедрым являлся поильцем-кормильцем всегда.
Всех укрывали, спасали, хранили от бед
Два твоих дара бесценных – трава и вода.

Больно мне думать: с приходом ночной темноты
Что с тобой станется, озеро нашей мечты?
Ночь, как шинель, принакроет тебя – и тогда
С птицею счастья навек распрощаешься ты.

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Возраст детства – царский трон,
Посмотри, прекрасен он.
Оцени, попробуй, если сможешь.
Но проходят годы, знай,
Праздно время не теряй,
Рассчитать умей и подытожить.

Прогони от сердца лень,
Загляни в грядущий день.
Сторонись того, в чьем сердце холод,
И поверь, не твой приют –
Дом, где знания не чтут.
Познавать спеши, пока ты молод.

Миг у вечности в узде,
Ощущай его везде,
Не вернешь растраченного всеу.
Молодость – бесценный дар,
Успевай, пока не стар.
Лишь бездумный праздно дни тасует.

От незнания отрешись,
Полузнанья берегись.
Трудно – пояс затяни потуже.
Обучайся ремеслу,
Неуч – он сродни ослу.
Рассуди, кому он в жизни нужен?

Мертвецу подобен он –
Корм для псов и для ворон,
Только с виду жив, здоров и весел.
Но смеются все над ним!
Дорогой, не будь таким.
Неучу – хозяин даже ветер.

Тот, кто в знаниях искушен,
Тот почетом окружен.
Мастер не сидит на всем готовом.
По земле идет вождем,
Спорит с ветром и дождем,
Золотым притягивает словом.

Что ни сделает подчас –
Веселит, ласкает глаз,
Все полезно людям, все потребно.
Где ни проведет рукой,
Там добро к добру – рекой,
Скажет слово – и оно целебно.

* * *

Всласть свобода нам дана,
По пути всегда она.
Но если угодишь в капкан,
Вмиг очнешься ото сна.
Жизнь попавшего впросак –
Разве не тоска одна?

МОЙ КАЗАХ

Мой казах, ненастья час настал,
Скот ушел, нам джут живот поджал,
Полюбуйся на себя со стороны –
Не к лицу тебе безделья идеал.

Знать, за дело взяться нам пора:
К Магомету не пойдет гора.
Прозябать в невежестве глухом
Разум твой был вынужден вчера.

Место волостного поделить –
Значит, друг на друга злость излить.
Сотни тысяч в никуда текли –
Вот из родника б того испить!

За землей к нам шли издалека,
Подымали города в песках.
А казах в грызне между собой
Вновь лишался за клочком клочка.

Чтобы жизнь богатств не унесла,
Ты в порядок приведи дела,
И, отвергнув косности закон,
В храм войди наук и ремесла.

КОТ И МЯСО

Кот голодный вернулся однажды домой,
Юрту всю обыскал бедолага,
Носом чуя еду, глянул вверх – бог ты мой! –
Гроздь мяса в дыре шанырака!

Сгоряча кот к заветным кускам в вышине
Прыгнул раз, прыгнул два торопливо
И на хвост свой уселся: «Эх, руки бы мне –
Палкой мясо достал бы я живо».

Долго щеки облизывал кот языком
И хвостом по кошме бил в досаде,
Но потом обозвал сам себя дураком:
Мол, возможно, все это и кстати.

«Худа нет без добра. Унывать мне с чего?
Знаю эти людские я шутки:
Мясо явно гнилое, откусишь его –
И замучают боли в желудке».

То, что ценно, но нам недоступно, хулим,
Мясо постное хвалим, хоть жира хотим.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ

Я в думах о тебе сгорал, тоскуя,
Ни с кем не мог сравнить тебя, родную.
И коль есть мир – и ты, я мир отринул,
В своих мечтах искал тебя одну я.

Я подавлял печаль, казался гордым,
Поникнув от любви, казался бодрым.
Меня испепелял огонь сердечный,
Душа изнемогала год за годом.

Но вновь мои глаза тебя искали,
Но вновь мои слова ответа ждали.
Устало мое сердце в брэнном теле,
Узнал я от любви одни печали.

И днем, и ночью я молил о счастье,
Как о спасении в огне горящий,
Но ты не снизошла к слезам и стонам,
Ты не спасла меня своим участием.

«Душа моя», – молил душой страдавшей,
Но слышалось в ответ: держись подальше!
Я на твоих глазах кричал от боли,
Но жалости твоей я не дождался.

Ты для меня была как солнца лучик,
Но нравилось тебе меня лишь мучить.
Прощай же, ангел мой жестокосердный,
Возлюбленную я нашел получше.

Неси и дальше сердце ты пустое,
Я за любовь свою теперь спокоен,
Мне все равно с возлюбленной моею,
Хоть летом снег идет, хоть пышет зноем.

Со мной она вовеки не слухавит,
Она меня, как ты, не опечалит,
Отныне мир пребудет неизменным,
Ни радости, ни грусти в нем не станет.

Прощай, мой светик, ждет меня другая,
Хоть оглянись, дай руку, дорогая,
Ведь ждет меня, раскрыв свои объятия,
Возлюбленная – мать-земля сырая.

ОДНАЖДЫ

Проснулся чуть свет и увидел уык¹.
Уж чем он понравился мухам – не знаю,
Но только жужжали они, не смолкая, –
Садились, толкались, летали вокруг.

Глядел я на эту возню, и во мне
Возникла печальная мысль на рассвете:
И мы ведь, Адама злосчастные дети,
Похоже, подвержены той же возне.

Да, мы таковы, но и мир наш таков,
Поделенный на две неравные части:
На слабых и сильных, на горе и счастье...
Так было и будет во веки веков.

Заря – не для бедных. Смотри-не смотри,
Следов не отыщешь достатка былого.
Зато с нищетою ты свидишься снова –
Какая же радость от этой зари?!

Вот так размышлял я меж явью и сном,
И не были мысли игрою досужей.
Вдруг матушкин голос донесся снаружи:
«Проснись, лежебока! Иди за конем!»

Шатаясь спросонок, шагнул за порог,
Потом с недоуздкой побрел к коновязи.
«Заря не для бедных», – все есть в этой фразе,
Вся горькая правда. Но есть ли в ней прок?

«От мыслей никчемных один только вред», –
Меня поучало мычащее стадо.
А солнце шепнуло: «Ты духом не падай.
Дождешься и ты избавленья от бед».

¹Уык – изогнутая палка, часть конструкции свода юрты.

ОСТАЛСЯ В ДУРАКАХ

Пококетничать красавица не прочь,
Для веселья всякий повод ей хорош.
Увидав ее, тоскует о любви,
Не находит себе места молодежь.

Кто положится на ловкость и расчет,
От того его добыча не уйдет.
А до олуха ему и дела нет,
Что любви обычных правил не поймет.

Этих истин я не мог понять никак,
До зари томился в пламенных мечтах.
Не дерзал в любви – пустая голова.
Не уйдя вперед, остался в дураках.

ОРАЗА¹

Под утро сладок сон, но есть
Одно желание святое –
Успеть чего-нибудь поесть! –
Что не дает тебе покоя.

Ты просыпаешься чуть свет
И вдруг срываешься с постели,
Спешешь на двор, полуодет:
Не рассвело ли в самом деле?!

И время есть еще вздремнуть,
Нырнуть скорей под одеяло!..
Но... утру указуя путь,
Шолпан² взошла и воссияла.

Звезда торопит: «Ешь скорей!»
Звезда назойливее мухи:
«Бери побольше, пожирней,
Не то подохнешь с голодухи!»

От яств ломится щедрый стол,
Но все подчистят – будь уверен! –
Ведь наш желудок что котел –
И безотказен, и безмерен.

Задернут полог, лишь свеча
Стыдливо пост наш освещает.
Смотри, не лопни сгоряча –
Живот ошибок не прощает.

Ах, ораза! Жизнь так трудна,
И ты – не в благо, а в убыток!
Да будет проклята она –
Привычка добровольных пыток!..

¹Ораза – тридцатидневный пост у мусульман.

²Шолпан – утренняя звезда, Венера.

ЗРАЧОК МОЙ¹

Зрачок мой, учись, не слоняйся с утра,
Не многому учит пустая игра,
Отстанешь, себе на беду.
А тех, у которых с учебой разлад,
Всегда сторонись и, когда говорят:
– Пойдем! – отвечай: не пойду!

Не стой и не жди, устремляйся вперед.
Звезда украшает земной небосвод –
Достать постарайся звезду.
«Кто хочет – тот миг не упустит», – молва
Недаром твердит.
Тем светлей голова,
Чем раньше привыкнешь к труду.

Трудись же без устали, в поте лица.
Науки и мудрость не знают конца,
Ремесла ведя в поводу.
Кто к знаниям стремится, да с юной поры,
Тот с мудрым сравнится, чьи мысли быстры,
Тот будет прославлен в роду.

¹Ласковое обращение, в данном случае – к ребенку.

МОЕ ЖЕЛАНИЕ

(Плач девушки)

Зиме – печалить и снега копить.
А сердце хочет сладость лета пить,
Жить не тоской, а радостью простою,
Чтоб не кончалось время золотое.

Чтоб не увял, уродуя цветов,
Ни голубой, ни красный лепесток.
Чтоб девушка – как яблоко свежа –
И в женах оставалась хороша.

Чтоб в жизни каждый сразу мог заметить,
Что худо, что добро на этом свете.
Но ты, Всевышний, создал жизнь иной,
И я склонюсь покорно пред тобой.

Но в жены равный пусть меня возьмет,
Я не хочу быть проданной за скот:
Мне не за скот идти, а за джигита.
Корыстной сделкой буду я убита.

В тоске увянут юности года...
Всевышний, что ты скажешь мне тогда?
Ты чистой создал женщину, а прочишь
Тем, у кого душа чернее ночи.

Ах, кто услышит, как пою и плачу?
Стервятникам удел наш предназначен.

ОСЕНЬ

Ветры осени грабят леса,
Вянет пышного лета краса,
Ветви скрючились, листья пожухли,
Иней блещет в траве, не роса.

Глянeshь – дали темны от дождя,
Птиц не слышно – знать, нет им житья.
У огня стариков в каждой юрте
И старушек увидишь, войдя.

Где ты жаркий ковер травяной?
Ноги холод объемлет, не зной.
Стала нищенкой дряхлой природа,
Что цвела, обольщая, весной.

Время вспять эту нищенку шлет,
В ней не скоро краса оживет.
Со слезами жестокою зиму
Все живое и мертвое ждет.

Ну, а в городе – там, как всегда,
Деловая царит суета.
Мчит вдоль улицы стайка студентов –
Книги в сумках, смеются уста.

Им по сердцу любая пора.
Отделят они зло от добра,
Умудренными станут мужами,
И да будет судьба к ним щедра!

А в ауле на взрослых людей
И на их босоногих детей
Наглядишься, и в сердце проснется
Боль-тоска незапамятных дней.

Здесь наук и ремесел не чтут,
Здесь невеждами с детства живут.
Как огня, избегающий знаний,
Всяк умен лишь на выборах тут.

Обучать сыновей им когда?
Ссоры, тои, байга, барымта...
Глазом в завтрашний день ненароком
Хоть один заглянул бы из ста!

Там, где все обучают детей,
Там и облик народа светлей.
Как скотина, жующий да пьющий
Оскорбляют собою людей.

Край невежд, ты себя погубил!
Кто не грабил тебя, не гнобил?
Смерть близка, замирает дыханье,
Пот со лба утереть нету сил...

БЕДОЛАГА

Для чего, несчастный, жил я
Неудачливый в делах?
В чем же так уж согрешил я
В этой жизни, о Аллах!

Следуя святым заветам,
Вел я каждое из дел,
Но Господь раба советом
Осчастливить не хотел.

Пояс затянув, мечтал я
В будущее сам войти.
Ничего не различал я,
Кроме цели впереди.

Но удача ускользала,
Как ни бился, от меня,
По рукам меня вязала
Кровная моя родня.

Грызться братьям за наследство
И не стыдно, и не лень...
Где же на учебу средства?
Что сулит грядущий день?

Знаний жаждущий мечтатель
Горько плачет в тишине.
О, участливый Создатель,
Что судьба готовит мне?

ОБМАНУТАЯ КРАСАВИЦА

Лишь вчера был твой лик – полнолуныя краса!
Свет волшебный твои излучали глаза!
Нежный, белый, как снег, прям был, гибок твой
стан!

Словно в летнем саду винограда лоза.

Ветер гладить не смел по твоим волосам!
Речь струилась из уст, как целебный бальзам.
След от ножки твоей равен святости был,
Равен святости был он пророка следам.

Но сегодня совсем ты не та, что была.
В ногу белой маралихи впилась стрела.
Не вернуть юных дней, схлынул сладкий дурман.
Стонешь, пламя в груди, вера в счастье ушла.

На посулы поддавшись его и мечты,
Поняла ты наутро, что клятвы пусты.
Имя честное и чистоту потеряв,
В сущий ад обратила судьбу свою ты.

Сплетни злы и злораднее день ото дня.
«Кто возьмет ее?» – стонет притворно родня.
И жужжат и судачат о бедной кругом.
Как тут слезы не лить, все на свете кляня?..

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Здесь родился я с плачем в ночной тишине,
Пуповину здесь, в юрте, обрезали мне.
Здесь я бегал босым по траве, забавляясь
Ловлей бабочек пестрых в степи по весне.

Весь я вырос из почвы родной стороны,
Здесь и плоть, и душа моя сотворены.
Я вне родины слеп – Солнца в небе не вижу,
И сверкающей утром Шолпан, и Луны.

Слаще здешней воды не пивать мне вовек,
Гуще трав не видать и приветливей рек.
Счастлив в этих степях, порезвившийся
вдосталь
И сроднившийся с ними любой человек.

Закатать бы штанины и – вслед за дружкой,
За козленочком белым, бегом, кувырком...
Ночью – алтыбакан, аксуйек¹, а к полудню –
На спине жеребца гарцеванье верхом.

«Голова наша – мячик Аллаха», – слышал.
Мяч не знает, куда и зачем поскакал.
Знал я, знал, что уеду однажды отсюда,
От земли, где я рос, и выросел, и мечтал...

¹Казахские народные игры.

ГОРЫ УРАЛА

Эти сизые горы страшат и влекут
Высотой, ужасающей разум,
И сокровищ чредой, что господь создал тут, –
Серебро, самоцветы, алмазы.

Жилы золота в скалах... Всех кладов не счесть,
Как в лесах мощных сосен и елей.
Всех зверушек, зверей, обитающих здесь,
И волков, и огромных медведей.

Лучше в эти леса не ходить одному.
Впрочем, в прошлом владельцу краем
Были все опасения здесь ни к чему –
Был природою он уважаем.

Храбрый тюрочек лелеял красу этих мест,
Кочевал не во вред ей, с опаской.
Горы, солнце и ветер, и звери окрест
Отвечали хозяину лаской.

Только нравы иные в природе людей...
Не спеши обниматься с друзьями.
Тот, кто праведник с виду, внутри лиходея.
Оплошаешь – сгноит тебя в яме.

И в плену своих дум покачай головой –
На Алтае и в дебрях Урала
Где он, тюрочек – предшественник доблестный
твой?

Отчего его как ни бывало?

О родимый Урал! Да наступит наш час!
К славе нас поверни и к свободе.
Дети тюрочков-батыров, у топчущих нас
Перехватим ременья поводий!

НАСТРОЕНИЕ

Не в ладах я с настроеньем,
Вспыхнув, гаснет в тот же час
И с моим разумным мнением
Не согласно всякий раз.

Как младенец прихотливый,
Все повелевает мной.
Настроенья бес строптивый
Не проходит стороной.

И – моей любви объятья
Манят на исходе дня.
Шелест скинутого платья,
И – в слезах купаюсь я.

Сердце, чувствами пылая,
Волею самих небес
Увлечет, увы, не зная,
Что опять вселился бес.

Без стыда он крутит вертел...
Остается у меня
После ночи только пепел,
Только пепел без огня.

ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Всю пылающую жаром увидал,
Истекающую кровью увидал,
Потерявшую достоинство свое,
Всю в слезах, в глубокой грусти увидал.

И заныло горько сердце у меня,
Я готов принять мученья за тебя.
Я поклялся быть невольником твоим,
Для тебя одной свободе изменяю.

О, родная, я вступил на трудный путь,
Вперед моря, и некуда свернуть.
Здесь вокруг лежат пески Бетпак-Далы,
Ядовитых тварей злая жуть.

Предо мною – гор заоблачных снега,
Острым камнем вся изранена нога.
Может быть, в слезах я горьких упаду,
Не осилив многоликого врага.

В этот день тяжелый руку мне подай,
Ослабеть мне окончательно не дай,
Загорись, как путеводная звезда,
Ночи страх, мою усталость прогоняй.

Если сердце вдруг покинет благодать,
Возвратись, судьбу не надо искушать,
Жизнь в меня вдохни и сердцу силу дай,
Стань моим спасителем опять.

Я страдал в пути, которым я иду
Выручать любовь, попавшую в беду.
Обними меня, целуй и смейся, плачь,
Я – в пути, и от тебя поддержки жду.

КАК ТОЛЬКО СОЛНЦЕ ВЗОЙДЕТ

Мне в памяти день тот нетрудно вернуть.
К закату клонило светило свой путь,
Под легкою дымкою степь колыхалась,
Как спящей красавицы белая грудь.

Был райским с небес угасающий луч,
Хор птичий, казалось, звучал из-за туч,
Покатые горы в наряд свой включили
Ручья серебро с мягким бархатом круч.

В доспехах, мы с седел смотрели в простор,
Орлиным в тот миг был у каждого взор,
У пояса щит и копье в шесть аршинов,
Меч вынут из ножен, широк и остер.

И вот с двух сторон – план атаки таков –
С пригорка пускаем мы вниз скакунов,
В надежных кольчугах, щитом прикрываясь,
Как соколы с неба, летим на врагов.

Где бросится сокол, на воду упав,
Там утка не юркнет ли в волны стремглав?
От громкого, грозного львиного рыка
И всякий зверь вздрогнет, уши поджав?

Враги поскакали от нас, кто куда.
О как мы собой возгордились тогда!
На пиршестве этом в честь нашей победы
Пылали огнем, не смыкая уста.

Но счастье – мираж, посещающий нас,
Чтоб скрыться лукаво в решительный час.
Откуда знать солнцу о туче далекой,
Ползущей, чтоб диск лучезарный угас?

Тигр грозный и важный, в величье своем
Гордящийся силой и вольным житьем,
Не знает, что где-то в кустах затаился,
Его поджидая, охотник с ружьем.

О, баловень воли, любимец ты наш,
Алтая краса, белоглавый Алаш,
Паривший бесстрашно над степью дневною,
Неужто в ночи жизнь ты даром отдашь?

Нас всех опьянил пира жаркого чад,
Где каждый на время забыться бы рад.
Расслабившись духом, никто не заметил,
Как запад залил на полнеба закат.

Багровым огнем запыхлал лагерь наш,
И в нас приутихла веселая блажь.
Вот солнце, садясь, на прощанье махнуло
Холодным лучом: «До свиданья, Алаш!»

Взошла вместо солнца на небе луна,
И ночь стала запахов нежных полна,
Все в сладкую дрему в ночи погрузилось,
А после – в беззвучье глубокого сна.

А те, обломали бока мы кому,
Смотрели на нас сквозь прозрачную тьму,
Коварство свое выдавая за храбрость
И шепотом богу молясь своему.

И пусть себе – знали мы все наперед:
Укус их змеиный нас всех не убьет,
И снова мы, как разъяренные тигры,
Отыщем их, только лишь солнце взойдет.

ПЛАЧ

Если явится осень и степь на глазах постареет,
Если стылое солнце уже никого не согреет,
Если станет земля причитать, как седая старуха,
И молить об одном: ну когда ж о ней смерть
порадеет...

Если даже зима к нам пожалует в дом раньше
срока,
Если красный цветок почернеет в мгновение ока,
Если, как перед смертью, обнимутся ветви
с ветвями,
Чтоб не так сиротливо им было, не так одиноко...

Я пойму их печаль. Но моя-то печаль не об этом.
Отлутует зима и когда-нибудь сменится летом.
Ждать недолго совсем: этот снег полежит и –
растает,
И овраг зажурчит, ручейками с боков обрастая;
На озера степные, до дна озаренные светом,
За гусиной вослед лебединая спустится стая.

И посыпятся с неба лучи, как из щедрого рога,
Оживляя все то, что двуного и четвероного.
Первый гром возвестит о сошедшей с небес
благодати,
И поверят ему – как не верить глашатаю Бога!
Это чудо случится, но только, увы, не со мною!
Одного лишь меня благодать обойдет стороною.

Мне ль, объятому скорбью, в ком сердце почти
что не бьется,
Хоть на миг позабыть, что причиной тому,
что виною?!

Закатилось, пропало, исчезло и не возвратится
Мое светлое солнце! Погасла заря-заряница!
И земля из оазиса стала безмолвной пустыней,
Где ни солнца, ни звезд, ни луны, где темно –
как в темнице!

Как велик этот мир! Как ничтожен! И где же взять
силы,
Чтобы жить захотеть – здесь! – где холодом
дышат могилы!
Как о лете мечтать, если только что прямо
с ладони
Мой птенец улетел... Мой гусенок... Мой
шелковокрылый!..

ПЛАТОК

В разлуке с милым слез поток
Мне все труднее удержать.
Когда ж закончу я платок
Для суженого вышивать?

Березе осень лист желтит,
В лицо мне вкрался тот же цвет,
Луна мне в небе не блестит,
И солнца не сияет свет.

Четвертый месяц, как судьба
Нас разлучила с женихом.
Его горластый отарба¹
К войне умчал под стук и гром.

В тревоге за родной народ,
Скорбя об отчей стороне,
Где он сейчас идет-бредет
На чуждой для него войне?

Там блещут злобно города
Огнями адскими в ночи.
Какая мука и беда –
Слова не понимать ничьи!

Средь неприветливых людей
Он бродит, мрачен и уныл.
Без близких, без любви моей
Ему, наверно, свет не мил.

Солдатский ли мундир на нем
Иль серого сукна чекмень?
С лопатой или кетменем
Он стынет на ветру весь день?

¹Отарба – паравоз, поезд.

Окоп, наверно, роет он
Врагу, себе ли самому?
Сосредоточен, изнурен –
Прерваться некогда ему.

В разлуке с милым слез поток
Мне все труднее удержать.
Когда ж закончу я платок
Для суженого вышивать?

Не скручивайся, нежный шелк,
А ты, игла, ускорь свой бег.
Будь наготове ты, клочок
Батиста – белого, как снег.

Умру с тоски, но не в слезах –
Чист будет мой прощальный взор:
Не будет больше слез в глазах –
Все их вберет платка узор.

Пусть милый мой платок возьмет
И, если набежит слеза,
Всей грудью обо мне вздохнет
И вышивкой утрет глаза...

Господь! Коль не судьбу с судьбой,
Так слезы наши вместе слей.
Шелк, не морщись под иглой,
Будь снега, мой батист, белей.

В разлуке с милым слез поток
Мне все труднее удержать...
Когда ж закончу я платок
Для суженого вышивать?

ГУЛЬСУМ

От райского дыханья ветерка,
От лепестка живого, от цветка
Ты рождена – прекрасней всех на свете!
В наш заскорузлый быт, в житейский ад
Спустилась ты и пригубила яд,
И в тот же миг в его попала сети.
Моя Гутьсум, несутся облака,
Твой век девичий – тоньше волоска,
Неуловимый в быстротечном лете.

От песнопенья ангельских небес,
От шума крон, что оживляют лес,
От райских рек, от солнечной криницы,
От золотого пара над травой,
От ручейка с небесной синевой,
От чистой незапятнанной водицы, –
Велик Всевышний – от лучей его,
От света мирозданья самого
Тебе досталось ангелом родиться.

Парила ты в заоблачных мирах
На двух алмазных трепетных крылах –
И увидала землю в час печали.
С кинжалом в сердце, посреди потерь.
Там выла степь, как будто дикий зверь.
И люди в скорби головы склоняли.
В крови по горло – всюду кровь лилась.
Людей увидев, к людям понеслась.
Ступил на землю – в глубь могил попала.
Смеялись люди – радостна была,
А кто сгорал – сгорала ты дотла,
Кто умирал – ты следом умирала.
Кто слаб – тому ты руку подала,
Кровавые моря переплыла –
И черное, и белое узнала...

Метала бисер жизнь – не жемчуга.

Пучина-жизнь – не видно берега

И дна не видно – темен мир бездонный.

«Иди сюда, сюда! – звала она. –

Кто в глубину войдет, не зная дна?

Лишь человек войдет неугомонный.

Отдаст он душу, все отдаст сполна...» –

Жизнь засмеялась, вскинулась волна,

Вошла Гутьсум под свод ее зеленый.

Она погибла – годы пронеслись.

Она погибла – петь не стала жизнь.

И лишь одна мелодия звучала –

Гутьсум встречала свет вечерних зорь.

К земле кровавой обращая взор,

Она о небе в песне тосковала.

Она крылом касалась гулких гор,

Ей в скалах эхо вторит до сих пор –

Она там слезы горькие роняла.

Кто ищет песню – душу обретет.

Пронзит сердца – кто красоту найдет.

Я лишь поэт, я у мечты в неволе.

Иду я узкой, скользкою тропой,

Плечусь за жизнью, нищий и слепой,

На свет зари среди земной юдоли.

Вчера, уже вечернею порой,

Мелькнуло утро свежую зарей,

Но закатилось солнце в чистом поле.

В лучах последних, оторвав от дум,

Была душа божественной Гутьсум,

Она в вечерних сумерках сквозила,

Небесный лик красавицы сиял.

И протянул я руку, и сказал,

Хоть кровь лилась, печаль меня томила:

«Возьми меня с собой! Иди ко мне!» – Но нет,
Не обернулась даже мне в ответ,
И мое сердце юное разбило.

«Погибла я... – промолвила она, –
И ангелами я погребена
Давным-давно...»

Прощально поглядела
И растворилась в сумраке ночном,
И райский свет ее растаял в нем,
Но песня, та, что с уст ее слетела,
Осталась в сердце горестном моем, –
Ей не пропасть, пусть даже грянет гром,
Пусть будет мир меняться то и дело.

Из песнопений ангельских, из волн,
Из чистых волн любви он был рожден,
Прекрасный образ. В этот мир, где скука,
Где заскорузлый быт, где вечный ад,
Сошла Гульсум и пригубила яд,
И не на миг – надолго эта мука.
А жизнь ее – так по ветру летят,
Так музыкой пронизывают сад
Сквозные нити призрачного звука...

ОГОНЬ

Я солнцем огненным рожден,
Горю, блистаю.
Только он,
Огонь – мой Бог, пред ним смиряюсь.
Я сам – огонь, и солнце – я,
Огонь – глаза и речь моя,
И сам себе я поклоняюсь.

Нет ничего сильнее огня,
И он – Всевышний для меня.

Целует пламя горячо.
Кто поцелован – обречен:
Он тут же углем обернется,
Сгорит дотла, сойдет на нет,
А уж огня простыл и след –
Легко летит он иноходцем.

Огонь – кто пламенем задет.
Я – тоже пламя, тоже – свет.

Ты мой кумир, Создатель мой,
Огонь и небо надо мной
Прекрасны!
Прочие творенья,
Они ничтожней все равно.
Глотаю пламя – лишь оно
Одно дает мне насыщенье.
Ни с кем сравнить тебя не смог,
Мой несравненный, вечный Бог,
Мой господин, мой благодетель.
Тебе я тоже пищу дам –
Я подливаю масло сам,
Подлил – и вот, высок и светел,
Взметнул ты руки к небесам!

Как превозмочь священный страх?
Любого превращает в прах
Огонь.

Шипит, колдует змеем,
То вьется, будто бы дракон,
Вот-вот тебя проглотит он,
И смотришь ты в огонь, немея.

Во мне – огонь и страх времен,
Я солнцем огненным рожден.

Раскосы черные глаза,
Огнем в них плавится слеза.
И полон жизнью я с краями.
Я – от огня, он – от меня,
И, словно озаренье дня,
В моей крови бушует пламя.

Молюсь, колени преклоня,
Огню, рожденный от огня.

Когда везде таилась тьма,
Коснулось дальнего холма,
Взошло багряное светило –
И я родился от луча,
И мою душу в тот же час
Горячим пламенем омыло.
И честь, начало всех начал,
Омылась в огненных лучах.
И кровь кипучая – огонь,
И совесть жгучая – огонь.

С тех пор, как я рожден, блистая
Огнем,
Свернула черный стяг
Земная тьма – мой злейший враг.

От белых Альп и до Алтая,
От гор Балканских до Китая
Слепил тебя я, пролетая,
Твои зрачки прожег я, мрак!

Пылая яростью, как лев,
Крутые Альпы одолев,
Огнем смертельным, ураганом
Вздымаясь до небесных сфер,
Атилла я и Баламер,
И гибель я принес Балканам,
Пришедший снова в этот край...
Я – Жолбарыс и Сумытай,
И Джучи-хан – я в битвах славен!

Мечась, кружился ураган,
Но вот смирился великан,
Затихло яростное пламя.

Вчера я вновь обрел язык,
Ведь ветер с Запада проник,
Нахлынул мрак, чернее праха,
И стыд исчезнул без следа,
И растлеваются города
Желудок, растоптав Аллаха.
Так вспыхни, яростью горя,
Огонь мой, Солнце,
Ведь не зря
Во мне взошел костер бунтарства.
Лети на Запад!
Двинусь я
На Запад тоже, в те края,
Где правят алчность и коварство.

Лизнешь ты жаром на бегу,
Я поцелуем обожгу
Коварных, алчных.

Мы обнимем
Бездушный камень городов,
Детей ненасытимых кров –
И поглядим, что будет с ними!

Я солнцем огненным рожден,
Горю, блистаю.
Только он,
Огонь, – мой Бог, пред ним смиряюсь.

Я сам – огонь, и солнце – я,
Огонь – глаза и речь моя,
И сам себе я поклоняюсь.

Нет ничего сильнее огня,
Лишь он – Всевышний для меня.

ПРОРОК

Устремляя наши очи
На бледнеющий Восток,
Дети скорби, дети ночи,
Ждем, придет ли к нам пророк.

Д.С. Мережковский

На Западе ночь, непроглядная мгла.
Там солнце зашло, а заря не взошла.
Мрачнеют, как демоны, отроки мрака,
Поправшие Божьи слова и дела.

На Западе ночь, непроглядная мгла,
Она ни единой звездой не светла.
Расправились с богом своим дети ночи,
Жизнь нового им божества не дала.

Идут дети ночи дорогой страстей,
Для них безъязык стал пророк Моисей,
И пролитой некогда кровью Христовой
Они причащают своих сыновей.

Враждебны восходу заката сыны.
От крови отведанной или пьяны,
Они поклоняются мертвому телу,
А к вечной душе равнодушья полны.

Жди всплеска, коль чаша с краями полна,
Плоть, яда вкусившая, обречена.
Взгляни: наподобие корчи предсмертной
Кровавая Запад терзает война.

Ночь, ночь беспросветная – хоть глаз мне коли!
И кто-то смеется иль плачет вдали?
Рыдает, стонет и воем исходит..
Кто? Это сын ночи, злой гений земли.

Ночь мрачная. Стон разобщенных сердец.
Умов разговор, изнуренных вконец...
Бранятся, сшибаются, падают в бездны –
Что в темной ночи может видеть слепец?

Ночь мрачная. Крови смолистой поток.
Во тьме вереница ступающих ног,
И шествие это возглавил, конечно.
Какой-нибудь ушлый Иван-дурачок.

Ночь черная, пляс сероглазых чертей.
Ночь черная. Крови игра и речей.
Сын мрака и кровью, и горем задушен,
И думами, словно толпой палачей.

Ночь черная. Времени тяжкий поток
И горьких раздумий потомкам не впрок...
Сын ночи незрячий льет слезы во мраке
И ждет, чтоб с Востока явился пророк.

Мрак первым явился к нам из ничего,
Лик солнца возник золотой из него.
От огненных, жарких лучей его вспыхнул
Взгляд гунна, предшественника моего.

От солнца и гуннов был знойный их пыл,
Пылающим солнцем и я создан был:
Свой лик и глаза мои узкие в люльке
Я пламенем солнца с рожденья омыл.

Слепец, не печалься во тьме – близок срок:
Сын солнца, я солнце в глазах уберег.
Иду я, иду я, иду я – ты видишь? –
От гуннов берущий начало пророк.

Глазами, слепец, небосклон обведи –
Восток побледнел у тебя позади.

Пророк я, иду и меня вместе с солнцем,
Читая молитву предсмертную, жди.

Волной набегают с Востока заря,
Ее своим видом приветствую я.
Объят шар земной нескончаемым мраком,
Пусть солнцем душа ему станет моя.

Ночь мрачная. Мир от тягот изнемог.
Ночь черная, тяжек детей ее рок.
Но шире и шире тот луч на Востоке –
Иду я, спешу к вам, сын солнца, пророк!

ВОСТОК

Мой Восток остроглазый,
Что молчишь, как безгласный
Богатырь, великан?
Глянь на эти кошмары –
Блуд, кровавые свары –
В стане западных стран.

Все исчадье заката
Громом бойни объято,
Разум там позабыт.
Запад, полный дерзания,
Богом сделавший знания,
Знанием этим убит.

Был он буйной стихией,
Дыбил волны крутые,
Разбивал берега.
И потеряны ныне
Все святыни, твердыни –
Жизнь пуста и горька...

Пусть же в сумерках сущих
Дух растленья несущих
Смоет крови поток.
Но чем Запад темнее,
Тем живей и светлее
Мой алеет Восток.

Богатырь остроглазый,
Встань и ринемся разом
Силой всею туда.
Развернем наши флаги
И на крыльях отваги
В их влетим города.

Выйдет стан их – кострами,
А их дети – рабами...
Нет, Восток мой, очнись:
Пожалеем, приветим
И заблудшим их детям
Добротой скрасим жизнь.

С небесами их сдружим
И беспутные души
Повернем на Восток.
Пусть ласкает им взгляды
Утром полный отрады
Света алый поток.

Вал вскипает высокий
На воспрявшем Востоке –
Отмечает мой взор.
И знаменьями тучи
Над пучиной могучей
Затянули простор.

Эй ты, Запад недюжий,
Застышь путь почему же
Мне ты, детище тьмы?
Стань мудрей и скромнее,
Жизнь уважить умея. –
Вот так сблизимся мы.

ДАЛЕКОМУ БРАТУ

Далекий мой, юный, страдающий брат,
Гонения переживающий брат,
Ты – в стане врагов, ими ты окружен,
Как смятый цветок, увядающий брат.

Тяжелое горе закрыло дорогу, мой брат,
Коварные люди вселяют тревогу, мой брат.
Сердца их, как камни, их души, как лица, темны,
Они все готовы снять кожу с живого, мой брат.

Как так? Ведь на Горном Алтае нас мать родила,
Подобно свободному ветру, там юность цвела,
Мы резво носились по склонам, как два
стригунка,
Казалось, открытой и светлой жизнь наша была.

Не мы в асыки ли играли битой лихой
И спали, уставшие за день, в постели одной?
Не мы ли Алтаю подобное молоко
Из рук материнских, счастливые, пили с тобой?

А разве открыт был нам чистый родник не для
нас?
Он падал со скал, серебристо и звонко смеясь.
А ветер, как птица с горы, не для нас ли слетал,
При первом желанье скакуном становясь?

Ласкало нас солнце Алтая, когда мы росли,
Как снежные барсы, впивая все силы земли,
Но вот ты ушел, ты, родной мой, покинул меня,
Два моря теперь между нами легли.

И вот я остался, еще неокрепший птенец.
В попытках взлететь не помогут ни мать,
ни отец,

Сосед, злой охотник, на мушку однажды возьмет,
Никто не спасет: свой предчувствую скорый
конец.

Свинцовая пуля у сердца поэта прошла,
Безвинная кровь, как водица, из раны текла.
Я был обескровлен, беспамятен, силы лишен,
Сырая темница мне домом на годы была.

Не вижу вчерашних холмов, ни степей, ни равнин,
Ни лунных лучей серебристых, ни рек голубых,
Не вижу взрастившую нас золотую праматерь –
Алтай,
Все скрыто за стенами здесь казематов сырых.

Неужто рассеен отважный и смелый народ.
Что шел на врага безоружным бесстрашно
вперед?!

Неужто же стал он трусливым и жалким рабом,
Свободу которого каждый злодей отберет?!

Взаправду ль, что сердце свободное тюрка –
больное,
Сражаться не может оно и просит покоя?!
Погашен огонь, бушевавший у прадедов в жилах,
Свободолюбивый народ не родит уж героя?!

О брат мой, я в этой сторонке страдаю, ты –
в той,
Мы оба несчастны, задавлены злою судьбой.
Рабами нам быть не к лицу, так давай же
вернемся

В наш отчий, наш солнечный край,
На Алтай золотой.

Я СПЕШУ

Мне степь даровала прозвание орла,
Алтай и Урал – два могучих крыла
Моих. Я – любимец степного приволья,
Я вырос батыром без страха и зла.

Мой дед – исполин, коли хочешь узнать.
Мудрейшей из мудрых была моя мать.
Я – тигр молодой, я – летящее пламя.
Эй, псы, кто посмеет меня удержать?!

Коня оседлаю и знамя взметну,
В бою окровавленной саблей сверкну.
Пусть в мире прославится сила волчонка,
Который забавою видит войну.

Дух прадеда я оживлю на века,
Ты будешь свободною, Сары-Арка.
Счастливыми вырастут, власть простирая
Над степью, потомки твои, великан.

Молись за меня, мой Алтай – моя мать,
Твой мальчик путь предка решил избрать.
И милостив Тенгри! – спешу, торжествуя,
Волос твоих белых вдохнуть аромат.

СЛОВО ХРОМОГО ТИМУРА

Мир ничтожен и мал,
Я держу этот мир на руке.
И, поверь, двум богам
Тесно будет в одном кулаке.

Правит небом Тенгри –
Пусть парит в небесах его трон!
На земле бог – Тимур,
Ты, Тенгри, мою землю не тронь!

Сути нет, рода нет.
Ты, Тенгри, – перекатная голь!..
На земле бог – Тимур,
Родом тюрк, а по сути – огонь!

ПТЕНЕЦ ВЗМАХНУЛ КРЫЛОМ

(Стихотворение в прозе)

Птенец взмахнул крылом...

Молод был. Да и крылья еще не окрепли. Поневоле взмахнул.

Перед холодом севера не устоял. Ветер жгучий, студёный его пробирал до костей, колким холодом грудь наполнял.

Полетел было к лесу птенец, но деревья – вчера перед ним раскрывали объятья, все шептались, о чем-то смеясь, – на него не взглянули. Полетел он к густым тугаям, только, как ни кружил он и ни щебетал, толстым саваном белым укрывшись, так и не раступились пред ним тугаи.

И приюта птенец не нашел.

Птенец взмахнул крылом...

Умирал он от голода. Снег – по холмам, по низинам. Ни былинки, ни зернышка он не нашел. «Так и быть, залетай и живи на дворе, дам тебе все, что нужно...» – сказал человек – северянин, не сердце, а льдина, не печень, а камень, – рассмеялся тому, как дрожит и в смятении бьется замерзший птенец.

Птенец взмахнул крылом...

Думал он долететь – если сил ему хватит – до теплого края. Долететь до Есиля-Нуры и напиться медовой воды близнецов. Долететь до Арала – обнять раскаленный песок. Окунуться в прозрачную глубь Балхаша. Отдышаться, к груди припадая Алтая. Плыть, качаясь на пенной, как взбитые сливки, волне Маркаколя.

Птенец взмахнул крылом...

РОДНОЙ ЯЗЫК

Неужто навсегда иссякли силы?
Бегут батыры, бросив знамена,
Свободы сердце пленное просило...
А нынче кровь пуста и холодна?..

У гордой птицы крылья перебиты,
И шумный говор улицы притих...
Неужто золотая мать забыта,
И загнаны великие в тупик?

Все: смелость, счастье, мужество и память –
Судьба вмерзает в безысходность льдин,
Но пламенный, как солнце над мирами,
Родной язык! – остался ты один.

Язык отцов – наследие святое,
Глубокий, острый, сильный, словно крик.
Своих детей заботливой рукою
К себе притянешь, мой родной язык!

ВСЕМУ МИРУ...

Всему миру известна отвага моя,
Я не тот, кто боится воды и огня.
Окрыленный стихами, я – сын поднебесья,
Мне вздохнуть от врагов нет ни ночи, ни дня.

Покорял я вершины Алтая не раз,
До Китая стрела долетала тотчас,
Если только натягивал я тетиву –
Уповал я на сердце, прищуря свой глаз.

Я преграды без устали приступом брал,
После схватки смертельной я льва оседлал.
Если я испугаюсь какой-нибудь шавки,
Пусть земля поглотит – там, где в страхе я встал.

ПОПАВШЕМУ К ВРАГУ

(Письмо к М. Д.)

Отгнав усталость прочь,
Тяжким занятый трудом,
Думал ты и день, и ночь
О народе о своем.

Защищая от врагов
Край свой светлый, золотой,
Ты на битву был готов
Даже с каменной горой.

Ты предупреждал: «Проснись,
Мой доверчивый народ,
Брось грызню и жить учись,
Враг коварен – он придет».

Мы не верили в беду,
Ждали радости одни.
Ты предсказывал: идут
Черные, плохие дни.

За тобою враг следил,
И, когда дознался он,
Что герой наш говорил,
Был он сильно разъярен.

Черствые душой враги
Заточили в темный дом,
Не увидишь там ни зги,
Холодно и сыро в нем.

Говорю тебе: «Крепись!
Сохрани мечту свою!
За народ ты жертвуй жизнь,
Будь в темнице, как в бою».

Слыша про твою беду,
Люди спросят: «Как же так?» –
И на выручку пойдут:
Задрожит трусливый враг.

Смелый, дружный наш народ
Друг за друга рад стоять.
Отдадут богатство – скот,
Чтобы правду поддержать!

Если труса долго гнать –
От безвыходности он
Может вдруг батыром стать.
Но какой же в том резон?

Преподай урок такой
Молодым, что рвутся в бой.
Пусть они кипят душой,
Пусть враги дрожат листвою.

Солнце, выйди из-за туч,
Жарче землю озари,
В темном небе светлый луч
Золотой звезды горит.

Могут в будущем узнать
Имя славное твое,
На бумаге написать –
Расцелую я ее.

Мрачной мыслью о тебе
Опечален наш народ,
Враг силен, в твоей судьбе
Верх пока что он берет.

Если враг за горло взял
И пугает казнью злой,

Знай – с тобою небеса,
Сотни ангелов с тобой.

О, Создатель всех миров,
Ты народу помоги.
Мы – лишь горстка храбрецов,
Но бесчисленны враги.

Чтоб повсюду бить врагов,
Подрастают смельчаки.
О, Создатель всех миров,
В этом деле помоги.

УЗНИК

(Письмо к М. Д.)

Сердце жжет, в груди огонь, слеза в очах,
Днем душа твоя болит и по ночам,
Над соломенной подстилкой – мрачный свод,
Черствый хлеб, несладкий чай, дни натошак!

Не пропустит света каменный мешок,
Каждый волос побелел под корешок.
Что ты в жалости нуждаешься людской,
Душам каменным, как видно, невдомек.

Над тобою ни Луны, ни Солнца нет,
Рядом братский не послышится привет,
Сочтены дела, слова наперечет,
И на рук твоих движенья лег запрет.

Не печалься, бедный узник, все пройдет –
То не ночь, коль вслед ей утро не идет.
Что бесстрашному джигиту на земле
Повстречать не приходилось в свой черед?

СТИХИ НА ВЫХОД М.Д. ИЗ ТЮРЬМЫ

Вот и пришла золотая заря.
Значит, ты мучился, друг мой, не зря.
Черные дни за спиною остались,
Небо глядит, милосердье даря!

Птица свободы приносит судьбу,
Ей удалось пересилить пальбу.
Снова свой свет посылает Создатель –
Солнце сияет звездой во лбу...

Если скрывается солнце из глаз,
Значит, настал испытания час.
В эти минуты беды и печали
Мужество копит каждый из нас.

Там скакуны в непроглядной ночи
Вздрыгнули вдруг от удара камчи,
Но не отстали от каравана,
Мчась на огонь путеводной свечи.

Справа и слева здесь дуют ветра.
Мы не забыли ни зла, ни добра,
Старых надежд и свершений грядущих
Вновь наступает крутая пора.

Я ВЕРЮ В МОЛОДЫХ

В грозных и бесстрашных львов,
В тигров, чья отважна кровь,
В крепких крыльями орлов –
Верю, верю в молодых!

И в глазах их искр не счесть,
И в словах их пламя есть,
Им дороже жизни честь. –
Верю, верю в молодых!

В дерзких юных тех орлят,
Что на крыльях ввысь летят,
В небеса вперяя взгляд, –
Верю, верю в молодых!

Водопады в тех поют,
Что народ Алаша чтут,
Золотой Арку зовут, –
Верю, верю в молодых!

Разве устает тулпар
Или сокол, что не стар?
Святость им – великий дар. –
Верю, верю в молодых!

Если знамя их Алаш
И Коран священен наш –

С ними в жертву жизнь отдашь. –
Верю, верю в молодых!

Верю в тех, кто сердцем мудр,
Кто в одно из вешних утр
Стяг Алаша ввысь взовьют, –
Верю, верю в молодых!

...ГА

В сеть судьбы попав, находимся в пыли.
Мы лежали от родимых мест вдали,
Из груди роняя праведную кровь,
Обнимая милый прах чужой земли.

Нам, утратившим свободу, совесть, честь,
Птица счастья показалась вдруг из мглы.
Под пятой жестокого врага
Лишь судьбу рабов мы обрели.
Потеряв бывших соратников своих,
И надежду уберечь мы не смогли.

Ты, джигит, всегда ты стойким был,
Ради родины одной на свете жил,
Защитить мечтая край родимый свой
От врага, что наши степи захватил.

Хоть утратили мы зов бывших дорог
И цепей ты разорвать, увы, не смог,
Не запятнан грязью этой в черный день
Сердца твоего живой комок.

Нас в суровый час ты жизни увидал
И, как братьям, руку нам свою подал,
И сердечным ты сочувствием своим
От печали в дни разлуки избавлял.

Ты нас ласково, как маленьких детей,
Утешал душевной нежностью своей,
От прилива твоего тепла в глуши
Наши лики снова делались светлей.

Чтят тебя в степи высокие умы.
Снова духом для борьбы воспрянем мы
И мечту заветную Алаша
В яви воплотим, восстав из тьмы.

ЛУНЕ

Солнце зашло. Распростершись над миром,
Ночь звездным пологом Землю укрыла.
Вижу из сумерек темного дома –
В небе полночное всходит светило.

Но как печально Луны появление,
С грустной тоскою глядящей на землю.
Путником робким, забывшим дорогу,
Тихо скользит она призрачной тенью.

Кто серебристого лика сиянье
Хочет затмить серых туч одеяньем?
Или сама ты, за пологом скрывшись,
Грезишь с тоскою о прошлом влиянье?

Может, была ты и в силе, и в славе,
Солнцу тогда уступая едва ли,
И, словно подданных верные толпы,
Звезды в почтенье тебя обступали.

Вольным небесное было круженье,
И не была ты ничьим отраженьем,
И по чужой преднамеренной воле
Не совершала свои превращения.

Как я тебя понимаю, светило!
И у меня в жизни тоже все было.
Юность дала мне и силу, и смелость,
Счастье мне голову позолотило.

Видишь ты степь без конца и без края?
Ветер устанет, ее облетая,
С гор ее льется вода слаще меда, –
Это Отчизна моя золотая.

Мог стригунком в ее травах скакать я,
Чувствуя теплые степи объять,
Мог беззаботно резвиться я, зная:
Завтрашний день предназначен для счастья.

Только судьба надо мной посмеялась,
Юного счастья гроша не осталось.
Нет у меня ни Отчизны, ни дома,
И сиротине неведома жалость.

И за какие грехи осужден я,
Заживо в темной норе погребенный?
Как бы, Луна, я хотел быть с тобою!
Оба – печальники, оба – изгои.

Мы бы отправились вместе в дорогу
В тяжких лишениях – к Господу Богу,
Слез бы кровавые выплавав реки,
Мы бы припали к святому порогу.

Горести наши и тяготы видя,
Разве Господь нас с тобою обидит?
Разве, услышав молитвы смиренья,
Не возвратит он нас в счастья обитель?

ТЕНГРИ

О Тенгри великий, всесильный, мы ждем
Твоей справедливости. Держится дом
На вере, что слуг властелин не обидит, –
Поводья судьбы мы тебе отдаем.

Аллах – это имя у нас на губах,
Аллах нам сопутствует в наших делах.
Мы – слуги твои, мы – покорные дети, –
Веди нас и властвуй над нами, Аллах!

И если в речах моих правда скудна,
Прости мне, великий, то где же она?
От веку живем без твоей благодати,
Потомки Алашей, – в чем наша вина?

Не светит надежда, не греет приют,
Вода не течет, и цветы не растут
Для ангелов падших, отверженных раем,
В котором другие народы живут?

Ты счастья не дал, отказал в красоте,
Голодная степь нам и стол, и постель.
Неужто мы – пища для бешеной своры,
Грызущейся в кровь из-за наших костей?

Неужто ты мстишь недостойным рабам?
Для прочих – пророком открыта тропа,

А нам – ни пророка, ни вещего слова.
Видать, у Алашей другая судьба.

О Тенгри, ты видишь, как скудно живет
Мой гордый, униженный, бедный народ.
Даруй нам посланца – любого араба,
Что наров облезлых в пустыне пасет.

Не гневайся, мудрый, на эти слова,
Довольно уже мой народ бедовал.
Под тяжким гнетом жестокого рока
Мой голос, мой разум вознегодовал!

МОЕ ЖЕЛАНИЕ

Слышишь, судьба, не хочу подаяний!
Полною мерой отмерь мне страданий,
В огненном вихре сжигая дотла.
Пусть этот вихрь мое тело корежит,
Испепелит, до золы уничтожит –
Так, чтоб из глаз моих соль потекла!

Волю мою ты повяжешь тюрьмою –
Я свое горе слезами омою.
Будешь пытаться ты разлукой меня –
Рваться сквозь стены к возлюбленной стану
Да под недреманным оком охраны
Губы кусать, безысходность кляня.

И вот когда возрастут до предела
Муки души и страдания тела,
Чтобы уж знать – не бывает больней,
Мысль о свободе спасением станет.
Чем недоступней она, тем желанней,
Тем иступленнее песни о ней.

Пусть же окрепнет рожденный в неволе
Голос мой, полный печали и боли,
Пусть долетит он до Сары-Арки
И устремится к единственной цели –
К душам сородичей. Да неужели
Он не пронзит вас, мои земляки?!

Слышишь, судьба, не хочу подаяний!
Полною мерой отмерь мне страданий,
Жги на огне, в три погибели гни!
Если народ разбуду я стихами,
Горе отступит, и жаркое пламя
Высушит слезы – к чему мне они?!

ТАЙНА

Через бугор
Ветер метет,
Дует и дует...
Через простор
Древний народ
Мирно кочует.

Степь замерла,
Стихло дитя,
Оба – ни звука.
Тайна вошла
В сон бытия –
Странная штука...

Через бугор
Ветер метет
И задувает...
Тайна – простор,
Тайна – дитя...
Кто разгадает?

ПОГОНЯЙ ЛОШАДКУ, САРСЕМБАЙ!..

Эй, Сарсембай, коня поторопи!
Без этой солнцем залитой степи
С мое прожить попробуй.
Чу! Чу! Ну, что ж ты, подстегни коня!..
Я в городе не прожил бы и дня,
Когда бы не учеба.

Ты на него, оборотясь, взгляни:
Горе подобен, чудищу сродни,
Он тонет в шуме, в гаме.
Ночь и туман колышатся над ним,
Дыхание его – огонь и дым,
В глазах не меркнет пламя.

Громкоголосый, что ни слово – яд.
А воздух? – Как вдыхал я этот смрад?!
И как я только выжил?!
Да не смотри ты! Что смотреть туда!
Когда ж аул покажется, когда?!
Эй, Сарсембай, гони же!

У женщин на уме там только блуд.
Потягиваньем в сети завлекут,
Повиливаньем зада.
Ну, а мужчины – жизни нет ни в ком,
Как будто в этот город напрямиком
Пришли они из ада.

И не горит огонь в душе у них.
Лишь об еде забота. Все! – иных
Желаний нет в обжорах.
Исчадья ада, дети тьмы ночной,
Они не знают радости иной,
Чем жить в вонючих норах.

Для них, слепых, и небеса пусты.
А нам мигают звезды с высоты,
 Луна свой лик не прячет.
Как в городе мечталось о степи!
Эй, Сарсембай, коня поторопи!
 Да не жалея ты клячи!!!

Иль сон сморил тебя? Проснись, встряхнись!
Спой от души. Рванется песня ввысь,
 Услышат звезды пенье...
Гони, спеши! Ведь там аул, родня!..
Не то, ей-Богу, сердце у меня
 Сгорит от нетерпенья!

Когда к груди прижму степной простор,
Волной озерной утолю свой взор,
 Тогда душой воспряну.
В Сары-Арке ветра шелков нежней,
Я их люблю и до скончанья дней
 Любить не перестану.

Да не молчи же ты в конце концов!
Ужель не видишь, что земля отцов
 Все ближе к нам, все ближе!
Все дальше город... Не гляди туда!
Когда ж аул покажется, когда?
Ну, Сарсембай, ну, милый мой,
 гони же!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ты мой маленький,
Ненаглядненький,
С горем незнаком.
Я над колыбелькой
Посвищу в свирельку
Райским голоском.

Ты не слышишь грома,
Одолела дрема,
Далеко гроза.
За окном спокойно,
Спят в загоне кони,
Закрывай глаза.

Лошадь с жеребенком,
Козочка с козленком,
С птенчиком скворец
Много хлопотали,
К вечеру устали,
Стихли, наконец.

Ты – мое спасенье,
Счастье, утешенье,
Светишься звездой.
Беленький барашек,
Ты – надежда наша,
Лучик золотой.

Время быстро мчится,
Пролетит, как птица,
День один, другой –
Однодневный месяц
Станет через месяц
Полною луной.

Стригунок родится —
Ты в седло садиться
Должен поскорей.
Станешь, всадник, править.
Шубу тебе справим
Черных соболей.

Спи, мой верблюжонок,
Спи, мой жеребенок,
Тихо отдыхай.
Мать взяла иголку —
Мастерит ребенку
Лисий малахай.

Сядешь на Тулпара,
На руку Сункара
Примешь от отца:
Юная забота —
Скачка и охота
Степью без конца.

Будешь грозным волком.
Пересудам, толкам
Преграждая путь,
Недруга сражая,
Зверя поражая,
Благородным будь.

Полетишь за счастьем
Через степи, чащи.
Станем тебя ждать.
Люди не забудут,
И девчонки будут
По тебе вздыхать.

На кобыле пестрой
С саблей очень острой

Выйдешь на врага.
Как батыр народа
Завоюй свободу
Людам на века.

Вижу лик прекрасный.
Знаю, жизнь опасна –
Солью жжет глаза...
Жаль, не удержалась,
Речкой разбежалась
Горькая слеза.

Спи, моя опора.
Песни, разговора
Не иссяк запас...
Это очень мудро –
Ждать над люлькой утра,
Не смыкая глаз.

Ты – луна и солнце,
Двери и оконце,
Ты – мой свет в окне.
Птенчик мой, цыпленок,
Белый верблюжонок --
Радость всей родне.

Месяц родился,
Облаком укрылся.
Глазки закрывай!
Спи, мой милый мальчик!
Спи, мой белый зайчик!
Баю-баю-бай.

БЕСПОКОЙНАЯ ЮНОСТЬ

– О чем ты задумался, мальчик любимый?
Для дум невеселых какие причины?

Играй, скакунок мой, резвись, пока молод,
Пусть думы плывут миражами в пустыню.

Ты их не лови. Они явятся сами,
Тяжелой заботой согнут тебе спину.

Смотри, как ликут в степи жеребята,
Иди к табунам. Там – занятие мужчины.

– О нет, скакунам я не радуюсь что-то,
Уйду далеко я, пойду на охоту.

– Коль сердце в печали – развей его песней,
Под струны домбры твоя радость воскреснет.

Услышат тебя озорные подружки –
Любви горький мед вы пригубите вместе.

Тальник позавидует тонкому стану,
Румянцу – светило в лучах поднебесья.

Ты юн и прекрасен. О чем ты тоскуешь?
Где та черноглазка, что станет невестой?

– Ах мама, не тянет к красавицам что-то,
Уйду далеко я, пойду на охоту.

– Сынок мой любимый, побудь со мной
рядом,

Согрей мою душу и словом, и взглядом.

Зачем тебя дальняя манит дорога?

В тебе моей старости скорой отрада.

В тоске по тебе я до срока иссохну,

И белому свету я буду не рада.

Послушай меня, не ходи на охоту,

Не надо, ягненок милый, не надо.

– Не жди меня, мама, старея в заботах.

Уйду далеко я, пойду на охоту.

Ушел далеко он. Пошел на охоту!..

Бродяжил, как ветер, что ищет чего-то.

Скакун, и невеста, и мать не удержат

Мятежную душу, коль манит свобода!
Гордец одинокий! Он выбрал дорогу,
Не зная, что враг его за поворотом.
Скрестились и меч, и копьё, и два взгляда –
И юною кровью омылась свобода,
И юною кровью окрасилась воля.
Душа же наполнилась вечным покоем.

ПЕСНЯ ВОИНА

Лети, мой Каракоч, лети!
Плечи по ветру черной гривой.
Копье мое, светись в пути
Лазурной сталью горделиво.
При гордом имени «народ»
Кровь жарко в жилах закипает.
Кто жизнь народу отдает,
В сраженьях тот не отступает.
Свидетель – солнце в вышине,
Как я с врагом бываю грозен.
Блеск молнии не страшен мне,
Я сам в бою молниеносен.
Я смерть вокруг пальца обвести
Умею умно и игриво.
Лети, мой Каракоч, лети,
Плечи по ветру черной гривой.
Существование мое
От твоего неотделимо,
Мой верный друг, мое копье,
Жезл доблести неукротимой!
Лети, мой Каракоч, лети,
Плечи по ветру черной гривой!..

ПЕСНЯ ЗАКАТНОГО СОЛНЦА, РАССВЕТНОЙ ЗАРИ

Солнце в жар зари широкой
Оседает с высоты.
Скоро ль сладишь, ланье око,
С пряжей шелковой ты?
Ланье око, вскинув брови,
Глянь, как огонь заката чист,
И узором цвета крови
Белый обагри батист.

Расстается солнце с нами,
Сходит алое во тьму,
И кровавыми слезами
Тучки плачут по нему.
Умерло, вздохнув глубоко...
Над землею – мгла и тишь...
Что ж так долго, ланье око,
Вышивание ты длишь?

Родничок мой, лучик зыбкий,
Посмотри – я близко, тут.
Как в воде прозрачной рыбки,
Пальчики твои снуют...
Век опущенных ресницы –
Не из шелка ль бахрома?
Взглядом дай твоим упиться,
Не своди меня с ума.

Как иглой играют смело
Пальцы гибкие твои!
Взглядом – так, как ты умела –
Счастье мне мое яви.
Нет, пусть в пальцах остается
Взор твой, ясен и лучист,

И пусть шелк багряный льется
В белоснежнейший батист.

Ночью вдовушкой до срока
В черном вся лежит земля.
Верблюжонок темноокий,
Дай подсяду ближе я.
Мрак крошечный мир окутал,
Тишина терзает слух...
Шелест... Шорох... Где? Откуда?
Ветер? Иль нечистый дух?

Я от грез тебя нимало,
Прислонясь, не отвлеку.
Гляну только – начертала
Что ты кровью на снегу?
Простота твоя невинна,
Я предвидел наперед:
«Милый, если ты мужчина,
То погибни за народ».

Ноет сердце молодое,
Но я сладить с ним могу:
Слово, милая, за мною –
Кровью алой на снегу.
Счастье – гибнуть за отчизну.
Жизнь, что мне жалеть о ней?
Пальцы гибкие при жизни
Были всех смертей сильней.

Ночь уходит, умирая.
Утро белое встает.
Не твоя ли кровь, играя,
Озаряет небосвод?
Гибель за народ высоко
Нас возносит средь людей.

Не вздыхай же, ланье око,
Ты над вышивкой своей.

Смерть в бою мне будет благом,
И в сражении любом
Твой батист мне станет флагом,
А узор на нем – гербом.
А теперь прощай – я воин.
Встретимся ль когда-нибудь?
«Твой да будет дух спокоен», –
Вслед шепнуть мне не забудь...

Солнце из зари широкой
Родилось для высоты.
Много ль снова, ланье око,
Наготовишь пряжи ты?

ЛЮБЛЮ

Седому пеплу волосы под стать,
И лет немало – девяносто пять,
Глаза ее, как две могильных ниши;
Сухие пальцы четки теребят,
И намертво к земле прикован взгляд,
Вздохнет – едва шаги мои заслышит.
Но и такую мать свою люблю...
А вот за что люблю и почему –
Сам не пойму.

Небесный свет в глазах давно потух,
Не услаждает райским пеньем слух,
В объятиях – ни пламени, ни яда;
Змеей не вьется возле ног моих,
А речь! – Коран не знает слов таких.
Казан, очаг – ей большего не надо.
Жену-дикарку все равно люблю,
А вот за что люблю и почему –
Сам не пойму.

Вполглаза смотрит – век не разлепить,
С подружкой-ленью ходит по степи
В надвинутом на брови малахае;
Живет, как жили предки испокон:
Бредет отара, а за нею он –
Пасутся вместе, вместе отдыхают...
И это мой Алаш, его люблю,
А вот за что люблю и почему –
Сам не пойму.

Зимой – бураны, летом – миражи,
То белый саван, то – желтое ржи,
Ни гор, ни рек – безмолвие да камни,
Одни лишь камни да солончаки,

Но все-таки земля Сарыарки,
Пусть даже и такая, дорога мне.
Да, я такую степь свою люблю,
А вот за что люблю и почему –
Сам не пойму.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

* * *

За всем на пути зоркий посох следит,
Незрячему вложенный в руку.
А зрячий, случается, в яму летит,
Идя вслед беспечному другу.

* * *

Мулле не пристало с Кораном в руке
Ходить в мусульманах примерных
И шастать, чалму заперев в сундуке,
Тайком в заведенья неверных.

* * *

Оразою и намазом
Не задабривай творца,
Отличит Всевышний разом
Верящего от льстеца.

* * *

Всякий ум, что редчайшим алмазом блеснул,
Оценить аулчане не рвутся.
Если ж слава о нем улетит за аул,
Ей назад не позволят вернуться.

* * *

Тьма... Буря ночная в степи золотой.
Смерть царствует, знаю, за пропастью той.
Пытаюсь свечу я надежды зажечь,
Когда нахожусь на дороге пустой.

Пусть тучи нависшие жить не дают,
Пусть буйные ветры с дороги сметут,
Тысячекратно свече благодарен,
Что в пламени светлые мысли живут.

Дрожит среди ночи, мерцает мой свет,
В глазах оставляя божественный след.
Луч солнца в нем вижу и отсвет луны,
Серебряный блеск неизвестных планет.

Слышна мне порою чванливая речь,
Не вникнув, готовы они пренебречь,
Что, мрак отодвинув, нам силы дает
Простая и неприхотливая вещь.

БАБОЧКА

На свече без оглядки
Бьется лета лоскут,
Не считая остатки
Учащенных секунд.

Так медлительно странствие
Над свечою, – но ах! –
И частичка пространства
Обращается в прах.

Вы, избранники судеб,
Пощадите крыла,
Злата кто не добудет,
Не сходите с ума.

Путь поспешный бесславен,
Очевидное – плен,
Вместо золота – саван
Ты получишь взамен.

ТАЙНА БРАДОБРЕЯ

Не вздумай и в степи пустой
О сокровенном вслух шепнуть:
Подхватит ветер шепот твой
И в даль – всем встречным в уши дуть.

....Жил в глубине былых времен
Царь и воитель Искандер.
Великий миру подал он
Кровавых подвигов пример.

Семью он тронами владел
И в битвах не щадил себя,
Неуязвимый ни для стрел,
Ни для меча, ни для копья.

Батыры, равные ему,
Родятся ли теперь на свет?
Зачем они и почему
Приходят в мир, ответа нет.

Но был отмечен царь царей
(Был, верно, божий знак таков.)
Пробившейся из-под кудрей
Сызмальства парюю рогов.

Их Искандер скрывал не зря:
Они ужасны, но, как знать, –

Рогатого государя
Недолго ведь и осмеять...

И царь на удивленье всем
Везде (зачем – никто не знал)
Носил скрывавший кудри шлем,
Сражался в нем, и ел, и спал.

Во всем: в любви, в делах, в бою –
Он доверял своей судьбе,
Но гриву львиную свою
Сам укорачивал себе.

Однако как-то царь царей,
Вином затмивши ум и взор,
Велел, чтоб лучший брадобрей
Доставлен был к нему в шатер.

Пред брадобреем снял он шлем.
Тот, увидав его рога,
Затрепетал, от страха нем,
Как шаткий стебель тростника.

– «Эй, раб! Ты что же, стричь отвык? –
Воскликнул царь. – Чего ты ждешь?
Не трусь, а прикуси язык
И раньше срока не умрешь».

Закончив дело и уйдя,
Стал тих и мрачен брадобрей.
От жгучей тайны нет житья –
Как с нею жить среди людей?

Готовы губы и язык
Сложиться для запретных слов,
Но скажешь их, и в тот же миг
Твой смертный приговор готов.

Наш брадобрей страдать устал
И для спасенья своего
Сухой колодец отыскал
В степи, и заглянул в него.

Вокруг украдкой бросил взгляд,
Побольше воздуха вдохнул

И тихо: «Искандер рогат», –
В глубь безучастную шепнул.

Но, зная, за всем не уследишь.
Не видел бровей в тот миг,
Как шаткий молодой камыш
В его чуть слышный шепот вник

И опечалился, дрожа.
Похоже было, что и он,
Природы чистая душа,
Был страшной тайной удручен.

Тут ветер, резвый лиходей,
Устроил встряску малышу,
Но дикой пляскою своей
Не приглянулся камышу.

Заметив это, ветер взвыл,
Удвоив рвение свое,
Вверх камышу головку взвил
И чуть не обломил ее.

И долго теребил юнца,
Пока его не одолел,
Покамест тайной до конца
Опасною не овладел.

Тогда он, узанному рад,
Камыш, расцеловав, простил
И с криком: «Искандер рогат!» –
Пустился вдаль, что было сил.

Всю ночь метался он, пока,
Проснувшись в предрассветной мгле,
Про искандеровы рога
Все не узнали на земле.

С рассветом, быстрого быстрее,
Умерил ветреник свой пыл,
С рассветом бедный брадобрей
В тугой петле удушен был.

...Крепись, когда секрет хранишь,
Не надо брадобреем быть:
Пусть ты в петлю не угодишь,
Но дружбу можешь погубить.

ЦЕНА БЫЛОГО

То мы ценим, что в былом:
Каждый кладом там владел.
Или задним жить числом
Человечества удел?

Всяко прожитые дни
Умиляют стариков,
А о новых днях они
Не находят добрых слов.

И закон был прежде свят,
И честнее жил народ,
И что небеса сулят,
Знали люди наперед.

Даже страшная сладка
Память о годах былых.
Мать умершего сына
Любит больше, чем живых.

Шаловлив да ласков был,
И не по летам умен.
Как в два года веселил
Взрослых шуточками он!

Многим ли из нас дано
Новым в жизни дорожить?
Правда, кривда ль – все равно
Прошлым нам приятней жить.

СВЕРСТНИКУ

Обманчива жизнь, но она не игра.
Мучительна истина, хоть и стара.
Чтоб жизнь оправдалась, до горького пота
Ты должен трудиться на благо Добра.

Не бойся, плыви через бурю вперед.
Не жди, пока яблоко в рот упадет.
По суше ладья не скользит, лишь в движении
И только в труде все живое живет.

СВОБОДА¹

В те дни, когда кровавая река
И землю залила, и облака,
 И бесы человека полонили,
Тогда не стало в мире доброты,
Лишь по реке священные листы
 Корана и Евангелия плыли.
При виде крови человек пьянел,
При виде крови сердцем каменел,
 Терял рассудок, забывал о Боге.
Да что там Бог – была бы горсть монет.
И по три шкуры дравший мироед
 Не успевал придумывать налоги.
Обман, вражда царили, и росло
Во всем своем великолепье Зло
 До той поры, пока вдруг с небосвода
Не хлынул свет, не отворился рай
И не сошла на помраченный край
 Благая, вечно юная Свобода!
Услышать шепот шелковых речей,
Увидеть райский свет ее очей,
 Узреть мечты земное воплощенье

Спешили все, и каждый в свой черед
То устремлялся с криками вперед,
 То застывал столбом от восхищенья.
В лучистую парчу облачена,
Была подобна ангелу она
 С ее дыханьем тихим, тонким станом.
И тот, кто слезы лил еще вчера,
Сегодня счастлив – знать, пришла пора
 Пожить ему в раю обетованном.
Но, тварь земная, и на этот раз,
Отринув свет, он в темноте погряз. –

¹Написано в дни реакции в Омске в 1918 году.

А может, так задумано природой?
К наживе в нем проснулся аппетит.
Свобода – что? Она ему претит.
Когда ж по горло сыт он стал свободой,
То принялся за прежние дела,
И сразу в сердце правда умерла,
А ложь, напротив, распахнула крылья.
И реки крови с четырех сторон
Мир захлестнули, и повсюду стон,
Убийства, распри, грабежи, насилие.
Их толпы – тех, чей кровожаден взгляд.
Они живут, но заживо смердят;
И эта свора только крови рада.
На гостью, что спустилась с облаков,
Ползли они, как полчища жуков
Или как свиньи, сбившиеся в стадо.
Им ненавистен свет ее лица,
И крикам «Ведьма!» не было конца,
И все тонуло в хрюканье и визге.

Над девою всю глумилась мразь
И веером разбрызгивала грязь,
И падали на одеянья брызги.
Что ж, торжествуйте, свиньи и жуки, –
К победе вы как никогда близки.
Но гостье есть куда бежать от гнета:
Оплеванная вами Чистота
С тоской глядит на райские врата
И расправляет крылья для полета.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЭТ

На законный пейзаж
Гляжу, грызя карандаш.
Владеет всецело мной
Словесных исканий раж.

Свободной минуты нет,
Прикован к столу поэт
И счастлив, когда ему
Хоть строчку подкинет Фет.

ОДНОМУ БИЮ

О бий! Воистину ваш дом
Стал чашей, полною достатка.
Я вижу – нет сомненья в том –
Едите вы и спите сладко.

Знать, для того у нас суды,
Чтоб судьи на делах жирели.
Нет, мы не перейдем на «ты» –
Хочу, чтоб вы в аду горели!

КОЗЕЛ

Тонконогий, бородатый,
Серенький козел рогатый
Как-то вспрыгнул на сарай
И, решив, что всех он выше,
Заходил по плоской крыше,
Важный, гордый через край.

Низко небо голубое
Он увидел над собою
И, гордыней опьянен,
Мекнул, прыгнул вверх рогами,
Кровлю провалил ногами
И в сарай свалился он.

А как раз внутри сарая
Конь томился, изнывая, –
Конь, не ведавший седла.
Не со зла – от изумленья
И внезапности паденья
В ребра он лягнул козла.

Если чести карта бита
И пробило бок копыто,
То какой уж ты жилец?
Тонконогий, бородатый,
Жалкий, серенький, рогатый
Окочурился гордец.

ПЕС

(Шуточное стихотворение)

Сарсен, блаженный аксакал,
Толст животом, а ростом мал,
завел собаку.
Невзрачный пес, холодный нос,
Для аксакала не вопрос:
годится ль в драку?

Пес узколоб, сутул спиной,
Лег животом на шар земной
и крутит мордой...
На вид невзрачный, не смотря,
Сарсен смеется, говоря:
«Еще посмотрим!»

Хозяин рад, что не один,
И лает пес, как господин,
на все, что дышит.
Ну, а Сарсен доволен тем,
Что все сельчане в злую темь
собаку слышат!

Он молится на кобеля, –
Еще не видела земля
такую пару.

Но как-то в сумерках степи
Он псину отпустил с цепи
стеречь отару.

И что же? Лая почем зря,
Пес терся по углам двора
паршивой шкурой,
А ночью начался буран,

И овцы бросились в туман.
 Что ж, овцы – дуры!

Вот только замолчал кобель,
Почуяв зябкую метель,
 в углу забился,
И там его нашел Сарсен,
Разочарованный совсем
 в своем любимце.

Не сделать клячу скакуном,
Не сделать ворона орлом,
 а вывод ясен,
И я скажу, почти шутя:
Сарсен наивен, как дитя,
 и тем прекрасен!

ДРУЖБА

(Шуточное стихотворение)

Друзья теперь по пьянке познаются,
Нет искренней друзей, чем во хмелю,
Их слезы по жилеткам горько льются,
И я им больше верю и – люблю...

Сегодня дружба – это род недуга,
Больной откроет сердце, словно дверь,
И ты воспримешь эти слезы «друга»,
Какую б чушь он ни молот теперь.

А здоровяк подобен истукану:
В нем мало человеческого есть,
Поскольку не склоняется к стакану
И помнит, что такое долг и честь.

И ты, коли поплакаться захочешь,
Стакан наполни водкой, милый друг,
Иль к небу обрати смиренно очи –
Пусть ниспошлет душе земной недуг.

И ЖИЗНЬ, И СМЕРТЬ – СУДЬБА МОЯ

Праздник юности станет седою золой,
Ты подумай об этом, об участи злой,
Как обманчива жизнь, как играет судьба
Человеческой жизнью и смертью самой.

Блеск во взгляде угаснет и щеки впадут,
Голова поседеет за пару минут,
А потом заскрипят твои старые кости,
Ничего, дорогой, не поделаешь тут...

Это все переменчивых судеб игра,
До чего же тоскливы твои вечера,
Ты свой жизненный путь озираешь с презреньем:
– Умирать, – говоришь, – наступает пора.

Снова дразнит судьба и играет людьми,
Чтоб сырая земля распахнулась дверьми,
Ненасытна она, и скрипят ее зубы,
А в остывших глазах не осталось любви.

Что ни делай, а смерть все стоит на дворе,
Даже если запястья твои в серебре,
Даже если любим ты и радостен даже,
Жизнь и смерть – две струны на великой домбре.

СОКРОВЕННОЕ

Житейское море, где берега нет,
Бездонное море, где волны чуть свет,
Я брошен сюда неизвестно откуда:
Мне скоро исполнится двадцать семь лет...

Я матери так благодарен моей
За жизнь и за солнечный отсвет степей.
С тех пор бесконечная тянется битва
В житейских штормах одиссеи моей.

Без счета ложился туман по утрам,
И тьма наползала в дома из-за рам,
Я с собственным сердцем вступил в поединок,
И что я нашел, кроме боли и ран?

А сердце все бьется, бездумно стучит,
Рассудок отстал от него и молчит...
Помедли, мое безрассудное сердце!
На миг замирает в житейской ночи...

Наказы твои исполнял я всегда –
Тонул в океанах, горел в холода
И в голой степи от иллюзий очнулся:
Отравлена жизнь, пролетели года.

«Будь ветром!» – мне слышалось: ветром взлетал,
В пространствах души и земли пропадал,
Я так легкомысленно реял на воле,
Что был на огне опален, как металл.

«Пора быть огнем!» – я растекся огнем!
Я огненным змеем потек напролом,
Ко мне приходили безумцы напиться,
А я разгорался звучащим костром!

«Будь солнцем!» – и я вам сиял с высоты,
Не знали ночей золотые сады.
Я гордость смирил, обнимаясь со всеми,
Для солнца я в том не увидел беды.

«Луною пребудь!» – и я полной Луной
В небесной молитве скользил над Землей...
Даря с высоты неземное сиянье,
Я много сердец растревожил собой.

«Люби!» – и я многих безумно любил,
И в пламени крылья свои опалил,
Не раз оживал после смерти, как Феникс,
И в пепле я новую жизнь находил...

«Заплачь!» – так велела безмолвная даль,
А разве я в жизни взхлеб не рыдал?
Мне слез не хватило – я кровью залился:
Нет более слез, – я всю душу отдал...

«Родителей брось!» – был жестокий наказ,
А разве я в мире не жил без прикрас?
Бродил в одиночестве под облаками.
Родные мои, как мне плохо без вас!..

«Оставь свой народ!» – прозвучало, и я
Оставил отчизну впотьмах бытия.
Как змей, я втирался в доверие к людям,
Наполнив друзьями иные края...

«Богатство отринь!» – я богатство бросал.
Зачем мне достался крикливый базар?
Пусть свиньи на падаль бросаются жадно,
А я даже нищий – богат, как и встарь.

«Найди, чего нет!» – и я отыскал!
Бродил среди лунных обломков и скал...

Чего же ты хочешь, жестокое сердце?
Чтоб я навсегда в этой жизни пропал?

Я жду, что исполнится мне двадцать семь,
А я ничего не исполнил совсем...
Что людям скажу о потерянной жизни
Пред тем, как шагнуть в замогильную темь?

Да, мне исполняется двадцать семь лет,
А там уж и тридцать, и сорок, и цвет
Лица приувянет, и старость нагрянет,
И жизнь приготовит печальный ответ

На все безрассудства души молодой,
Которая с разумом бросилась в бой...
Да, молодость – это опасное зелье,
Но все-таки встретился разум со мной...

Я поздно, наверное, взялся за ум,
Однажды я встречу со смертью, угрюм,
С сырою землею улягусь в обнимку...
А что от поэта останется? Шум?

А вдруг не оценит поэта народ,
Поймет его с точностью наоборот
За то, что был ветрен, взвивался, как пламя,
Бездумно за годом растрачивал год?

Был солнцем – в объятиях землю держал,
Он мрак не любил и луне подражал,
Смеялся над миром, как солнце смеется,
И в смерти со смехом объятья разжал...

Что скажут вослед? Что, быть может, певец
Влюблен в красоту или, может, сердец
Любил он разгадывать вечные тайны...
А вдруг замогилье – еще не конец?

А вдруг к изголовью никто не придет,
И имя поэта навек пропадет,
На эту могилу в степи обнаженной
Никто даже взглядом не поведет...

Судьбина поэта! Прости за печаль.
Казахский народ! Одного только жаль:
Пускай ты осудишь горячее сердце,
Но только не вечную эту скрижаль...

Дороги отчаянны и непросты,
Пропитаны солнцем творений листы.
Я жил и смеялся, сгорал и метался –
Народ, если сможешь, поэта прости.

ЦЕЛУЙ МЕНЯ, ЦЕЛУЙ

Ах, целуй меня, целуй, моя любовь,
Сладким ядом наполняя мою кровь.
Я богатства всего мира не отдам
За минуту наслаждения с тобой.

Дай, тебя я обовью, как деревцо,
Дай покрою поцелуями лицо,
Чтоб дыханья наши страстные слились,
Чтоб уже не размыкалось рук кольцо.

Своей талией осиною дразня,
Кос распущенных плащом укрыв меня,
Припади к моей пылающей груди.
Ах, душа моя! Горю я без огня.

Твое тело, словно облако, бело,
От газельих глаз и в сумерках светло,
Мне не нужен рай небесный и земной –
Только счастье, что с ума меня свело.

Так целуй меня, целуй, моя любовь,
Сладким ядом наполняя мою кровь.
Пусть не день за этой ночью – ночь придет,
И луна луну сменяет вновь и вновь!

ОТКРОВЕНИЕ

Если радуюсь я, то восторга не прячу
И, безумным сльвя, как ребенок, чудачу.
Мое горе безмерно – как мир пред концом,
Но – дитя – я недолго печалюсь и плачу.

Если я рассмеюсь – то рассудок теряю,
Если плачу – то черную кровь проливаю,
Если враг – изведу, буду пить его кровь,
Если друг – у него на пути умираю.

Если я полюблю, то не так, как другие:
Горло страсть перехватит, как косы тугие.
Всю беру без остатка – и душу, и плоть,
И греховность ее, и стремленья благие.

Если плачет она – слезы я проливаю,
Улыбнется она – вновь рассудок теряю.
Забываясь от счастья в объятьях моих,
Умирает она – вместе с ней умираю.

Но я вновь оживаю, и вновь тянусь к счастью,
Вновь рассудок теряю, отравленный
страстью.

Жизнь – безбрежная степь. Босоногий
малыш –
Спотыкаясь, иду – и не верю в напасти.

Жизнь – река, и надежда мелькает плотвою,
Ловит ветер плотву сетью Слова живою.
Я – дитя, мотылек, а надежда – огонь.
Я на пламя лечу – и плачу головою.

Я цеплялся за жизнь, хоть не раз обжигался,
Я – не Богу – себе самому поклонялся.

Но в отчаянье каялся, к Небу взывая,
И молил о прощенье, и верить пытался...

Все, как есть, рассказал... Только ты не
ответил.

Ты мое откровенье молчанием встретил.
А усмешку – кривую, как ухо осла, –
На губах твоих тонких я все же заметил!

* * *

Проливни волос –
Расплетенных кос,
 Чист и звонок смех,
Зубки – жемчуга,
И нежна рука,
 И бела, как снег.
Поцелует лишь –
Вспыхнешь и сгоришь...
Умереть не грех!

СВЕТ КРАСИВ

Знаю я, души услада – май красив
И красив сверкнувшей молнии изгиб,
Лес дремучий, степь широкая моя,
Серебром на небе лунный перелив.

Как красивы нежный, теплый ветерок,
Ароматный и чарующий цветок,
Неба солнечного голубой шатер,
Неоглядность гор, морской песок.

Как красив воды журчащей смех живой
И плывущий плавно лебедь молодой,
И над зеркалом сверкающих озер
Поднимающийся в небо пар густой.

В жаркий полдень солнца желтый диск красив,
Ночи купол в мириадах звезд красив,
В мире много неподдельно ярких черт,
Но твоей лишь красотой я, свет мой, жив!

ЧУТЬ-ЧУТЬ ПО ФЕТУ

Ночь нежна –
Тишина.
Влюблены –
Цвет весны.
Двое их –
Молодых.
Страсти трель,
В сердце хмель.
Слез каприз,
Млечный диск.
Ров, ручей...
Соловей.
Кровь поет,
Забывье.
Поцелуй
Нежных струй.
Средь холмов
Рай цветов.
Шепот,
Плеск.
Утра
Блеск!

ЛЮБИЛ...

Однажды зазвал
И за руку взял:
«Погибнуть не дай, спаси!
Сгораю, любя,
Навеки в тебя
Влюблен я, у звезд спроси».
Твой стан обхватил
И жаркие слил
С твоими уста свои.

И ты в тишине
Приникла ко мне,
За дерзость не прогнала,
А взглядом: «И я, –
Сказала, – твоя...»
И кровь во мне разожгла.
Не знаю уж как,
Но разум иссяк,
И наши слились тела.

Но резвый тулпар,
Покуда не стар,
Одной ли отдаст свой пыл?
И, многих любя,
Былую тебя
С годами я позабыл.
Но вспомнил тотчас,
Едва только нас
Вновь случай уединил.

А ты слезы льешь,
Мол, прошлое – ложь:
«Как сладко ты лгал, прохвост!»
Нет, радость моя,

Не лгал тебе я,
Твой вывод уж слишком прост.
И я был влюблен, –
А может быть, он.
Не веришь? – спроси у звезд.

* * *

Ах, сестренка, ангелок,
Как меня твой взор увлек!
Обними меня, дружок,
В шейку чмокнуть дай твою.

Лампа – ты, я – мотылек,
На себя я смерть навлек,
Твой слепящий огонек
Поцелую и сгорю!

ЮНОЙ КРАСАВИЦЕ

Я поэт – поток бурлящий!
Обуянный страстью – мчу!
Я поэт – огонь палящий!
Взвившись до неба, лечу.

Черноглазая! Со мною
Осторожней будь чуток:
Притворясь влюбленным, смоем,
Унесет тебя поток.

Сладострастными губами
Не шепчи: «Целуй меня».
Посчитаешь другом пламя
И погибнешь от огня.

Я – поэт, я вездесущий
Нежный шепот ветерка.
Мотылек я, сладость пьющий
В чаше каждого цветка.

Не бледней и в сердце места
Шептуну не уступи:
У него одна невеста –
Ширь великая степи.

Мотылька к себе ты сроду
Не привяжешь красотой:
Улетит к другому меду,
Как бы ни был сладок твой.

Я поэт, и я не прячу
Сердце, песнь пуская вдаль,
Я поэт и в песне плачу,
Если на сердце печаль.

Но не плачь со мною рядом,
Не влечи и не милуй:
Молодое тело ядом
Мой отравит поцелуй.

Юный ангел совершенный,
Не целуй меня, прошу!
Плача, я плачу изменой
Всем, кого превозношу.

ПОСВЯЩЕНИЕ Г.

Лето пришло и уходит вмиг..
Солнце – его золотой маховик.
Что же в душе останется?

Травы поникли и деревья,
Высохло озеро, где едва
Лебедь плывет – красавица!

Ангел нетронутый, явь и сон,
Руку протянешь – ан нет, не тронь,
Вот и душа в огне...

Ангел нетронутый, весть небес,
Так бы смотрел на тебя век весь –
Да выйти нельзя вовне...

ЛУЧ

Долгою была разлука.
Вот и встретились они
И поведали друг другу,
Как в былые жили дни.

Пережитые печали
Привели под этот кров.
И глаза их засияли,
И все меньше, меньше слов.

Губы в жажде раскрывались,
И тела сплетались их
И в единый мир сливались,
Что был создан для двоих.

Ветерок ли бился ранний
Взмахом легкого крыла?
Но от близости дыханий
Их растаяли тела.

Как безжалостная память
Выдаст тайну дней былых,
Так невидимое пламя
Лица пожирало их.

И сгореть, и кануть в бездну –
Только бы всегда вдвоем...
Но сверкнуло, словно перстнем,
Солнце яростным лучом.

Сон исчез, что враг в тумане,
Затерялся среди круч.
И она еще в обмане,
В опьянительном дурмане,

Сожалеет, что все канет,
Что всему виною луч.

А в тюрьме в одной из камер
Рады этому лучу.
По стене скользнул и замер.
И за ним следят глазами,
Словно он сродни ключу.

ГУЛЬСУМ-ХАНУМ

Глаза верблюжонка, волшебные речи – Гутьсум!
Нечаянной радостью путь мой отмечен, Гутьсум!
Но кто мне ответит, зачем вдруг при встрече
с тобой
В смущенье приходит душа и уходит покой?!

Глаза верблюжонка, волшебные речи – Гутьсум!
Пусть Солнце мрачнеет, но вечно смеется Гутьсум!
Сама, словно Солнце, что в небе беспечно плывет
И знать не желает, что влюбит в себя и сожжет!

К...

Когда заволокли глухие тучи
Живое небо жизни молодой,
Когда жестокий и неверный случай,
Казалось, обручил меня с бедой,
Когда друзья мои взамен улыбки
Душе дарили только яд вражды,
И в глухоте ночей, слепых и зыбких,
С бессонницей одной я был на «ты»,
И повисала в воздухе рука,
Протянутая мной судьбе навстречу,
И в самом близком я встречал врага,
И от тоски спастись было нечем, –
Тогда ты просто подошла ко мне,
Дала напиток, жажду утолила
И наяву, а не в чудесном сне,
Под голову подушку подложила.
И, утешая нежностью своей,
Ты, словно мать ребенку, повторяла:
«Не плачь, я буду жертвою твоей,
Не плачь, прошу – мы все начнем сначала.
С тобой пойду я – вот моя рука –
Путем твоей судьбы сквозь все преграды.
Коль я тебе по жизни дорога,
Позволь навеки встать с тобою рядом.
Еще наступят золотые дни...»
Слова твои звучали сладкой песней.
Прошла со мной ты воды и огни,
И все ступени неподъемных лестниц.
Мой белый ангел, верный лучик мой,
Твоей любви доверюсь, словно чуду.
Покуда на земле хожу живой,
Ты – мой Аллах, тебе молиться буду...

ДОМБРА

(Стихотворение в прозе)

Памяти Ш...

Ночь. Все спят. Затушена лампа, в юрте полумрак. Свет луны, проникающий сквозь незакрытый край шанырака, тихо дрожит на белом шымылдыке.

Тишина. Слышна только мелодия домбры и еще какой-то неясный, незнакомый звук, рождающий гнетущее чувство страха. Словно всплески течения реки в ночи, словно шепот стеблей камыша, испуганно прячущихся друг за другом под напором степного ветра.

Домбра перекликается с голосом степи. Домбра и этот голос, слившись, печалются, жалуется. И до меня доходит этот далекий затухающий голос. Он приближается издали, словно кто-то под звуки домбры выводит грустную, печальную песню. Женский голос...

«Есть ли в мире душа несчастней моей?! Всевышний, защити...» – к ночи, к бескрайней степи взывает женщина. Горе, мука, печаль в мольбе ее. Голос ее совсем уже близок, голос ее жалостлив, печален, горек.

«Меня, самую близкую, и сердцем, и душой, и кровью родную, опалил ты огнем, брат мой! Чем тебя я обидела, брат мой?!»

Молодая женщина плачет.

Молодая женщина разоблачает.

Молодая женщина посылает проклятья родным, безжалостным и жестоким родным, бросившим ее на произвол судьбы, отдавшим ее на чужбину, превратившим ее в бессловесную рабыню.

Пой, домбра, пой!

Слегка откинув полог, она вошла в юрту. Молодая девушка, на ней тонкое белое платье, разметавшиеся густые черные волосы легли на грудь. На ее бледном

лице нет ни кровинки. Высохшая, худая, под легкой тканью видны кровоподтеки и синяки.

В широко раскрытых глазах застыла безмолвная мука.

Она приблизилась и взглянула в мои глаза. Взгляд ее и мягок, и холоден.

Она слабо улыбнулась, шевельнула бескровными губами, пытаясь что-то вымолвить, свое, идущее из глубины сердца, сокровенное, но вместо слов послышался кашель. Тихий тяжелый кашель. Через какое-то время кашель прекратился. Однако силы покинули ее, и она едва перевела дыхание. У ней не было сил говорить.

И я увидел, как покатались из ее глаз по худым щекам крупные горькие слезы.

Я узнал ее.

Моя сестричка!

Моя любимая сестричка!

Красивая, печально красивая,

Бедная, несчастная сестричка из моего аула.

Сестричка, вынужденная всю свою короткую жизнь глотать яд чужбины.

Моя сестричка, которую алчные злодеи словно бы живой захоронили в землю!

Душа моя всколыхнулась небесным пламенем.

Сердце подкатилось к горлу.

Из глаз моих посыпались слезы.

А домбра все плачет, жалуется, тихо плачет без слез.

Плачь, домбра, плачь!

НОЧЬ БЫЛА...

Ночью небо заволок густой туман,
Плакал ветер и метался ураган,
Над землею расплясался темный дух. –
Кто злорадствует над болью наших ран?

Степь огромная уходит в темноту,
И во мраке, одинокий, я бреду,
Место дикое вокруг – крошечный ад,
Я в кровавом, словно раненый, поту...

Кровь из глаз моих течет, а не слеза,
Ноги режут злые камни – не роса,
А вороны что-то каркают окрест,
Клювом в сердце мне нацелилась гроза!

Кто вцепился прямо в волосы мои?
Кто вонзиться норовит в глаза мои?
Хоть бы кто-то пожалел меня, но нет! –
Я один рыдаю в сумрачной степи.

Кто-то крикнул мне жестоко: «Молчать!»
Ты не смеешь свои чувства отличать,
Твоя жизнь дешевле гривы кобылиц,
Ты ничтожен, на тебе моя печать...

Не дано тебе осмысленной судьбы,
Будут сечь тебя кнутами, ты терпи,
Ты не смей противоречить до конца,
Захлебнись слезами смертными в степи...»

Словно бесы закружились надо мной,
Хохоча над пареньком во тьме ночной,
И взметнулся в моем сердце жар огня:
Есть ли кто-то в этом мире мне родной?

Разрывала меня ярость изнутри:
Неужели мне не выжить до зари?
А мой дядя – неужели это вы
Торговались, наплевав на алтари?..

Вы скупали шелковистых кобылиц,
Отвернувшись от родных забытых лиц.
Я во гневе был готов на смерть пойти,
Но от горечи потупил очи ниц...

Дед и бабушка мне чуть ли не вчера
Все внушали: «От утра и до утра
Плачь, наш внучек...» В этой жизни горевой
Только ты меня одобрила, сестра!

Вечерами ли степными, зимним днем
Ты сутулилась над горестным шитьем,
Выдыхая от несчастья свое «Эх...»
И роняя скупно слезы над столом...

Ты вздыхала, моя бедная сестра,
И колола пальцы швейная игла.
Неудачные распарывая швы,
Ты не помнила ни бедности, ни зла.

Боже, боже! Кто несчастнее, чем мы?
Нет нам счастья среди жизненной зимы,
И досталось столько горя и тоски,
Что неясно, как нам дальше жить взаимы...

Мы не умерли, мы взяли в руки жизнь,
Чтобы зори наши золотом зажглись.
Долго ждали этой радости простой
И – представьте себе только! – дождались!

Свет, как знамя, озарил степные сны,
Это знамя милой женщины – Сестры!

От души отхлынул мрак и яд тоски,
И открылись незнакомые миры!

По-над степью разливается рассвет,
Словно этой светлой женщины привет...
Прочь с дороги, кто мешал счастливым дням...
Ты смеешься, о сестра, над тьмою бед.

СЕСТРА

Твой шелковый нрав и крутая душа,
А в сердце смешались огонь и ненастье,
Мы прожили врозь, повидаться спеша.
Пусть даст тебе Бог долголетье и счастье.

Об этом я в сердце лелею мечту.
Пусть подстерегают ухабы и беды,
Я верю, что ты одолеешь беду,
Желаю тебе и любви, и победы.

Победы во всем, ибо жизнь, как река.
Журчанье ее не приносит подсказки,
А надобно плыть, чтобы наверняка
Прорваться сквозь топи и заросли ряски.

Пусть в мире нас ждут заблужденья и зло,
Мы будем гореть и лишимся любимых,
Мы будем страдать, но страданьям назло
Покоиться будем в грядущих могилах.

Я в жизни короткой был весел вполне
И горя не ведал с женою прекрасной,
Но все-таки, все-таки кажется мне:
Нет радости в радости однообразной!

Подобная жизнь превращается в ад.
А сердце тоскует о ярком и новом...
Нельзя никогда возвращаться назад
К знакомым до боли житейским оковам.

Я в чем-то твой брат – беззаботный певец.
И я отвергаю презренную скуку,
И вот обращаюсь к тебе, наконец, –
Пора! Протяни же и мне свою руку!

Задела мне сердце обида твоя.
Слова твои горькие скорбно звучали.
Нет, это не дело, впотьмах бытия
Лелеять обиду и множить печали.

В АЛЬБОМ Р...

Не знаю, в чем дело, но вы без причин
Поэта нашли и альбом протянули,
Чтоб освободиться от бед и кручин
И вам улыбнуться в горячем июле...

Под светлой луною – светить, как луна!
Стать молнией жгучей для подлых и
лживых!

Но к чистой душе я во все времена
Стремлюсь, припадая в горячих порывах...

Альбом – это в сущности сердце мое,
До срока его под присмотром храните,
Ведь сердце спешит озарить бытие,
И вы не печальтесь, что сердце ранимо...

Альбом – это сердце, ворвется в покой,
Раскроется сам, наберитесь терпенья,
И тайны сердечные – наперебой –
Нашепчут, взволнуют, сойдут постепенно...

Храните, как сердце, заветный альбом,
Все тайные знаки поймите вначале,
Чтоб друга не спутать с коварным врагом
И вместо любви не напиться печали.

Вы сердце в ладони возьмите, друзья,
И, может быть, ваши взволнуются души,
А кто-то, вскричав: так сумею и я, –
Как будто заветное вымажет в луже...

О, сердце-альбом! Как его сохранить?
Пусть жемчугом сердце осветит округу!
Пусть тянется вечная памяти нить,
Протянем, подруга, ладони другу другу!

ПОСВЯЩЕНИЕ Ж.

1

Жизнь – это мост, протянутый над огнем,
А пламя то разгорается ночью и днем,
Пройди по нему играючи, как по льду,
И ноги твои бесстрашно не заскользят на нем...

Всякая нечисть копится в том огне,
Но поспеши, возлюбленная, ко мне,
Прямо, не останавливаясь, в небо – взор,
Скоро ты улыбнешься в иной стране.

Снизу несется марево и туман,
Это, моя возлюбленная, все обман.
Не поддавайся огненным миражам,
Не отдавайся призракам и дымам!

Черная ночь и тучи над головой,
Нежное слово не различить сквозь вой.
В долгой ночи стечет по щеке слеза:
Где же единственный, где же любимый твой?

Где твои близкие, где же отец и мать?
Им тебя не услышать, не повидать,
Им твою душу в пламени не различить,
Но тайный твой спутник рядом, крутой, как рать.

Он за тебя молится в ночной тиши,
Считая тебя повелительницей его души...
Когда ты с ним повстречаешься лицом к лицу,
Узнать родного в сумерках поспеши.

Жизнь – ты ручей, который журчит в ночах
 И отражается в наших с тобой очах...
 Только куда вода бытия несется?
 На берегу не остаться – плывем впотьмах.

В жизни короткой познаем печаль и смех,
 Быстро пройдет и нам отмеренный век.
 Время придет расставаться с прекрасной
 жизнью...
 Пламя души заметет беспощадный снег.

Годы пройдут, как уходят следы во тьму.
 Жизнь – это мост, и ты пройдешь по нему.
 Годы пройдут – мир останется без поэта...
 Вспомнишь меня и почувствуешь, что к чему.

Молвишь, родная: «Брат мой погиб, поэт,
 В жизни прекрасной он ведал и тьму, и свет,
 Плакал порою, но громче смеялся в жизни,
 Подумаешь, в сердце направлен был пистолет!..»

Розы в степи сияют, тюльпаны встают у реки,
 Ветер вечерний поглаживает лепестки...
 О, за многогрешную душу поэта
 Кто вознесет молитву своей тоски?

Ока зеница, ты так еще молода.
 Пусть радость тебе подарят твои года. –
 Вот основная строка моего завета.
 Руки свои протяни ко мне навсегда!

ПОСВЯЩЕНИЕ Ф.

Вот и май наступил – этот баловень лет.
Надо мною мигают весенние звезды,
Снег растаял – и лунный раскованный свет
Дарит звонким оврагам веселый привет...

Когда солнце восходит, взгляни в небеса:
Перемешано синее с золотом красным!
Месяц май – это время, когда чудеса
Смотрят детям, просторам и рекам в глаза.

Как невеста, Земля приодета весной,
И нарядно ее подвенечное платье,
И печалится только лишь ветер ночной –
Одинокий скиталец в накидке сквозной.

Это жизнь такова – то снега, то мороз,
То нежданное солнце ласкает лучами,
То все небо трагический сумрак занес,
То вся степь покрывается пламенем роз.

Это дети прильнут к нежной маме своей,
Это мать, что отдаст им последние силы...
Точно так же все смешано в жизни твоей,
Где рыдает весна и поет соловей.

Здесь любимые вместе восходят на твердь,
Но не знают они одиночества горя...
Если вдруг одного завлекла круговерть,
То другой повстречает бестрепетно смерть.

Так и время – и лето придет, и зима,
Так у многих – родные и близкие в жизни,
Только есть и такое, что только сума
У изгнанников, только судьбина сама...

Больше нет ничего, он всегда одинок,
И лицо человека омыто слезами:
Он не видит ни света, ни звездных дорог,
Он рыдает безмолвно в пути на Восток.

Вот явился ему не мираж, так цветок,
Но пойдя полюбуйся – он ядом сочтится...
В этом мире нет друга – и это итог
Одинокого сердца и искренних строк.

Так и я – человек одинокий навек,
С кем могу поделиться обидой и раной?
Мои слезы текут, как растаявший снег.
Где сердечный мой друг, мой родной человек,

Я вознесся душою в бездонность небес,
А знакомцы, с ухмылкой узнав мои тайны,
Продают их, как сплетни, на вкус и вес.
Все красавицы – глина, а лепит их бес,

Много рядом людей, но все нету друзей,
Кто бы понял мою одинокую душу.
Нет родных голосов и хороших вестей,
Вот я и становлюсь ветром в шуме ветвей.

Скоро ты повзрослеешь, мой истинный друг,
Скоро ступишь на главную в жизни дорогу,
И поймешь – вот она начинается вдруг,
Цепь печалей и праздников, бед и разлук.

Ты поймешь, как приходят в безжалостный мир,
И однажды почувствуешь, как на закате
Где-то рядом с тобою провевает эфир...
Так рождается Бог, так линяет кумир,

Ты прислушайся к ветру, к стихиям иным,
Ты задай своей жизни любые вопросы.
И тогда ты поймешь, что развеянный дым –
Это я одинокий, под небом ночным...

СЕСТРЕ ГАЗИЗЕ

Ты зеница ока, ты моя сестра,
Братец твой несчастный плачет до утра,
Не находит места в собственной душе,
Словно бы в застенке, где тоска остра.

Я не знал покоя, я горел в огне,
Мысли приходили тяжкие ко мне.
В горести и боли проходили дни.
Где мое спасенье в адской тишине?

Нет надежд на завтра, душу гнет тюрьма,
А в крови гуляет зябкая зима.
Сердце молодое затихает вдруг.
Как расправить крылья, знаешь ты сама.

Газиза-сестрица, в клетке мировой
Нежная зеница ока моего...
Ты не плачь по брату, ты смири тоску –
Я томлюсь в застенке, только и всего...

Но, тебя увидев, подниму глаза –
И упрусь макушкой прямо в небеса.
Выйду из неволи, если даст Господь,
Ведь не так уж грешен, брат твой, Газиза.

Я рассею тучи, что черны кругом,
Расплачусь достойно с другом и врагом.

Но не плачь так горько, милая сестра,
Я не испугаюсь зла и топора...

Много в жизни горя и огня – в груди,
Выпало мне много боли и беды.
Но твоя улыбка – о свободе весть! –
Оставляет в сердце светлые следы.

Я попал в неволю, мир вокруг – тюрьма,
Но с твоей улыбкой не сойти с ума...
Слушает Всевышний, как моя сестра
С думою о брате молится сама.

* * *

Узник, повязан жестокой тюрмою,
Я оглушен непроглядною тьмою.
Свет мой, любимая, где она, где?
Скованной к ней устремляюсь душою...

Думает ли обо мне дни и ночи,
Сердце изранив, повыплакав очи,
И, по ночам распустив свои косы,
Молит: «Да станет разлука короче»?

Или по-прежнему день ее красен,
Смех ее весел, взгляд ее ясен?
Может, меня вспоминает от скуки?
Может, мой плач по любимой напрасен?!

Слезы безмолвные я проливаю,
В полдень горю – и ночами сгораю.
Любит, не любит? – И пусть я не знаю!
Тысячекратно ее выбираю.

Мне не осилить суровой науки
Ранних утрат, неизбежной разлуки.
Господи, дай мне забыться, уснуть –
И целовать ее губы и руки.

ЖЕНЩИНА

Когда на землю изгнан был Адам,
сказал Господь: «Я за грехи воздам!»
И человек был выслан им из рая.
«Ступай, – сказал Господь, – живи один,
будь сам своим поступкам господин,
на самого себя лишь уповая».

Темно и глухо было на земле,
тонули горы в непроглядной мгле
без солнца незакатного и света.
Могильным холодом несло с реки,
за каждой веткой чудились враги,
и зов Адама глухнул без ответа.

И понял он, что будущего нет,
что навсегда утрачен Божий свет,
что в настоящем – лишь несчастья лики...
И, осознав, что немощен и наг,
лишенный Божьего тепла и благ,
он возопил: «Прости меня, великий!»

Так горько он томился и стонал,
стонал, не зная отдыха и сна,
унять не в силах горькие рыдания,
что внял его страданиям Творец
и, гнев сменив на милость наконец,
раскрыл Адаму двери воздаянья.

Из шелковистых райских ветерков
и нежности невянущих цветов,
дарящих вечное благоуханье,
из ключевой серебряной воды,
любовно напоившей те цветы,
с ее неумолкающим журчаньем,

из дивной музыки небесных сфер –
прообразом всех гармоничных мер, –
румянцем солнечным окрасив щечки,
сиянья своего не пожалев,
создал Творец вернейшую из дев
для радости Адама днем и ночью.

Вдохнул он душу чуткую в нее,
чтобы не только мужа бытие
она своей любовью украшала,
но чтоб была ему поводырем,
ведя прямым и праведным путем,
была надежным в море бурь причалом...

Сказал Творец: «Не жалуйся теперь –
я распахнул тебе надежды дверь
и снова обретешь ты кущи рая,
коль будешь чист душой и верен ей,
своей жене, то до скончанья дней
ты счастлив будешь, даже умирая...»

Прошли года. Ушли печаль и страх.
Забыл Адам, как он просил в слезах
участия и помощи Господней.
Стал человек и мелочен, и лжив,
обещанное Богу позабыв,
стал жить, как обитатель преисподней.

Ту, что была проводником души,
своим явленьем украшала жизнь,
он уподобил некоей скотине:
ту, что сияла в прелести земной
загадочной и царственной луной,
он превратил в бесправную рабыню...

Ты слышишь ли ее горчайший плач,
изгой вчерашний, нынешний палач?

И продолжаться будет так доколе?
Как бы тебе не распротиться вновь
со всем, что ты имеешь, пустослов,
переступивший снова Божью волю!..

ПОСВЯЩЕНИЕ ЗЕЙНЕП

С детских лет с тобою мы всегда вдвоем,
В школе, в играх – неразлучно – день за днем.
Мы выросли, и росла наша любовь,
Разгораясь в сердце трепетным огнем.

Как прекрасна эта детская любовь!
И к щекам твоим прихлынувшая кровь!
Мы искали этих встреч наедине,
Расставались и сходились вновь и вновь.

Мы безгрешны были в помыслах своих,
Мы скрывали свои чувства от других,
Лишь краснели, встретясь взглядами на миг, –
Был не в силах слово вымолвить язык.

Были ночи, ночи летние без сна,
Когда сил душа влюбленная полна.
И когда спешил на скрип твоей двери,
Я от счастья задыхался: «Вот она!»

И, смеясь, бежали мы к ночной реке,
Лица жаркие студя на ветерке.
Помню яблочки твоих румяных щек,
Руку нежную твою в моей руке.

Помню первый поцелуй, моя душа!
Как стояли мы, растерянно дрожа,
Как не в силах отвести мы были глаз,
Словно видимся с тобой в последний раз.

С детских лет моей ты суженой была.
И когда меня дорога позвала,
Ты шепнула на прощанье: «Буду ждать!»
Уезжал я ненадолго... Ты ждала...

Разве мог я знать, душа моя, тогда,
Что уехал от тебя я навсегда,
Что разлука невозможна для тебя. –
Дни за днями потянулись, как года...

За мечтою шел я, время торопя,
И ни родины не помнил, ни тебя.
Слово лживое коварнее, чем враг! –
Но об этом я забыл, себя любя.

Прелесть жизни променяв на мудрость книг,
Жаждал истин я и к ним душой приник.
Но не золото в руках моих, а медь,
И в мираж вновь превратился тот родник.

Ну а ты, мой свет, пила тоску-печаль,
Иссушала свои очи, глядя вдаль,
Безответно ты шептала в темноту:
«Неужель тебе, мой друг, меня не жаль?»

Переменчивой была душа моя!
Уходя, как бы сказал: «Забудь меня!»
Только ты одной надеждою жила
До последнего, до гибельного дня.

Я, чужбиною коварной обольщен,
Не услышал сердца преданного стон.
Лишь когда пришла тяжелая тоска,
Понял вдруг, что я теперь всего лишен.

Почему я не вернулся в край родной,
Не сказал тебе: «Мой светик, я с тобой!»
Почему с твоими слезы не смешал,
Не смешал печаль свою с твоей тоской?»

Запоздало я вернусь под отчий кров,
Не услышу я твоих прощальных слов,

Не скажу тебе последнее «прости»...
До могилы мне вину свою нести!

Мое прошлое умчалось, как тулпар,
Унося с собой любви бесценный дар.
Будут годы мою душу омыwać,
Буду пить я то отраву, то нектар.

В суете людской унылый путь верша,
Может, встречу ту, что будет хороша.
Но любить другую так же, как тебя,
Разве может, не предав себя, душа?!

СОН

Днем солнца не вижу, а ночью луны.
По эту я сторону мертвой стены.
И кто на свободе, тот счастлив, быть может,
Не знаю – какие приходят им сны.

Сказать о тюрьме? – Даже мысли мои
Прикованы к краю железной скамьи,
И силы могучие в них убывают..
Да, скрасит лишь сон эти черные дни.

ВЕТЕР

«О Господи, как долго сумрак длится!
Когда же утро возвестят мне птицы?
Там, за решеткой, только ветра вой...» –
Вздыхает узник, мучаясь в темнице.

Я вижу ветер: он теряет силы.
Был долог путь, и горе истомило.
Он – черный вестник. Из Сары-Арки
Он до тюрьмы домчался, быстрокрылый.

Он об решетку бьется с завываньем,
Войти он хочет, сам отдать посланье,
Но не сломать железо, не согнуть –
Жестокий стражник холоден к страданиям.

Разгневан ветер, вольный дух природы,
И слышится в порывах непогоды
Как будто крик: «Пусти!» – еще чуть-чуть,
И рухнут с треском каменные своды.

Но пыль степную он развеял только,
Но прах дорожный потревожил только.
И, обессилев, крылья опустив,
Рыдает ветер, всхлипывает горько.

Горя всем телом, корчится от боли,
Скрипит железо, когда ветер молит,

Но так уж заповедано ему,
Чтобы вестей не пропускало с воли.

«О Господи, когда же день вернется?» –
Вздыхает узник в каменном колодце.
Но за решеткой черного окна
Лишь ветер слышен – он гудит, он бьется...

* * *

Ветер – ветреник беспечный,
Он всегда в полете вечном,
Но в одну лишь степь влюблен
Золотую.

Вздвогнут губы:

То он шепчет ей, что любит,
То мычит по-бычьи он.

Что ему вершин громады?

Даже горы – не преграда,
Хохоча, перелетит
Быстрый ветер мой, задира.
Кто закрыл лицо от мира –
Тут же плюнуть норовит.

Пробудившись спозаранку,

Догоняет он беглянку –

Степь ковыльную,

стелясь.

Гладь озерную он гладит.

Спит вода – с водой он сладит,

Чтоб красавица сдалась.

Пробуждая лес дремучий,

Разогнав над лесом тучи,

Мир улыбкой озарит.

Свои замыслы скрывая

И дыхание срывая,

К черноглазке прилетит.

От ее очей, смородин,

Опечалится он вроде

И поклонится он ей:

«Свет мой! Солнцем озаренный,

Я к тебе летел, влюбленный.

Сумасброда пожалей...

Я мечтал о поцелуе,
Повернись ко мне...»
Милуя,
Целовать ее он стал:
И глаза ее, и щеки.
Грудь ее, как холм высокий, –
Прикасаюсь к ней он стал.

Баламут, бесплотный воздух,
Проносясь в пустыне звездной,
Он счастливчик!

Не тая
Страсть свою, скользит по коже.
Ах ты, Господи мой боже,
Почему не ветер я?!

У НАДГРОБИЯ МЛАДЕНЦУ

Малютка кончил путь земной.
Не плачь о светочке угасшем –
Ему открылся мир иной,
Отнюдь не страстный, но прекрасный.

Свершил свой подвиг ненапрасный,
Безгрешным отбыл в дольний край.
Цветок, едва расцветший, красный,
Родителям отмолит рай.

ЖИЗНЬ

Жизнь коротка, всего-то по чуть-чуть
Нам выдал Бог, а там – не обессудь.
И вся она – с ее жарой и стужей –
Непостоянна, как душа, как суть.

Теплом прельстит, уверит без труда,
Что позади остались холода.
Но взгляд у жизни все-таки печальным
Бывает чаще, светлым – иногда.

Жизнь, кроме плача, что нам принесет?
Рождение – как падение с высот
В могильный ров, где камни тело ранят,
Где горьким плачем запечатан рот.

Отрадовался раб, отгоревал,
Отмучился, сраженный наповал.
Довольно за нос поводит Всевышний,
Но лучше человека не создал!

* * *

Туча к туче – черные, как вакса.
Гром гремит, вселяя страх: молчи!
Небосвод пригнулся и напрягся,
Хлещут воздух молнии-бичи.

Все взлохматил ураган в округе,
Сверху льется черная вода.
Все живое бегаёт в испуге,
Прячется повсюду кто куда.

Только вдруг из области заочной
Вышел свет, и страх пропал во мне.
Снова солнце озарило почвы,
Временно сокрытые во тьме.

Золотые облака разъяты.
Там, где ветер выл, покой повис.
Нежные степные ароматы.
Пеньё птиц связует верх и низ.

Плыли тучи, и дожди стучали,
А теперь иная полоса.
Если мы устали от печали, –
Душу просветляют небеса.

ВОЛНЫ ВЗДЫМАЯ...

Волны вздымая в клокочущей пене,
Грозно беснуясь в своем нетерпенье,
В верном необоримом движенье
 Удалью море манило.
Волей манило, простором, свободой,
Необозримостью небосвода,
Но не подав мне и малого брода,
 «Что же ты хочешь?» – спросило.

Птенчиком затрепыхалось сердчишко,
Хоть и храбрился я, глупый мальчишка,
С жизнью знакомый только по книжкам,
 Я испугался свободы,
Той глубины, той бездонности моря,
Где равноправны и радость, и горе –
Вместе потонут с стихиею в споре...
 Поднял я взор к небосводу.

В море бездонном – грозные волны,
Небо бездонное – звездами полно,
Но безответны они и безмолвны –
 Никнет душа, обмирая...
Небо и море – зеркально похожи.
Что им мальчишка, случайный прохожий?
Сердце огонь неизвестности гложет –
 Я, задыхаясь, сгораю...

ЧАСЫ

«Тик-так» – и человек родился,
«Тик-так» – и светлый взор открылся,
«Тик-так» – кругом коварный мир
Притворно в рай преобразился.

Когда же он увидит явно,
Что поражен в борьбе неравной
И за нос мир его водил
За вечною мечтой обманной,

Несчастный не захочет жить.
Готовый ребра сокрушить,
Он в одиночестве созреет
Светильник жизни потушить.

Наивный смертный трус-простак,
Ты пожил вдоволь просто так,
Ну, выходи – твой срок измерен,
Хоть повернись на зов «тик-так».

БОЛЕЗНЬ

Словами «лекарь» и «болеть»
Не нарушайте мой покой.
Решив, что лучше жизни – смерть,
О смерти взмолится больной.

Когда страдает только плоть,
Помогут доктор, знахарь мне...
Как душу – парить и колоть,
И можно ль исцелить вполне?

Душа отравлена... Огнем
Пылает грудь, но я все жив!
Зачем же тело лечат, в нем
Больной души не исцелив?!...

НЕБУ

В небо зеленая звездочка манит,
С первым же облаком молча обманет.
Многие прочие тоже зовут..
Скольким я под ноги бросил уют.

Звездам небесным отныне не внемлю –
Грешно люблю бесприютную землю.
Ветер пустынный уносит меня
Мимо чужого тепла и огня.

Вдруг разобиделся я на Аллаха:
Душу мою сотворил он без страха,
Сердце парящее в ребра вложил,
Сам же опутал их путами жил.

Черной земли он порядок нарушил –
Людам земным не дал черную душу.
Помни, небесный отец, обо мне –
Светлой душой я прикован к земле.

Понял я: существование бренно.
Дай мне понять бесконечность Вселенной.

КОКШЕТАУ

Пронзивший небо каменным отрогом
И говоривший с лучезарным Богом,
Мой Кокшетау, ты высок, высок!
Сплошная, черно-синяя, сверкая,
Сгущалась туча – и застыла, тая,
Кокше целуя в каменный висок.

Глаза Кокше в слезах и сне великом –
Туман клубится над гранитным ликом,
Его не в силах разогнать Кокше.
Густы леса – не проскользнуть стрекозам,
Привольно здесь и соснам, и березам –
Стройнее стрел, стоят настоroje.

А где-то там, за черно-синим мраком,
Нависнув низко тенью над сайгаком,
Кровавоглазый пролетел орел.
Мусой я стал бы, стал бы я пророком,
Когда б допущен был суровым роком
Пред очи божьи на Кокше-престол.

Паду к ногам Мусы в небесных росах.
Мои стихи – мой благородный посох,
Я на Кокше взойду, и в вышине,
Стопы направив к божьему чертогу,
Пойму я небо и отвечу Богу –
Язык его понятен станет мне!

ВОЛНА

Волна волною рождена.
Волне вослед бежит волна
Вдоль по речному плесу.
Заводят волны разговор –
Ах, этот милый сердцу вздор! –
Все о любви к утесу.

И чтобы выведать секрет,
Хотя меж волн секретов нет,
Волна с волной сойдутся,
Но тут же, весело смеясь,
Игриво пенясь и змеясь,
Подружки разбегутся.

То, как ребенок, лепеча,
То, как лесной ручей, журча,
Волна бежит по плесу, –
Спешит серебряной водой
И легкой пылью золотой
Лицо омыть утесу.

Спешит поцеловать утес,
Омытый водопадом слез,
Любви своей не пряча.
И плач ее похож на смех,
И смех ее похож на смерть –
Умрет, смеясь и плача.

Звонкоголоса и нежна,
Волне вослед бежит волна,
Волна волной играет.
И всю любовь свою – свой мед –
Она утесу отдает
И тихо умирает.

БЕРЕЗКА

Тихая береза,
Чахлая душа,
Стонешь от мороза,
Ветками дрожа...

Ты не ждешь ответа,
Бедная сестра,
Ты дрожишь от ветра,
И тоска остра.

Вьюгой зазнобило,
И тоска – острее:
Только б наступило
Лето побыстрее!

Чтоб согреться малость,
Выпустить листву,
Чтобы рассиялось
Солнце наяву,

Чтобы сквозь ресницы
Просиял закат...
Пусть на ветках птицы
Песенки свистят.

Грустная береза
Думами полна...
Тяжко от мороза.
Скоро ли весна?

Ветер ветки режет,
А буран метет...
Кто тебя утешит?
Кто тебя поймет?

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Ночь. И буран свиреп.
Мертвая, голая степь.
Заметены пути,
ни огня впереди.
Впереди – ни огня,
а я все гоню коня
через сугробы.

Ветер рычит во мгле,
жметя, как зверь, к земле,
то подползет ко мне,
то замрет в стороне,
то начнет угрожать,
и опять, и опять
воет от злобы.

Кто-то хохочет в степи,
кто-то бормочет – спи...
Ветер свистит в ушах,
то нагоняет страх,
то спасенье сулит,
шепчет слова молитв,
плачет, тоскуя...

Нет впереди дорог.
Еду я, одиноко,
холодно мне... дрожу...
еле в седле сижу.
Что это там – вдали?
В снежной густой пыли?
Не разберу я...

Мертвая, голая степь.
Ночь. И буран свиреп.

Хоть бы где огонек!
Конь совсем изнемог,
больше и я не могу –
здесь, в глубоком снегу,
верно, умру я...

ВЕСНОЙ

«День настал! Тебе ж все спится,
озорница... Баловница!
Пробудись, ягненок мой,
сон стряхни, лицо умой!» –
Так Заря будила Землю,
а Земля лежала, дремля,
в блеске утренних лучей.

Вот тихонько шевельнулась,
потянулась и проснулась,
только медлит встать, шутя, –
непослушное дитя!
И, щеки ее касаясь,
мать склонилась, улыбаясь,
и целует горячей.

И, откинув одеяло,
степь под солнцем засияла,
и бежит вода, звеня,
и смеется в свете дня,
рассказать о чем-то хочет –
как ребенок, все лопочет,
разливается ручей.

Свежею водой умылась,
празднично принарядилась
и красуется Земля,
радуясь и веселя
разнотравьем и цветами,
многоцветными шелками,
многозвучием речей.

И с нее, своей отрады,
целый день не сводит взгляда
Солнце – ласковая мать,

не устанет обнимать,
целовать и любоваться –
им теперь не расставаться
до вечерней темноты!

А у края неба тучи
шепчут, собираясь в кучи:
сочтены, мол, наши дни,
бесприютны мы, одни,
нас никто не приласкает...
Видишь, слезы проливают
и роняют с высоты...

ЛЕТО НАСТУПАЕТ

Веет легкий ветерок,
Набирая силы,
Запасаясь ими впрок
Для отчизны милой.
Небо в золоте плывет
солнечного света,
Это лето к нам идет,
Наступает лето.

И шелковые свои
Косы расплетая,
Лето золото струит,
С юга прилетая.
Золотистая пора
Добротой согрета –
Радуетя детвора
ласковому лету.

А в тени укромной снег
Спрятался от света,
Будто можно по весне
Спрятаться от лета.
Лето ведь не только снег,
Даже лед растопит
И разбрызжет легкий смех,
В юных листьях шепот.

К морю, к озеру, к реке
Ручейков тропинки
Устремятся налегке,
Звонкие, как льдинки.
Брось, малыш, свою игру
В зимнем теплом доме,
Выйди, оглянись вокруг –
Нежится в истоме

Обновленная земля,
Улыбаясь свету,
И готовятся поля
К золотому лету.

Рукоделье кинь свое
В доме, черноглазка,
Выйди, слушай, как поет
Обновленья праздник.
Зарумянятся твои
Яблочками щечки,
Ожидание любви
Душу растревожит.
Загадай о ней, шепни
Лету по секрету:
Верь мне, в считанные дни
Все исполнит лето.

Защебечут, как в раю,
Птахи, загнездятся.
Вспомнив молодость свою,
Жизнью опьянятся
На земле живые все –
Люди, звери, травы.
В пышной солнечной красе
Зашумят дубравы.
Ветер ласково поет,
Солнышком согретый.
Лето светлое грядет,
Наступает лето...

ЛЬДИНА

После того, как жестокий мороз,
Милый супруг, тебя, бедную, бросил,
Северный ветер из северных грез,
Вдруг потеплев, тебя разморозил.

Снег ноздреватый слезой изошел,
Солнце насмешливо снег целовало...
Льдина обиделась: Ну, хорошо –
Я потемнела... Вам этого мало?!

Кинулась опрометью в бега
И, торопливо по речке спускаясь,
Смаху ушиблась о берега,
Слепо о скалы боками толкаясь.

Ринулась, бедная, в океан,
В тот, Ледовитый, – в стихию родную:
Должен спасти он от солнечных ран
И уберечь в ледяных своих струях.

Только полгода всего нужно ей,
Чтоб до морозной зимы сохраниться,
Прячась от вешних палящих лучей
В той ледяной, той родимой воднице...

Толстая черная льдина, – увы! –
Ты не надейся, что справишься с летом.
Нет, и тебе не сносить головы,
Не уцелеть – не надейся на это.

Жаркое солнце настигнет тебя,
С речкой кокетливой озоруя,
И, заласкав, зацелует, любя,
И превратит тебя в быстрые струи...

ВСЕ ГУЩЕ ЛЕС...

Все гуще, все непроходимей
Березово-сосновый лес,
Немыми кронами своими
Дотронувшийся до небес.

Укрывшись саваном, бесплотный,
Он спит и видит сон такой:
Что ветер, плакальщик залетный,
Поет над ним за упокой.

Но лес, все так же тих и светел,
Не дрогнув, продолжает спать,
И мне, похожему на ветер,
Вдруг захотелось лесом стать.

Пусть сладкий сон во тьме крошечной
Струится снежной пеленой,
Пусть ветер плачет безутешно
И причитает надо мной...

ПАПИРОСА

В небо дыма подпустил,
Пышно пепел отрастил,
 Уронил в посуду.
Так, глотая горький дым,
Стал морщинистым, седым –
 Кто я и откуда?

Жизнь – поток, мечта – трава,
Поседела голова...
 Плавал еле-еле.
Вдруг ввиду большой воды,
Выгребая из беды,
 Захлебнусь на мели.

Дым – забвенье и туман,
Жизнь – трава, мечта – обман...
 Вижу трезвым взглядом:
Иссушается поток.
Дыма горького глоток
 Запиваю ядом.

АЛЕКСАНДР БЛОК

Вечно юное сердце, божественный Блок
жил надеждой – наступит негаданный срок:
он увидит Прекрасную Даму!
Погружаясь в потоки надежд золотых,
в лунных бликах искал он загадочный лик
одержимо, упрямо!

Как недугом, надеждой своей одержим,
днем и ночью искал он свои миражи
и терял, не найдя, и метался...
Расточительный бог восхитительных строк,
вечно юное сердце, божественный Блок,
он, и плача душой, не смирялся!

О Прекрасная Дама, души идеал,
восхищенный поэт Даме сердце отдал,
одурманенное фантомом,
и в счастливом восторге своем неземном,
трепеща, заливался над ней соловьем,
как над розой, цветущей у дома...

То надежда, то плач в соловьином саду,
и тоскует поэт, выкликая беду,
не сдаваясь судьбе на поруки.
Но однажды погаснут живые лучи
и звенящая песня его замолчит,
не дождавшись от Дамы ни звука.

День ли был или серая ночи зола
в миг, когда от него его песня ушла,
ядовито-медовая песня...
Блок очнулся, увидел – светильник угас
и старуха с провалом глазниц вместо глаз
манит-тянет в крошечную бездну.

О Прекрасная Дама, души идеал,
ты – фантом, ты – мираж... И, сражен наповал,
Блок тоскливо и горько заплакал:
ведь допеть свою песню ему не успеть,
вместо Дамы Прекрасной – безглазая Смерть
простирает костлявые лапы.

Вечно юное сердце, божественный Блок
был живой человек, потому изнемог
в этой драме, извечно напрасной.
Жизнь угасла... И все же летит сквозь века
восхищеньем и нежностью людям близка
песня Блока о Даме Прекрасной...

ОБМАНЧИВАЯ ЖИЗНЬ

Впереди тропа косяя,
Лампа жизни, угасая,
В темноте меня бросаю,
Исторгает чад – не свет.

Немощь с белыми глазами...
День былой омыт слезами,
Упованья сгинут сами
В мириадах черных бед.

От надежды – утомленье,
Я не чаю исцеленья,
На коленях день в моленьях –
Равнодушный смех в ответ.

ПРИ РАССТАВАНИИ

Уж целый год, как я живу тобою,
Но лучше б я любви твоей не стоил.
Беспечный! Позабыл я о разлуке,
Что всем влюбленным суждена судьбою.

Ты целый мир собою заслонила,
И я любил, и ты меня любила.
Зачем же эта пытка расставаньем?
Уж лучше бы сама меня убила.

Я знаю, ты сегодня уезжаешь,
С волною волжской жемчуг слез смешаешь.
Мой верблюжонок, душу взяв с собою,
Зачем меня живым ты оставляешь?

Ну что ж, прощай, прощай, моя отрада,
Знать, не судьба мне быть с тобою рядом.
И больше я, Гутьсум, писать не в силах,
Глаза полны слезами, сердце – ядом...

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Дрофа перелетная песню допела,
Совсем молодая, уже овдовела,
И также, желтея, вдовеет земля
И плачет: ушли мои светлые ночи,
Тьма все обложила, день белый короче,
И лето в чужие умчалось края.
Черно одеянье.

Все небо за грозными тучами пряча,
Грядет непогода, омоет, оплачет,
Живьем заколотит страдальицу в гроб.
К слезам только слезы придут, и завоет
Прославленный ветер над палой травой
И бросится вдруг в предпоследний галоп.
Прощай! До свиданья!

Березка на горке, открытая ветру,
Уже облетела, дрожит каждою ветвью
И, корнем цепляясь за гиблый песок,
К земле прилегла, и в постели убогой
Тихонечко молит у здешнего бога
Себе сострадания на волосок,
Но нет состраданья.

Стоит карагач – многожильный вояка,
Единым листом не украшен, однако,
Под ветром не клонится – не побежден,
При нем времена и похуже бывали,
Его ураган даже вряд ли повалит –
Он к этому месту навек пригвожден
Другим в назиданье.

А я? На кого я похож? С кем сравниться?
Ни ветер, ни туча, ни осень, ни птица –
Я сам по себе позабыт, одинок –

Ни райский цветок, ни исчадие ада...
Я смертен – вот главная нынче досада.
Заплакать любой пригодится предлог,
Любое желанье.

Я думал, что силам не будет изводу,
Но кровь превращается в желтую воду,
А красные яблочки девичьих щек
Сменяются на бело-серую бледность,
Богатство – на невыносимую бедность.
Я радость от жизни меняю на шок...
Шаманье камланье.

Сегодня поплачу. О сладкие слезы...
Когда я умру, не умрут ли березы?
Останется ли карагач вековать?
Красотки еще поживут безмятежно?
Округу порадуют пением нежным?
Подковы кузнец еще будет ковать?
Остались желанья!

Когда я устану от всей круговерти,
Когда я улягусь в обнимку со смертью
На черную землю под зыбкий песок,
Кто плакать останется – не надо мною –
Над нашею брэнною долей земною?
Один Милосердный с бездонных высот.
Одно упованье!

* * *

Без луны и без роз
Соловей безголос,
 А немой соловей – птичка серая.
Жизни немые уста –
Грудь теснит пустота,
 Сердце стылое – бездна безмерная.

РАЗДУМЬЯ

Раздумья – яд –
 мгновенно насыщают,
Раздумья – яд –
 души не просвещают,
Раздумья – яд,
 и ты пьяней вина,
Раздумья – яд –
 ошибок не прощают.
Раздумья – море –
 за волной волна,
Раздумья – море –
 бездна, глубина,
Раздумья – море, –
 жертву поджидая,
Какие клятвы вынесут со дна?

Раздумья –
 перелетных уток стая.
В раздумьях я,
 стена и рыдая,
Истаял, будто старая луна,
Но не воскресну, будто молодая.

И МЕНЯ ТЫ, СМЕРТЬ, УБАЮКАЙ...

Изнемог я, иссякли силы.
День промозглый, и ветер сирий
 Причитает, плачет навзрыд.
Я ловлю туманные речи:
Где-то там, далеко-далече,
 Кто-то умер и в землю зарыт.
Слышишь, ветер, уйми волнение –
Смерть несет нам успокоенье...
 Сердцем пью сладчайшую муку.
Ты приди и меня убаюкай,
Убаюкай, смерть, убаюкай!

В кружевах листвы шелестящей,
На опушку шагнув из чащи,
 Засмотрелась березка вдаль.
И откуда только, откуда
К ней, танцующей, светлокудрой,
 Вдруг подкралась тоска-печаль?!
В травы рухнула головою,
Плачет ветер над ней, неживою...
 Сердцем пью сладчайшую муку.
Вместе с ней и меня убаюкай,
Убаюкай, смерть, убаюкай!

С гордым кличем, под стягом пестрым,
С окровавленной саблей острой
 Он врагов разил на скаку.
Как копьём, их взглядом пронзал он, –
Этот юный джигит немало
 Погулял на своем веку.
И лежит теперь, успокоен.
Буйным ветром оплакан воин...
 Сердцем пью сладчайшую муку.
Вместе с ним и меня убаюкай,
Убаюкай, смерть, убаюкай!

Злым недугом вконец измучен,
Путник шел по пескам зыбучим,
 И мечтал он в глухой ночи,
Чтоб заря пришла поскорее,
Чтоб спасли его и согрели
 Солнца утреннего лучи.
Вот и встал рассвет над барханом,
Только путник лежит – бездыханным...
 Сердцем пью сладчайшую муку.
Вместе с ним и меня убаюкай,
Убаюкай, смерть, убаюкай!

Словно яблоки – щеки девы,
Слаще меда ее напевы,
 По плечам – водопад волос,
Смех – рассыпанный жемчуг скатный,
Как бутон – уста ароматны,
 Лишь глаза – как озера слез.
Та, что вешней сияла зорькой,
Захлебнулась печалью горькой...
 Сердцем пью сладчайшую муку.
Вместе с ней и меня убаюкай,
Убаюкай, смерть, убаюкай!

Ангел чистый, младенец милый,
Нежноликий и светлокрылый,
 Как родник, его смех звенел.
Ягодинка на ветке тонкой...
Чей же глаз на того ребенка
 По-недоброму посмотрел?
Мой ягненок уснул навеки,
Легкий ветер целует веки...
 Сердцем пью сладчайшую муку.
Вместе с ним и меня убаюкай,
Убаюкай, смерть, убаюкай!

Под волною жемчужнопенной
Есть аул необыкновенный –

Шестьдесят белокрылых юрт.
По красавице в юрте каждой.
В том ауле они однажды
Свой последний нашли приют.
Словно водоросли их косы,
Все наги, волнистоволосы...
Сердцем пью сладчайшую муку.
С ними вместе меня убаюкай,
Убаюкай, смерть, убаюкай!

Не вкусивший любовной муки,
К морю юноша тянет руки,
В юрты белые входит он,
Чтоб остаться в пучине водной,
Обнимая поочередно
Всех зеленоволосых жен.
О погибшей душе тоскуя,
Вздрыбил ветер волну морскую...
Сердцем пью сладчайшую муку.
Вместе с ним и меня убаюкай,
Убаюкай, смерть, убаюкай!

Знать, и мне подоспело время
В путь последний уйти со всеми.
Крепко юношу обниму,
Постою над мертвой березой,
И красавице вытру слезы,
Над пустыней развею тьму.
Истрадалась душа от боли,
Хоть и молод – пожил довольно...
Сердцем пью сладчайшую муку.
Я прошу: меня убаюкай,
Убаюкай, смерть, убаюкай!

Посади к себе на колени,
Влей мне в душу успокоенье
И не медли, поторопись!

Обескрылело сердце-птица,
Не поется ему, не летится,
 Не зовет его больше высь.
Посади к себе на колени,
Влей мне в душу успокоенье!..
 Всю до капли я выпью муку.
Так приди ко мне, убаюкай,
Убаюкай, смерть, убаюкай!

ЖИВУ ЗАНОВО

Я изнемог от темных дум –
Болит душа, и дней не счесть,
Когда я погибал от скорби...
А все-таки надежда есть.

И потому душа жива:
Как кровь – горячие слова
Из глубины ее струятся,
И счастье брезжит, и молва.

Сегодня жизнь моя полна –
В моих объятиях Она!
Не знаю ничего пьянее,
Чем эта теплая струна.

Кого я нынче обнимал,
Чьим лепесткам во сне внимал,
Казалось, солнце золотое
Всю ночь светило сквозь туман.

Я знаю сам, кого держал
В руках, когда в душе пожар,
Я словно целовался с утром,
Кого столь страстно обожал...

Я душу обнимал твою
И думал, что уже в раю.
«Люблю», – душа мне говорила,
И я ее боготворю.

Ее слеза, как чистый мед,
Она, рыдая, слезы льет:
– Моя душа с тобой, любимый, –
Благословляю твой приход.

Я с нею вместе слезы лью,
Ее о нежности молю,
Омою этими слезами
Тропу житейскую мою.

Влюбленный – вот уже тридцать лет, –
Но не во мрак, а только в свет,
Омыв двойным рыданьем душу,
Восстал из забвения поэт.

ОЖЕРЕЛЬЕМ – ЛУНУ И ЗВЕЗДУ – НА КОЛЬЦО

Ты – зрачок мой, твое ослепляет лицо.
Поцелуй – задохнусь я, смирившись с концом.
Подойди же, скользя, словно шелк. Подарю я
Ожерельем – луну и звезду – на кольцо.

Твоя речь колдовская, как пряный туман.
Мое сердце безумствует, как океан,
А твой смех – так рассыпанный жемчуг смеется
На серебряном блюде из сказочных стран.

Мое сердце, как скалы. О выступы скал
Бьются волны волос – я в слезах утопал,
Окунал я перо в кровь разбитого сердца.
Ты, как зеркало, – глядя в него, я писал.

Для тебя расшиваю стихами платок.
Как слетаются мухи на сладкий медок,
Так лицо твое слаще лесной земляники –
Отгоняй ненасытных платком за порог.

Баловница моя, подойди же скорей,
На головку надел бы венец из лучей,
Жемчуга нанизал бы из слез моих чистых,
Недотрога моя, наваждение ночей.

Подойди же, дитя, не смеясь надо мной,
Над потоками слез, над звенящей струной,
Над строкой моей, полной любви безоглядной,
Поцелуй – и умру я, и стану тобой.

Ты – зрачок мой, твое ослепляет лицо.
Поцелуй – задохнусь я, смирившись с концом.
Подойди же, скользя, словно шелк. Подарю я
Ожерельем – луну и звезду – на кольцо.

БЕРНИЯЗУ

*...Воин погиб, захлебнувшись в крови,
и успокоилась душа беспокойного.*

Жизнь, как степь, и в ней поэт – ребенок,
И душа блуждать ему велит.
Словно шелест пенистых оборок,
Жизнь его займет и усыпит.

Старика тоскливые советы
Мне напоминают океан,
В глубине скрывающий предметы,
О которых смутный образ дан.

А на дне Дарьи есть шесть десятков
Белых юрт на золотых шестах,
Шелковые пологи да и сладкий
Голос – баю-баю на устах.

Там сомнамбулические орды –
В седлах колыхающийся хор,
Смехом колдовским заводят воды,
Пена – как стада сбегает с гор.

День ли, ночь – не помню, все возможно...
Но сошлись здесь вечные враги,
Замерли в молчаньи осторожном,
Став на расстоянии руки.

Жизнь и смерть – два полюса бескрайних,
Оба повстречались на меже.
И явился им на поле брани
Юный воин с пламенем в душе.

Он увидел зло и в том, и в этом,
Две огромных цели для свинца.

Только отскочила рикошетом
Пуля – и убила молодца.

Два врага свидетелями были,
Как судьба себя нашла сама.
– Одержим, – со смехом говорили, –
Или вовсе выжил из ума.

Не пугайся мыслей ядовитых,
Ты воспой печаль свою, но так,
Чтобы тайны сами на орбитах
Выплыли к тебе, рассеяв мрак.

Жизнь и смерть в борьбе непримиримы.
Только песнь роднит их, только стих,
Надо, прежде чем сразиться с ними,
Петь, созвучьем связывая их.

Я жалею о судьбе поспешной.
В мире многое сближало нас.
Ты – поэт блуждающий и грешный,
В будущее шел ты – и погас.

В САДУ ТУРАНА

(Картина)

Луна взошла – красавица и чудо!
Ее чело – как золотое блюдо.
Был вечер хмур, вспыхнул луч ее –
И заиграли золотом запруды.

Листва, с лучом целуясь, вся трепещет.
Вода, струясь, журча влюбленно, блещет,
Но вдруг заплачет горько, закричит,
И ветер шепчет и волною плещет.

Плывет Луна, с небес лучи струятся.
Красавицами деревца толпятся.
Лишь дева-лебедь шею повернет –
Сережки звезд в ночи засеребрятся.

Вот карагач – на шапке мех зеленый.
Все в золоте, горят инжира кроны.
И в красных бусах яблоня стоит,
И в бриллиантах сад уединенный.

Лежат кораллы вишен под ногами.
Один гранат не радуется плодами,
Так сух и бледен. Бедный, отчего?
Ведь изумрудом полон ты с краями.

Но как людская радость, утро сладко.
Нанизан жемчуг пуговками в складках,
И виноград, как шелка бахрома,
И в свет луны влюблен урюк украдкой.

Колышутся кругом цветов султаны,
С плодами все – и синий, и багряный.
Там ферюза, там радости цветков,
Благоухает он, врачует раны.

Бегут ручьи, цветам родного края
Любовные секреты доверяя.
Их глубина – как мера красоты.
Посеребрил их кто-то, пролетая.

Луч спрыгнул с древа – лучше не в природе,
Но отчего-то долго не выходит
Капризница Луна из облаков,
В объятьях спит, хоть разлюбила вроде.

Вдруг тишина. Что там за свет пролился
И лик цветов внезапно изменился?
Возникла песня – не печаль, а рай
Она несла. Откуда он явился,

Волшебный голос? Может быть, приснился?
Растаял я и в песне растворился –
Мой соловей! Ведь это соловей!
Я рядом, здесь, тебе я покорился.

Искал тебя – ты стал моей судьбою.
В Туран пришел я только за тобою.
Шейх Саади, Хайям и Ширази,
Вас вдохновлял он песней золотою.

Сожги меня, пусть в сердце пепел стынет,
Нет, пепелище, вечный прах пустыни,
Чтоб петь всю жизнь, чтоб с песней соловья
Не расставаться никогда отныне.

В начальной трели тишина такая,
Как будто песня, колыбель качая,
Тебя несет на крыльях в синь небес,
И ты взлетаешь, разум свой теряя.

В строптивом сердце воля угасает.
Я высь лечу, огнем оно пылает,

И ядовитый мед мечты я пью.
Кто яд не пьет – мечта того бросает.

Глотал и плыл, волна меня качала.
Не мог напиться. Сердце замирало.
Мне чудилось: очистилась душа
От всех грехов и больше не роптала.

И словно пред божественною силой,
Склонился я – и тут же исцелила
Она от ран сердечных мою плоть
И вновь Луну из туч мне возвратила.

Она, блистая, вышла молчаливо,
И вспыхнул лик ее лучом стыдливо –
Закрылась гущей молодой листвы.
Мелькнули тени там и тут пугливо.

Рябит в глазах, и гулко сердце бьется,
И повторяю я: «Пусть все вернется!»
Молитвам внемлю – песню подари!»
Струится луч... Откуда же он льется?

Зачем к глазам вдруг слезы подступили?
И яд, и мед меня не утолили.
Мой соловей, зачем ты замолчал?
Ведь твои песни сердце мне спалили...

И в моем сердце пламень каменеет.
Песнь недопета. Что же это с нею?
Что оборвало песню соловья?
И что на глади озера темнеет?

Там – лягушатник! Там вода густая?
Как птице петь! Лягушкам подражая?
Лишь запоет – ответит жабий хор.
И проклял я закон твой, жизнь без края!

Певец Турана оборвет ли, споря,
Бездарный голос? – Его пенью вторя,
Для лупоглазой твари все не грех.
А если вдруг певец умрет от горя?

... Ночь позади. Заря восток открыла.
«Бак-бак» не сломит никакая сила.
Бесстыжая Луна струит на жаб
Свой ясный свет, что соловью дарила...

ТУРКЕСТАН

Туркестан – ты в два мира открытая дверь.
Туркестан – ты всех тюркских племен колыбель.
О, Всевышний! Ты здесь наш народ поселил,
И за благо такое спасибо тебе!

В старину Туркестан называли Туран.
Это родина древняя тюрков всех стран.
И судьба твоя славно-завидной была
На путях, где прошел дней твоих караван.

Словно огненный столп поднялся до небес –
То величие лет твоих, полных чудес.
Твои горы и доли, леса и моря –
Память нашей Истории, как она есть.

Твои тучные нивы безбрежны, Туран!
А озера твои глубже, чем океан.
Твои реки недаром зовутся Дарья –
С гор в долины несутся они, как буран!

Гор туранских вершинам не видно конца.
Каждый пик белоснежен, как лоб мудреца.
Родники и ключи, где играет вода,
Словно чистые слезы стекают с лица.

Есть в Туране пустыни, где только песок,
Где могильный покой безмятежно глубок.
Ни души – только желтая-желтая даль,
Только духи и демоны вьют свой клубок!

А озера твои, как моря, глубоки!
Вот безбрежный Арал –
гордость Сары-Арки!
На твоих берегах, о святой Иссык-Куль,
Синих тюрков Отчизна ковала клинки.

Две древнейших реки – Окс, Яксарт – звали их,
Как Джейхун и Сейхун в старину знали их.
Тюрки обе реки называли Дарья –
Там могилы священные предков моих.

С неприступною цепью тянь-шаньских вершин
Не сравнится из горных хребтов ни один!
И о тюрках-героях напомнит тебе
Величавый Хан-Тенгри – седой исполин!

Вот Балхаш: он у Тарбагатай вовек.
Жотали и Памир, и Алай – вечный снег!
Если б не было славной горы Казыкурт,
Где бы Ноев ковчег получил бы ночлег?

Помнят древний Туран и земля, и народ
Каждый прожитый день, каждый прожитый год.
Первый хан, в государство собравший Туран,
Мудрый Афрасиаб с нами вечно живет!

Был Туран не пространством, что сдали внаем!
Нам чинили враги за погромом погром.
Мы с врагом бились насмерть в те годы, когда
Кей-Хосров и Двурогий вломились в наш дом.

Нет на свете земли, как в Туране земля!
Нет на свете народа, чтоб на тюрок менять!
Тюрк – мудрец, тюрк – творец,
 тюрк – мечтатель-певец...
Нет подобных ему! Это нужно понять.

Не рождался Чингизу подобный второй
Полководец-стратег, славный вождь и герой.
При одном только имени льва – Чингизхана
В сердце воина вспыхнет огонь боевой.

А потомки Чингиза есть волки в седле:
Шагатай, Укитай и Жучи, и Туле.

Два лихих полководца, два глаза Чингиза:
Субудай – старый тигр и бесстрашный Жебе.

Был в Туране средь биев мудрец Тарагай.
Сын его Тамерлан возвеличил наш край:
Он с мечом и огнем проскакал по земле,
И врагов, словно молния, бил то и знай!

Не хвалю я Туран. Он прославлен навек!
О Туране вздыхал не один человек.
С глазу на глаз со звездами речи вести
Мало в мире таких, как мудрец Улугбек!

Я горжусь, что я тюркам потомок родной!
С мудрецом Авиценной я крови одной!
Кладезь мудрости тайной, и врач, и поэт!
Был ли в мире еще Авиценна такой?

О, Туран! Сколько в музыке нашей добра!
В девять струн Фараби зазвенела домбра, –
Щеки жаром горят и трепещут сердца,
Слезы брызжут из глаз – вот такая игра!

Сколько тюрков огнем озаряли Туран!
Где огни, из других занесенные стран?
Много тюрков ушло. Разбрелись кто куда.
На туранской земле встал теперь Казахстан.

Был Туран древней родиной рыцарей-львов.
Он остался таким, он пребудет таков!
Полководец и мудрый правитель Касым
Под знамена собрал самых храбрых сынов.

Хан Назар справедливый! Такого уж нет.
Есим-хан дал Алашу дорогу и свет.
Тауке-правовед, самый первый из ханов,
На горе Культобе всех собрал на Совет.

На туранской земле зародился Алаш.
Без Турана печальный Алаш не Алаш.
На туранской земле упокоился прах
Аблай-хана, кто жизнь положил за Алаш!

Если скрутит тоска, ты стремишься домой.
Даже быстрый Тулпар вдалеке сам не свой.
О, любимец степей, всем любезный Алаш,
Знай, что только Туран – отчий дом твой родной.

Где б ты ни был, к Турану лицом повернись,
Вспомни реки – Дарья, к ним скорее вернись.
Берега этих рек не спеша обойди.
Над могилами предков с молитвой склонись!

В АЛАТАУ

1.

Алатау

За грядой гряда грядет –
Гривой стелется ль кудрявой?
Взгляд стремиться устает
На вершины Алатау.

Дети-взгорки у дорог –
Или это нар прилег?
Алатау, может, грива
Вся в жемчужных переливах?

2.

Скалы и девы

Тайны неба кто крадет? –
Скалы дивные и девы.
Скалы!
Девичьи напевы
Согревают вечный лед,
Плакать камень заставляя, –

Так красавица поет
По-кыргызски «Зекенбая»¹.
Тайны, что хранит народ,
У кыргызов визнавая,
Алатау их крадет.

3.

Трясогузки

Хохолок изящный, узкий,
Извивается пиявкой,

¹«Зекенбай» – народный эпос кыргызов.

И мелькают трясогузки
Луноглазые над травкой.

Хлопотуньи, невелички,
Будьте вы неладны, птички!
Мечетесь без перебоя –
Нет покоя, нет покоя.

4.

Раздумье гор

Луноликая твоя
Пусть от солнца не увянет,
Пусть невольницей не станет
Ненаглядная твоя
Айчурек¹ – отрада глаз.

Пусть, восстав над увяданьем,
Не умрут пустым сказаньем
Семетей твой и Манас!

5.

Хозяин дома

Будоражь себя, кыргыз,
К новым знаниям тянись
День за днем и год за годом!
Ты хозяин этих гор,
Но не станешь ты народом,
Коль наукам дашь отпор.
Стань могилою, манап²,
У отвергнувших танап³
Скис шалап⁴, гуляет брагой.
Лишь к наукам вечной тягой
Станешь вольный, а не раб.

¹Айчурек, Семетай, Манас – герои кыргызского эпоса «Манас».

²Манап – кыргызский бай-феодал.

³Танап – стремление к чему-либо.

⁴Шалап – напиток, смесь воды с кислым молоком.

ТИХАЯ ПЕСНЯ

1. Жемчуг

Жемчуг нанизан на кромку волны.
Мысли волной укачает.
Может, коснется заветной струны
Шорох жемчужной волны...
Сердцу доверяясь, принять мы вольны
Весть, что волна нам вручает.
Мысли, как жемчуг, ясны,
Жемчуг, что волны венчает.

2. Моя мать

Выдаивая в землю свои груди,
Горюет ли она?
Взамен платка – рукав чело остудит...
Выдаивая в землю свои груди
И хворост собирая, думать будет:
«Мой жеребенок, где ты?..» Все одна,
Выдаивая в землю свои груди,
Мать, бедная, горюет ли она?..

3. Мать и сын

Розовые пальчики устами
Мать ласкает, с малышом играя...
Все мечты землею, прахом стали.
Проклиная руки – так устали,
Сын, из рук кайла не выпуская,
От тяжелых, мрачных дум сгорает...
Розовые пальчики устами
Мать ласкает, с малышом играя.

4. Жизнь

Жизнь – лиса, а ты за ней
Мчишься псом убогим.

Не отстань, гляди верней,
Жизнь – лиса, а ты – за ней!..
Кто там сзади? Он быстрее.
Уходи с дороги!
Жизнь – лиса, а ты за ней
Мчишься псом убогим.

5. Заставил сказать «грех»

Не произносишь «Всевышний» и «вера»,
В сердце другие вложил ты слова.
Жить без любви – как без солнца, к примеру,
Не произносишь «Всевышний» и «вера»,
Жизнь-траву поливаешь без меры,
Вместо зеленой – гнилая трава.
Не произносишь «Всевышний» и «вера»,
В сердце другие вложил ты слова.

6. Сказала мне ночь

Кто подал свой голос в горах –
Божество или птица-сыч?
Душа утонула в слезах.
Кто подал свой голос в горах?
Если ты, Божество, я – прах,
Приди, мне тебя не достичь!
Кто подал свой голос в горах –
Божество или птица-сыч?

7. «Будущее», «вчера», «сегодня»

Реальны – «будущее» и «вчера»,
«Сегодня» – обольщаетесь – мираж,
Над ним лучей неясная игра.
А «будущее» – добрая пора.
«Вчера» – украдкой скрылось со двора,
Оставив яд – реальнейший багаж.
Реальны «будущее» и «вчера»,
«Сегодня» – обольщаетесь – мираж.

КРУЧЕНИЕ АСЫКА

Испытаю-ка и я свою биту,
Покручу ее проклятую.
Десять лет назад помолвлены были
Мы с моею ненаглядною.

На алши встанет –
 счастье найду,
На тайке –
 я рискую удачей,
Если ляжет на буке –
 пропаду,
Шике выпал –
 буду бит, не иначе.

О, Аллах, но одно меня томит –
Как моя невеста выросла!
У меня, как ни взгляни, тот же вид.
Ох, эти девушки на выданье!

Мне пришелся б и шалаш по нутру,
Чтобы жить нам с нею парюю.
Выпив чашку катыка поутру,
Я ушел бы за отарюю.

Ровно в полдень я пригнал бы овец,
Мог бы песни на ходу распевать.
А жена бы выходила навстречу,
Ей – на дойку, мне – айран попивать.

Я забрался бы в шалаш и неслабо –
«Эй, жена, пойди сюда!» – закричал.
А она, нерасторопная баба,
Вдруг замешкалась, и я осерчал.

Быстро б выбрался наружу: «Ах, так?» –
Дал пинка б ей для понятия.
А она б меня в ответ – вся в слезах –
Осыпала бы проклятьями!..

Так, посмотрим на асык,
Что гадание сулит?
Встань на счастье – на алши!
Встань, проклятый, не души!..

Сорок лет, а счастья нет...
Сны одни.
Встал, крутнувшись, на тайке...
Так рискни!

КРУГЛАЯ ЗЕМЛЯ

С учебы домой возвратился Сапар!
Сидящий на торе седой аксакал
С собой усадил его рядом:
– Что нового в мире, сынок? Что узнал?
Сапар свою кепку уверенно снял,
Сверкнул торжествующим взглядом:
– Вот кепка, ата, я поведать не прочь,
– Земля наша – круглая кепка точь-в-точь
И гладкая! Как, интересно?
– Земля – эта кепка? – старик говорит.
– Конечно!
– А солнце?..
– Вот лампа горит,
А Солнце – как лампа, известно!
Вы видите – крутится?
– Крутится, да...
– Не падает, видите?
– Что за беда...
– Но это не все, погодите!
Вот кепка...
– Ну, кепка.
– Вот лампа, она...
– Эй, кто-нибудь может заткнуть болтуна?
Подальше его уберите!
Кругла голова – вот и кепка кругла.
Земля – словно кепка, вот это дела!
В такое поверить негоже.
– Ата, жагырапия¹... Я ведь не вру!
Вот видите, кепка, я кепку беру
И буду крутить...
– Ну и что же?
– Вы видите – крутится!
– Крутится, да.

¹Искаженное – география.

– Не падает? Верно?
– Ответь мне тогда,
Как все с нее вмиг не слетело?
Ты что-то напутал, ошибок полно.
Упал? Ну и ладно! Земле все равно,
Какое ей собственно дело?..

СТАРЫЙ ТУРКЕСТАН

1. Старый город

Старый город воистину стар –
Обойди его, осмотри.
Там на каждом углу – мазар,
А порою – два или три.
Богомольцы – а тут их тьма –
Облепили каждый, эх ма!

Посмотри – что за дивный вид:
За мечетью мечеть стоит!
И на каждой достойный мулла
Голосит: «Аллаху хвала!»

Вот уж где раздолье глазам!
За базаром – другой базар.
Там и сям клокочет казан,
В небеса вздымается пар.

А еще что видишь? Базары.
А еще? Мечети, мечети...
И опять – мазары, мазары...
Всех по пальцам не перечеть!

2. Арбакеш

Арбакеш голосит, гнусит,
И арба ему в лад скрипит.

Ходит лошадь под ним ходуном,
Не стоит на месте одном.

Он за пазухой дыньку греет,
Предлагает яблочко – съешь!
И над ухом его пламенеет
Роза алая. Он – арбакеш!

Вот навстречу мулла идет –
Арбакеш прилипчив, как мед!
Сколько будет мечетей в пути –
Стороной их не обойдет.

А увидит перед собой
Принаряженных русских
И застонет вместе с арбой,
Словно вот-вот испустит дух!

3. Женщина

Паранджа – суровый мешок –
Укрывает с макушки до ног,
А под ней – забрало-вуаль,
Под вуалью – лицо-цветок.

Бисер пота усеял лицо,
Ветерок его не освежит.
Уши в серьгах, на пальце – кольцо,
В такт шагам монисто дрожит.

Как сосуд для воды – зем-зем,
Вся фигура округлена,
Вся молчанием, тайной полна,
Через город проходит она.

«Самый страшный для женщин грех –
Видеть лица чужих мужчин».
Господа Туркестана, эх,
Нет других для печалей причин.

КЫРГЫЗАМ И КАЗАХАМ (Об организации «Косшы»)

Два народа родных, как архар и кулжа,
С незапамятных древних времен
Испытавших, что значат успех и нужда.
День грядущий куда устремлен?
Может, скажет судьба нам «Стоп!»
Или грянет всемирный потоп?

Вы, кыргызы, – архары в высоких горах.
Мы, казахи, – куланы степей.
Только клич наш един, нам неведом страх,
Нет на свете нас, братьев, сильней!
Мы, как пара могучих коней,
Ждем прихода счастливых дней!

Вас, живущих в краю, где горы круты,
Нас, кочующих по Арке,
Долго мучил коварный враг – албасты¹,
Но теперь у нас сабля в руке!

И сегодня сомнули мы строй,
Чтоб начать наш великий той!
Нам нельзя оставаться сегодня одним,
Нам нельзя друзей оставлять.
И народ, ожиданием счастья томим,
Призывает другим помогать.

Так сплотим же теснее ряды,
Станут общими наши труды!
Мы сиротской доли хлебнули сполна,
Богачей терпя произвол.
Собрала под красное знамя страна
Всех, кто ныне свободу обрел.

¹Албасты – мифическое существо.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Чей он, этот багряный флаг?
Он горит теперь над тобой,
Азиатский мой край родной,
Затерявшийся в пестрых горах.
Твой он, Азия! Твой, казах!

Чей он, огненно-красный флаг?
Тех, кто знает, что бога нет,
Тех, кто верит в пламень и свет,
У кого он, яркий, в руках...
Это знамя твое, казах!

Чей он, жаркий, как уголь, флаг?
Тех, кто долго в глуши степей
Умывался кровью своей,
Кто рыдал в безводных степях...
Это знамя твое, казах!

Чей он, кровью окрашенный флаг?
Тех, кто знал лишь одну судьбу,
Уготованную рабу,
Кто страдание знал и страх...
Это знамя твое, казах!

Чей он, в небе пылающий флаг?
Тех, чей труден путь и кровав,
Тех, кто ищет воли и прав,
У кого вопрос на устах...
Это знамя твое, казах!

ВНУК И БАБУШКА

- Ну скажи мне, апа, небо было всегда?
Словно луг, оно пестрое-пестрое, да?
Стоит звездочке только мигнуть, как тотчас же
Отругает ее луна строгая, да?
Словно тучные козы, привязаны тучи
Голубою прозрачной веревкою, да?
Друг за другом по небу летят в никуда,
Будто их отвязали, спутнули их, да?
– Жеребенок мой, грех говорить так, уймись!
Лучше в школу ступай, у муллы поучись.
- А еще мне, апа, наш Лукбек говорит:
«Вся Земля – это мяч для игры», – говорит.
«Далеко-далеко есть бескрайнее море,
И без дна это море совсем», – говорит.
«Есть пески до небес под названьем пустыня,
Сплошь в пылающих углях они», – говорит.
Это правда, апа? Ведь не мог он соврать.
Ну скажи! Почему бы тебе не сказать?
– Да откуда ж мне знать? Я темнее золы.
Лучше завтра сходи да спроси у муллы.
- Ну скажи мне, апа, я прошу, ну скажи,
Море жидкое, да? И за морем лежит,
И за морем гора, говорят, вырастает,
А до неба макушкой достанет, скажи?
В стороне этих гор, говорят, быстроногий
Есть сайгак, а быть может, и заяц, скажи?
А медведь, издающий пугающий рык,
Он ведь выше, наверно, чем сивый наш бык?
– Озорник мой, уймись, не ходи по пятам,
Только в школе узнаешь о том, только там.

МАЛЬЧИК-ЧАБАН И ЩЕНОК

Подушки разложив для волостного,
Подав ему барашка молодого,
 Хозяин угощает гостя всласть.
Курдюк и печень перед ним кусками.
Гость лакомство берет двумя руками,
 Чтоб проглотить и к новому припасть.

С ним секретарь и кучер честь по чести
С хозяином сидят, едят с ним вместе
 И в этом от него не отстают.
Слуга с ним – письмоносец (осторожно,
Куда ты? Подавиться в спешке можно!).
 Здесь сытно, вдоволь все едят и пьют.

У бая с байбиче – отдельно блюдо,
Не оторвутся, не съедят покуда,
 Они не ждут остатков от гостей.
А у двери мальчишка неугодный,
Лицо и руки в саже, взгляд голодный,
 Ему бы хоть обглоданных костей...

На нем одежда грязная, худая.
На гостя он глядит, слюну глотая,
 Здесь, на пороге, с животом пустым.
И с полным ртом слюны, хоть сам страдает,
«Пошел!» – щенку голодному бросает,
 Который примостился рядом с ним.

Тут секретарь Иван смекнул, в чем дело,
И мигом кость к порогу полетела,
 Он взял ее у кучера без слов.
Упала кость у самого порога,
И тот, кто был поближе к ней немного,
 Набросился, схватил и... был таков!

Что взять с щенка? Он улизнул с «обедом».
Озлобленный, бежал мальчишка следом
В досаде, что везет порой щенкам.
Хоть он – чабан, совсем ведь мальчик с виду,
Что взять с мальчишки? Плачет от обиды,
Размазывая слезы по щекам.

Вот, завернув за дом, щенка увидев,
Мальчишка пнул его в слепой обиде
(Но справедливо – думалось притом).
Тут байбиче, в окно взглянув украдкой,
«Ах ты, стервец!» – ругнула для порядка.
А волостной рыгнул, воняя ртом.

НА ВОЛГЕ

1.

Как ягненок, когда сыт,
Сопка на припеке спит!
Ветви крепко к ней прижав,
Рядом с ней сосна стоит.
Крошкой молока сухой
Берег будто бы покрыт.
Волга занята игрой:
Камушками все стучит.
Тальник милою рукой
Ожерельями увит.
Тех, кто ищет здесь покой,
Волга щедро наделит.

2.

В полдень волны вдруг взбрыкнут,
Жеребьятами резвясь.
К вечеру они уснут,
Бурным буйством утомясь.
Как мальчишки-сорванцы,
Волны быстро днем бегут.
А в вечерней тишине
К размышлению влекут.

3.

Украшается река
Ожерельями из волн.
То бушует между скал,
Разъяренна и дика.
То отарю овец
Набежит на берега.
Тальник смотрит, удивлен,
В заводь: до чего мелка!
В волны глядя, я стою,

Мысль печальна и горька:
Что же делаю я здесь?
Где моя Сары-Арка?

4.

И алашей из Арки
Каждый братьями считал,
Вместе с ними шел в поход
И в невзгодах горевал.
В прошлом все понятно мне,
Ну, а это как понять?
Опустели все леса –
В них ногаев не видать.

5.

Только в солнечных лучах
Волга золотой была –
Как от чаек на волнах,
Стала вдруг белым бела.

Этой яркой белизной
Наша путь-дорога шла,
И зеленой полосой
Вдали Астрахань всплыла.

И чем больше город наш
Уступала ночи мгла,
Мысль моя к Асан-Кайгы¹
Постепенно перешла.

6.

Этот город основал
Он, Асан Печальный, тут.
С шумной пестрою толпой
Я по улицам пройду.

¹Асан-Кайгы – Асан Печальный, мифический герой, искал землю обетованную.

Беспечальных стороной
Мавзолеи обойду.
Где в могиле спит герой –
Это место я найду.
Он меня благословит –
Терпеливо подожду:
Пусть вам ближе Жанибек¹,
А с Асаном я пойду.

¹Аз-Жанибек – хан среднего жуза.

НА БЕРЕГУ ВОЛГИ

I

Берегами Едила
Я бродил немало дней.
Там казахов видел я –
Рыбаков, земли серей.
За мужичьей булкой в порт
Бегают, козы резвей.
Шпарит он, разговорясь,
Русскими: «совсем», «налей».
Им джайляу заменил
Труд, любого тяжелей.
Но кого же рассмешит
Положение вещей?

II

Там, на волжских берегах,
Байулы – народ живет.
Вместо резвых скакунов
На лодчонке он плывет.
Сомов нижет на кукан
Вместо ловли жеребят.
Как весло, его жена –
Всякий опечалит взгляд.
Избежать такой судьбы
Каждый сын казаха рад –
Да заела нищета,
Не дает пути назад.

III

Наша группа вечерком
До аула добралась,
Голос подали – и вот
У лачуги собралась.
Вот белобородый дед
Встретил нас, благословясь.

Красных рыбин нам принес –
Трапеза тут началась.
И когда в конце концов
Спать вся группа улеглась,
В голове моей опять
Мысль тяжелая зажглась.

IV

Были мы в ауле Берш,
Он на Едиле стоит.
Праздник был Курбан-байрам,
Жертва уж с утра лежит.
И, наевшись мяса жертв,
Молодежь в село бежит.
Свадьбу празднует Сергей...
Каждый первым быть спешит.
Каждый с шерстью и сумой,
И смешной, и жалкий вид.
И Курбан-байрам забыт.
Что вам это говорит?

V

Раньше срока ляжет в гроб
Дед от рыбы от одной.
И мулла, крича «Алла»,
В рай войдет от рыбы той.
С портупеей на ремне
Мой братишка городской,
Время удели юнцам,
Помоги им, дорогой.
Если цель твоя, народ, –
Вверх подняться в жизни той,
То чужбину ты оставь
И домой спеш, домой!

В ДОМЕ ТАБУНЩИКА

(В зимнюю ночь – мать и сын)

– Сгустилась ночь, уснул аул,
Бедняжка, где же твой отец?
– Я слышал – ветер злой подул.
Где, апатай, скажи, отец?

– Бедняжка, где же твой отец?
Буран лютует по щелям.
– Где, апатай, скажи, отец?
Фитиль погас, и страшно нам.

– Буран лютует по щелям.
Отец твой сможет ли пройти?
– Фитиль погас, и страшно нам.
Не замело ль отца в пути?

– Отец твой сможет ли пройти?
Сынок, что скажешь? Не молчи!
– Не замело ль отца в пути?
Ты плачешь – слезы горячи.

– Сынок, что скажешь? Не молчи!
Сердечко ноет, как от ран.
– Ты плачешь, слезы горячи.
Стихает, кажется, буран.

– Сердечко ноет, как от ран.
Бедняжка, жив ли твой отец?
– Стихает, кажется, буран.
Блеснуло утро наконец!

– Бедняжка, жив ли твой отец?
Мой жеребенок, ты – мой щит!..
– Ну вот и утро! Жив отец!
И не волнуйся, я – твой щит!..

СЕСТРЕНКИ

1.

Молчаливая сестренка

Ты, сестренка, домовита.
Ты степенней с каждым разом,
Как асык, свинцом залитый,
Как письмо муллы с наказом.

Ты тиха и молчалива,
Никогда «шукур»¹ не скажешь.
«Уш-ш», – вздохнешь неторопливо
И с бедой себя повяжешь.

Спросишь – ты не отвечаешь,
Все как будто слово ищешь.
Ты смеешься, как рыдаешь,
Ты – преснее пресной пищи.

Лишь в глазах слеза, лишь взглядом
Ты смутишь...
Не стану злиться,
Он не станет, гнев мой, ядом –
Слишком ты тиха, сестрица.

Все решит обычный случай:
По рукам с отцом ударив,
Тебя купит бай вонючий,
Как овцу берут в отаре.

2.

Строптивная сестренка

Ты строптива,
Сбросив цепи,

¹Шукур – все нормально, все хорошо.

И важна, и деловита.
Добиваешься ты цели,
Как в свинце тяжелом бита.

Светик мой, моя сестренка,
Ты, как перышко, – такая,
Нарядившись, в платье тонком,
Смелая и городская.

Ты заносчива на горе –
В спорах так порой срезаешь,
Насмехаясь и позоря,
Что краснеть ты заставляешь.

Ты умна. Твой ум – как море.
Над тобой никто не властен.
И, с обычаями споря,
За калым не продалась ты.

Уговаривали снохи,
Заставляли тебя братья,
Но под горестные вздохи,
Но с родительским проклятьем,

Ты ушла, ты устояла,
Потерять родню рискуя.
«Я свободна! – ты сказала, –
За любимого пойду я!»

Ты, как мощный лес под вьюгой, –
Против дедовских устоев.
И нашла по сердцу друга,
И тебя он был достоин.

Когда пробил час отваги,
То, кокетлива по моде,
Ты вошла под своды света
К новой жизни и свободе.

Радость в сердце нарастает –
От любви ты стала краше.
Пусть мой стих подарком станет,
Как шашу¹ на свадьбе вашей!

3.

Сестренка на учебе

Смуглолица, полнотела,
Нос, как пончик, бровь густая.
Занялась сестренка делом
И учиться она стала.

Не узнать ее такую –
Став манернее и строже,
Носит шапку меховую,
И камзол на ней из кожи.

Нацепив на грудь камзола
Звездопад значков,
Сорвалась
В день осенний и по долам
На верблюдице примчалась.

«Как живешь, мой свет?» – в надежде
На ответ спросил сначала.

Не сказала «Уш-ш», как прежде,
А «Шукур» она сказала.

Мол, «учусь в системе быта,
Не жалея глаз...»

И все же,
Эта степь не позабыта,
Хоть теперь камзол из кожи.

В разговоре, против воли,
Мы к аулу повернули.

¹Шашу – свадебный ритуал.

– Да аульная ты, что ли?
– Да ведь мать моя в ауле...

4.

Сестренка, вышедшая в путь

Кто прозревшей помешает?
Обнялись погодки-сестры.
Снарядилась в путь меньшая
И чапан надела пестрый.

Следом – шапку.

Так в ауле

В старину еще ходили.
Молодой, тебе к лицу ли
Надевать наряд из пыли?

«Жди, приду! – сестра сказала, –
Стану камнем, а не глиной».
И ушла, чтоб воссияло
Ее равенство с мужчиной.

Пусть теперь хоть разорвется
Бай-барсук, обросший жиром,
Поперхнется, задохнется –
Не вернуть сестренку миром!

Будь у счастья на примете.
Мы с тобой, и нас немало.
Пусть тебя свобода встретит,
О которой ты мечтала.

5.

Сестренка на службе

Все металась, все искала
Путь к свободе, жизнь без края.
И пошла молва сначала,
Что от порчи ты такая.

Злые сплетни и наветы,
Растоптав, смешала с прахом.
И встречаешь ты рассветы,
Просыпаясь ранней птахой.

Манит все передовое,
Но, не слушая подружек,
Не следишь ты за собою
И не носишь побрякушек.

Нет ни пудры, ни помады –
В шапке, с папкой.

Ты ночами
Все строчишь свои доклады
Или письма о печалях.

В Оренбург, в Москву дорога –
Там за женщин надо биться.
И зимой, и летом много
У тебя забот, сестрица.

Кто в неволе год от года,
Кто в слезах – ты защищаешь.
Как народ, среди народа
Голодаешь, холодаешь.

За печальниц, против плена
Лесом встала, караулом.
Будь же ты благословенна,
Ты надежд не обманула!

БЕЛЫЙ ГОРОД

Аул в снегу, сугробы – в рост.
«Куда ты? Рук не обморозь!» –
Все матери твердят.

А детвора – за дверь гурьбой,
Из снега город строить свой. –
Не удержать ребят.

Мороз – напарником в игре –
Чеканит лица детворе,
Но выстоит любой!

То кувыркаются в снегу,
То, спотыкаясь на бегу,
Прносятся гурьбой.

Галдят, толкаются, шалят
И так похожи на козлят,
Что плещутся в воде.

Иль на пиявок – в том игра! –
В снегу, в копне из серебра
Шныряющих везде.

Разбойнички – ни дать, ни взять,
Им подавай во что играть!
Решили дом сложить.

Тут что к чему – их не учи,
Из снега лепят кирпичи,
Чтоб стены возводить.

– Я вырежу окно! – Нет, я! –
Пусть жарок спор, да нет нытья,
И каждый делу рад.

Вот дом готов, вокруг – забор.
Здесь все из снега – дом и двор,
Потом их – целый ряд.

А лица – земляничек горсть,
Их красит холод – зимний гость.
Стихает смех вдали...

Кто не ленив, пойдя, взгляни:
Резвились дети, и они
Здесь город возвели.

МАТЬ

Дом уснул. Спустилась полночь.
Мать не спит, вздыхает.
Отведя рукою полог,
Колыбель качает.
Ночь немая, ночь глухая,
Длинно ветер воет.
Мать сидит, как неживая,
Глаз с дитя не сводит.
В колыбели – весь сомлевший,
Жар ли хворь прогонит? –
Спит младенец заболевший,
Часто дышит, стонет.
Вздрыгнет он... А мать младенца
Видит – смерть витает.
И тогда ей будто в сердце
Кто-то нож вонзает.
Ночь глухая долго длится,
Черным наром дышит.
Пожелтела мать, не спится.
Колыбельку ищет.
Утром черных туч обозы
На небе сойдутся.
На лицо младенца слезы
Матери прольются.

ПОГРЕМУШКА

Ребенок этот с личика
Свежей, чем земляничка.
Два лопауких ушка,
В ручонках – погремушка.
И голос у ребенка,
Как погремушка, звонкий.
То смех, то крик, замрет на миг,
И снова резв, и прыг да прыг!
Как козлику, неймется.
А дедушка смеется:
«Постой, мой жеребенок!»
Но обронил ребенок
Игрушку-погремушку.
Уж тут же Алимжан-ага –
Наготове его нога –
Наступит, ай-ай-ай,
Как будто невзначай–
Раздавит – и бывай!

ЖЕЛАНИЕ МЛАДЕНЦА

Барашек, принеси девятерых.
Ты, ярочка, мне – восьмерых,
Живых, упитанных таких.

Ожеребись, кобылка, днем
Не жеребенком – стригунком,
И не одним – двумя притом.

Коза с брюшком газельевым
В три месяца с неделями
Пусть четырех мне сделает.

Пускай все будут целыми,
Пускай все будут ценными.
Идите в стаде первыми.

Буренка, шестерых роди,
Чтоб шерсть бугрилась на груди,
Бычков – с верблюдов – приведи.

Чтоб седока или мешок,
Не подгибая крепких ног,
Не замечая, вез телок.

УТЕШЕНИЕ

Баю-баю, засыпай, малыш.
В колыбели белой мой малыш.
Хочешь курдючка, моя детка, –
Заколи барашка-трехлетку.
Баю-баю, спи, мой малютка,
В белой колыбели малютка.
Стригунка тебе оседлаю,
Ты скачи в аул Балпан бая.
Дочка у него белолица.
Попроси кумыса напитокся.
Если кумыса не подали,
Ты не предавайся печали.
Выбери надежную ночку –
Укради их белую дочку.
Будет братец гневаться жутко –
Ты его свали, мой малютка.
Кинется сноха за тобою –
В глину ее сунь с головою.
Баю-баю, что ж ты не спишь,
Что же ты все хнычешь, малыш?
Айналайын, месяц мой ясный,
Умный мой малыш, распрекрасный.
Семь бурдюков масла, шесть – халвы.
Ташкент, Бухара, не теряй головы.
Агу-агу, маленький, солнышко мое,
Где он, мой малыш? – В горах высоко.
А что он там делает? – По овражкам бегаёт.
Собирает яблочки. Ну-ка, яблочко твое?
Собирает спелое. Ну-ка, спелое твое?

СЕРЫЙ ЖЕРЕБЕНОК

Жеребенок – в летний зной
И в предутреннем тумане, –
Увидав курук, стрелой
Убегал, подобный лани.

Но поймался на обман
И привязан был умело.
Гладил серого Альжан –
От восторга сердце пело.

Дни зимы – пора потерь.
Синь – как лед на небосклоне.
С зимних пастбищ шли теперь
Обессиленные кони.

Выбежал Альжан и ждет
Жеребенка масти нежной.
А пришел совсем не тот,
Жеребенок, да не прежний,

Тощий – видел весь аул, –
В шерстном – клочьями – покрове...
Губы тут Альжан надул,
Опустились его брови.

КУМЫС

Подходи и пей, народ,
Вот кумыс, кто знает, – пьет.
Ты спроси, что за питье, – ответ простой –
Молоко от кобылицы молодой.
Знал напиток этот издавна казах,
Забывал в бою про страх.
Кому пить кумыс? – нальем,
С ним светлее хмурым днем.
Опершись на свой сундук,
Примет чашу он из рук –
Не таящий страх в глазах
Соплеменник наш – казах!

ЗИМА

(Из цикла «Времена года»)

Кроет ветки попоной тонкой,
Гонит к дому, к теплу теленка,
Ходит полем, следы замечая,
Молодицам щеки румянит,
За нос тянет сосульки, тянет, –
Холод лютый, зима крутая!..

ПЕСНЯ «АЙУЛЯ-АУ»

Айулэй, айулэй, айулэй, айулэй!
Мясо жирное ест волостной у людей.
Я бы тоже курдюк вместе с печенью ел,
Если б был аулнаем в округе моей.

Золотистый бы жир с моих пальцев стекал,
На столе бы кумыс недопитый стоял.
Ну а если б я стал волостным?.. О, мечты!
Кто б тогда на джайляу овец выгонял?

Алулай, алулай, алулай, алулай!
Уже полдень. Наверно, проснулся наш бай.
А зачем просыпаться? Жену, Сагилу,
Обнимай, не ленись, да похрапывай знай!

Элулэй, элулэй, элулэй, элулэй!
Где, скажите мне, совесть, где стыд у людей?
Сагила его рыжая, встретив меня,
Строит глазки и щиплет тайком, где больней.

Алуляй, алуляй, алуляй, алуляй!
Да уймись же, уймись, доиграешься, знай.
Как проведает кто да узнает наш бай,
Вместе свяжет и выгонит нас, как овец,
За ворота... Ну что тебе надо, ойбай!

Ну а где же отара? Барашков зову.
Не нашел ли козел, их вожак, трын-траву?
Ах, как солнце палит, не укрыться нигде.
Как хромая овца, я в невзгодах живу.

Может, даст мне Сагилушка пресный катык?
Буду рад, япыр-ай, я к пирам не привык.
Не шуми ты, Шопан-ата, ш-ш-шик...

ВЕРБЛЮЖОНКА ВИДЕЛ Я ВО СНЕ

Верблюжонка моего во сне я видел.
Вился ниточкой на шее бисер алый.
Верблюжонка моего во сне я видел –
Безутешно по отцу в ночи рыдал он.

Мать изнеженную дочку обнимала,
А из глаз катились слезы жемчугами...
Не терзайте мое сердце! Разве мало
Из-за вас страдал я, разлученный с вами?

* * *

Ветер над рекой гуляет –
Белую терзает грудь.
То он стонет, то вздыхает,
То пытается прильнуть.
Тал склоняется над речкой –
Грудь ей белую терзать.
Кто б сказал ему словечко,
Чтоб красавчика унять.
То отпрянет, то склонится,
Чтобы дать ей насладиться.

* * *

Шея длинная – ну и что ж?
Острый нос – и он хорош.
Две солонки вместо глаз.
Речь – что курицы рассказ.
Не мукою ль белой-белой
Вы лицо покрыли смело?
И – сто раз играя взглядом –
Ходите буквально рядом.
Как же не влюбиться в вас?
Ну, к примеру, нам, сейчас.

ЖАМБЫЛУ

Мой агай! Я со смертного ложа восстал.
Посмотри на меня! Приласкай!
Ты в сиянии мудрости, славы земной—
Хоть искринку свою мне подай!

МОЕМУ ПЕРУ

(Леону Исаевичу Мирзояну)

Обращаюсь стихами я к людям труда.
Счастье – солнце горит, озаряя их дни.
И орел молодой, чья осанка горда,
От коварных врагов их надежно хранит.

Я к народу лицом обращаюсь. Мой долг –
Жизнь, цветущую сказку, достойно воспеть
И отчизну беречь средь военных тревог,
Кровь отдать за нее и судьбы не жалеть!

Обращаюсь, друзья, с чистой совестью к вам,
Сняв с души всю коросту сомнений, всю грязь.
Мой народ справедлив: он, жестокий к врагам,
Примет сына, стихов его кровную связь.

МОЯ ОБИДА НА ЖИЗНЬ

О, коварная жизнь! Очарованный мир! Вы жестоко
меня обманули.
Истощенное тело, остывшую кровь, как
оплаченный долг, мне вернули.
Сколько сил положил я за гнусную ложь! Сколько
вынес гонений и зла!
А плоды моих горьких, безумных трудов чья-то
подлая воля сожгла!
Мир, в котором я жил, был приветлив и мил.
Почему ж изменился он вдруг?
Я, сраженный бедою, не вижу вокруг никого, кто
был раньше мне друг!
Жизнь! Меня ты заставила серной скакать и под
пулю меня подвела.
Лижешь кровь, гложешь кости, терзаешь мне плоть,
жилы полностью порвала.
Эх, бесчестная доля без светлой мечты! Ты была –
окаянный обман.
Все надежды на милость разбила ты, мозг окутал
белесый туман.
Видю: алчная страшная бабища-смерть растопырила
лапы и ждет,
Как уставший от горькой печали мой дух к ней
добычей желанной плывет.
Злая Жизнь! Ты добилась успеха сполна: я обманут,
растерян, сражен!
И за мной ты охотилась вовсе не зря: я безумием
заворожен!
Жизнь-злодейка! В тисках ты сдавила меня. Видно,
в радость тебе мой плач?
Горя выпало мне за три века с лихвой. И напился же
крови палач!
Я, как отданный в жертву несчастный козел,
отлучен и давно обречен,

И в колодец, что сверху рогожей накрыт, на
 постыдную смерть завлечен.
О, загадочный Мир! Переменчивый Мир! Сколько
 красок, оттенков в тебе!
Клялся я: «Не поддамся!» Но чары твои – злая сеть
 в моей жалкой судьбе!
Как я был очарован твоей красотой! Для тебя я
 забыл обо всем:
Все святое к твоим положил я ногам и столкнулся
 с позорным концом!
Что взамен от тебя получил я, скажи? Я друзей
 своих отдал врагу
И страдаю от дум, от мучительных ран, что пылают
 в горячем мозгу!
Бессердечный, унылый, нерадостный мир! Что
 на горе меня обрек:
Как ты ловко завлек, обманул, раздавил и в бараний
 согнул меня рог!
Вот стою я – преступник, укравший казну.
 Я с поличным на месте взят!
Я в железные цепи закован, забит от макушки
 до самых пят!
Я – преступник, грабитель, разбойник лихой,
 наконец-то изловленный зверь.
Нет прощения мне от людей и властей: вне закона
 мне рыскать теперь!
Эх, продажный, неверный обманщик – мир! Как
 лисица вильнул хвостом.
Я в темнице исчах, обескровел, я стал городским
 побирушкой-псом!
Я подняться хотел высоко-высоко, в вольном небе
 себя обрести!
Но внезапно на голые камни упал: «О, Аллах! Мою
 дерзость прости!»

Мне могила давно уж готова в степи, и над ней
только небо грустит.
Я всегда уходил от проклятой беды, твердо веря:
«Господь мне простит!»
Голова человека – лишь мяч для игры, а игрой
забавляется Бог.
Вот и стать довелось игрушкой в игре! Я шокпара¹
вкусил сколько смог!

Я метался, молил, уклонялся, терпел все удары!
А толку на грош!
Не дождался от Бога я милости. Он раздавил меня,
будто бы вошь!
И на доски Судьбы занесенный завет исполнения
скорого ждет:
На указанном месте, в указанный час за грехи
воздаянье придет!
Чем же лучше других моя голова? Чем же лучше
я прочих людей?
Я не первый, кого превратила в шокпар
неподкупная строгость судей!
Где найдешь ты слова выше снежных вершин?
Где мудрец и умелец такой?
Где они, афоризмы? Где мысли-кристаллы, что
навек отнимают покой?..

¹Шокпар – дубинка.

ЮНОМУ МАГЖАНУ

А Бакен-то наш сына Магжаном назвал!
И когда-нибудь кроха, что теской мне стал,
Спросит: «Дядя, скажи мне, откуда идешь?
Где наавтра задумал ты сделать привал?»

На вопрос твой, соколик, ответ я найду:
Из раздумий я вышел, к раздумьям иду.
Как же долго пера не держал я в руке!
Стало ржавым оно, непригодным к труду.

Ничего! Эта ржавчина скоро сойдет.
На бумагу калам¹ слов немало прольет!
Ты, малютка, поднимешься, станешь
большим –
Море стихнет, волна тебя с ног не собьет!

Говори всем: «Едва появился на свет,
Тут же благословил меня дядя-поэт».
Ты расти!.. Жизнь идет, как идет караван, –
Ни конца, ни начала пути его нет.

¹Калам – перо, пишущая ручка.

КОРКУТ

Гор прекрасней Алтая не видывал я!
Злата в недрах его – как в степи ковыля!
Жил привольно народ на просторах твоих,
Величавый Алтай – Золотая земля.

О далекие, давние, дивные дни!
Только в сказках да песнях остались они,
Ускользают они, тают, словно мираж.
В мыслях ветра быстрее их поди догони!

Было время, и был этот сказочный край
Для Алаша светлей и желанней, чем рай.
Жили дети Алаша единой семьей,
Колыбелью своей величая Алтай.

Жил в те дни средь Алаша один молодец,
Был по крови Алаш, а душою беглец.
Он ни с кем не дружил, ни во что не вникал,
Отличался от прочих, как волк от овец.

От рожденья его называли Коркут.
Просто так никого люди не нарекут!
Люди добрые здесь приходили, бывало,
Поглядят на него и в смятенье уйдут.

А Коркут подрастал. Вот он в разум вошел.
И от думы одной взгляд его стал тяжел.
Весь в плену этой думы он ходит угрюмый.
И в народе решили: «С ума он сошел!»

С давних пор всем известно, кто свой, кто не свой:
Кто с людьми – людям свой; кто не свой – волком
вой!

Если ты в стороне нелюдимый молчун –
Скажут: «Бесы владеют его головой!»

Про него говорили: «Им бес овладел».
И никто в его беды вникать не хотел.
Молчалив, опечаленный ходит Коркут
И душой сторонится от суетных дел.

А владела им мысль от младенческих дней
О судьбе скоротечной, о жизни людей.
«Коротка наша жизнь! Почему мы должны
После кончины стать добычей червей?»

Сердцу надо б гореть, а не просто сгорать!
Наша жизнь не игрушка, чтоб ею играть!
Черным ядом меня наполняет тоска:
Так ужель мы явились на свет умирать?!

Наполняется озеро вешней водой
Не затем, чтобы испил его яростный зной!
Не затем, как цветок, расцветает душа,
Чтобы в землю упасть, завершив путь земной!

Не затем кровь дана, чтобы съел ее гной!
Мысль и речь не затем, чтоб стерег их конвой!
Тело славится силой своей и красой
Не затем, чтоб рассеяться пылью степной!

Жизнь твоя быстротечна – как глазом моргнуть!
Не успел оглянуться, а Смерть уже тут!
Где надежды, где радость игры, где мечты?
Где они воплощенье себе обретут?!

Зло заполнило душу, как яд,
Эта жизнь – погрешка для меньших ребят.

Бьется в сердце огонь, чтоб угаснуть тотчас,
Если дни твоей жизни, как щепки сгорят».

Тяжелы, как свинец, непроглядны, как тьма,
Эти мысли Коркута сводили с ума, –
Думы сердце сожгли молодому страдальцу,
В голове и в груди день и ночь кутерьма!

Весь во власти печали Коркут молодой
Стал для мира людей и глухой, и немой.
От всего он далек, равнодушен ко всем,
Он ушел на Алтай заповедной тропой.

По просторам Алтая скитался Коркут.
Знал он, люди его никогда не поймут!
Он покинул свой дом, бросил мать и отца,
И подруг черноглазых. Пусть больше не ждут!

Тот познает пожар, кто играет с огнем.
Беспокойной душе – гнаться за миражом.
В состояние дикого зверя придя,
Чтоб загадку решить, шел Коркут напролом.

В неоглядную высь обратил он свой взор.
«Что есть жизнь?» – он спросил у заснеженных гор.
И ответило эхо, – вопрос на вопрос, –
И слова его в скалах звучат до сих пор.

Отвернулся Коркут и направился в лес.
«Что есть жизнь?» – он спросил. Внимание весь
Лес-отец, никогда не страдавший от дум,
Онемел, и вопрос среди сосен исчез.

«Что есть жизнь?» – он к воде обратился тогда.
Рябь прошла по воде – промолчала вода.
Он у ветра спросил, но и тот промолчал.
Ветер в поле умчался и пропал без следа.

Были звезды в ночи холодны, высоки.
Ухмылялась луна. И молчали быки.
Безучастное солнце глядело с небес.
Кто же душу очистит от яда тоски?!

Что подделаешь? Всюду Коркут побывал,
Поперечным и встречным вопрос задавал.
Но молчала земля, и молчала вода...
И Коркут пуще прежнего затосковал.

Ветер из ниоткуда идет в никуда.
Вслед за ветром шальным пролетают года.
Так на что эта жалкая, куцая жизнь,
Если птицу мечты не поймать никогда?!

Ты моргнуть не успеешь, как жизнь пролетит.
У тебя за спиной смерть с порога глядит.
Пастью тянется жадно, пропал человек!
Где лекарство от смерти, что смерть победит.

Где живут, ни минут не считая, ни лет?
В чем таится забытый бессмертья секрет?
То живая вода?.. Иль святая Земля?..
Или вовсе секрета бессмертия нет?!

Где дыханием смерти не заражен
Даже воздух! Где смертью и звук не рожден!
Если антисмертин не нашел человек,
То зачем он в науки свои погружен?!

Так кручинился бедный страдалец Коркут.
И бежал он от смерти, как зайцы бегут.
Он покинул Алтай и отправился в край,
Где, о смерти не ведая, вечно живут!

И тогда на Восток он направил свой путь,
Подставляя то зною, то холоду грудь.

И разбойников видел Коркут по пути,
Но ничто не могло его вспять повернуть!

Обессилев вконец, продолжал он идти.
И пустыни, и горы, что были в пути,
Он пролез и прополз, окровавлен и бос.
Вдруг он видит вдали силуэт черноты.

Место гиблое, дикое, скрытое мглой.
У Коркута заныла душа злой тоской.
Он быстрее, быстрее идет к черноте,
А тоска стала страшной, как призрак ночной.

У Коркута из глаз льются слезы ручьем,
Перед ним черный столб изогнулся плечом.
Под столбом свежеврыта яма – могила.
Для кого это место? Кто здесь обречен?

Кто-то в гиблой глуши эту яму копал,
Ставил столб роковой и на нем написал:
«Ты от смерти бежишь? От нее не уйдешь!
Здесь могила твоя! Час расплаты настал!»

Прочитав строки эти, Коркут почернел,
Мозг живой в голове его окоченел.
Слезы выплакать бедный не в силах, горит
Тело, будто на угольях. Очертенел.

Только дума сильна и силен думы яд.
На могилу Коркут бросил сумрачный взгляд.
Отвернулся от ямы. Все силы собрал
И шагами нетвердыми двинулся вспять.

И тогда он на Запад направил свой путь,
Жребий выпал бедняге лишь скорбно вздохнуть!
По безлюдью глухому бредет и бормочет,
Слов на черной доске нету сил зачеркнуть!

Эх! Найдется ли средство от смерти спастись?!
Если нет, то на что эта жалкая жизнь?
От ходьбы онемела душа больше тела,
О, бессмертных земля! Хоть на миг покажись!

Ни души! Одиноко в безлюдной степи,
А Коркут все идет, дух мечтой укрепив.
Вот он месяц идет. Вот идет целый год.
И опять вдалеке что-то в черном лежит.

Тут Коркут оробел. В пятки сердце ушло.
Осторожно подходит, предчувствуя зло.
Да! Могила опять. И доска. И слова.
О Всевышний! Куда меня вновь занесло?!

Кто-то снова могилу глухую копал.
Столб поставил и снова на нем написал:
«Ты от смерти бежишь? От нее не уйдешь!
Здесь могила твоя! Час расплаты настал!»

Большей скорби Коркут не знал до сих пор!
Что ж, живи-не живи, а конец будет скор!
Рухнул наземь Коркут и очнулся не скоро.
Поднял голову, встал, чуть затеплился взор.

И душа и сознание истерзаны ...
Сердце – мертвый комок, недвижимо, как воск.
А в груди пустота, там дыханья чуть-чуть.
Встал Коркут и поплелся. Но жив его мозг!

– Пусть надежда погасла, как искра в ночи.
Пусть судьба записалась ко мне в палачи!
Все равно! Все равно я, бесстрашный Коркут,
Говорю себе: «Встань и весь мир обыщи!»

И Коркут обошел на земле все места,
И кровавые слезы стекали с лица.

И куда ни ступала Коркута нога,
Там зияла могила, зловеще пуста!

Он направо идет – тут она его ждет!
Он налево идет – тут она его ждет!
И, нахохлившись, будто стервятник-орел,
Черной надписью столб по глазам его бьет!

И опять кто-то черную яму копал,
Столб поставил и свой приговор написал:
«Ты от смерти бежишь! Только знай, не уйдешь!
Вот могила твоя, о Коркут! Час настал!»

– О, Судьба! Как на Смерть я управу найду?!
Хоть бы кто из бессмертных стоял на виду!
Только ямы могильные ждут не дождутся
Горемыку Коркута, куда ни приду!

Можешь вволю залиться кровавой слезой.
Биться в камни и в гору пустой головой.
На земле нету сил, чтобы смерть победили,
И могила – венец твоей скорби земной!

Был Коркут богатырь – стал, как плеть, изможден.
Перед роком поник его дух, побежден.
На Алтай он вернулся, откуда бежал.
Не Коркут воротился, а тень. Где же он?!

А Алтай горделивый стоит, как стоял,
В небеса вознося пики острые скал,
Облаками окутанный, дремлет старик!
Соблазнительных дум никогда он не знал!

Лес, не знающий мысли, о чем-то шумит,
И вода по уступам играет, бурлит.
Ветер веет – проказник, не знавший узды,
Поцелует красотку и прочь улетит!

А народ, как и прежде, содержит свой скот.
И других у него ни забот, ни хлопот.
В простоте первобытной проходят их дни –
Всем довольны они, что природа дает.

Возвратился Коркут. Он, как прежде, бирюк,
Никого не признал, не приветил вокруг.
Он укрылся подальше от взоров людских,
Завертелся бессонных ночей его круг!

Но однажды, неведомой силой гоним,
Вышел в сосны Коркут, примерившись к ним,
Выбрал ствол небольшой, обработал ножом,
И кобыз зазвучал, и Алтай вместе с ним.

Пел печальный кобыз, нагоняя тоску,
Через силу мотив волоча по песку,
А потом вихрем мчался, что конь вороной,
А потом, как верблюд, горб качал на скаку.

Гнал обвалом с горы он в долину снега,
Нес, как смерч беспощадный, песок по кругам,
А потом, успокоившись вдруг, он мурлыкал,
Словно барс, торжествуя над трупом врага.

То носился, как ветер, не зная преград,
Через горы и реки, крылам своим рад.
То, смирясь, шелестел, лепетал, щebetал,
Словно тополя листья шелковнику в лад.

Поднимался, как пламя костра, к небесам,
То, как заяц, метался по темным лесам,
То рыдал, обуянный безумной тоской,
Недоступной по страсти земным голосам.

Пел кобыз, как больная живая душа.
Проклиная кого-то, кого-то круша.

Словно в сердце вонзились десятки кинжалов,
Захлебнувшийся кровью, хрипел чуть дыша.

Задышается в жалобах нежный кобыз,
Слух и душу он пением дивным изгрыз.
На кобызе играет и плачет Коркут –
И акын, и кобыз в общем стоне слились.

Так рождалась кобыза волшебная статья.
Только стати такой никогда бы не стать,
Если б не был Коркут музыкантом великим,
Если б не был кобыз инструментом под статью.

Не нашел против смерти средства Коркут.
Может, люди другие придут и найдут?
А печаль и заветные думы акына
Сокровенной дорогой в кобыз перейдут!

Пламенел, догорая, усталый закат,
Розовел на востоке восхода наряд.
Спал, наевшись, напившись, беспечный народ,
Своему бытию и довольствию рад.

И тучнел, и плодился бесчисленный скот,
И батыры опять собирались в поход,
Каждый сыт и доволен, и весел, и пьян,
А бедняк вез, как прежде, воз горьких забот.

А Коркут, одержимый все той же тоской,
Держит верный кобыз исхудалой рукой.
Все тоскливее песни кобыза звучат
Вслед годам, уходящим печальной рекой.

Горькой соли за жизнь не один съел он пуд,
Совершив никому и не снившийся труд,
Прижимая к груди закадычного друга,
Опустился в могилу мятежный Коркут.

Дни старинные – сказка, утеха сердец!
Где начало той сказки? А где ей конец?
Был ли в мире акын, что сравнится с Коркутом?
Он акын всем акынам! Акынам отец!

Легче самого легкого ветра поэт,
Ярче жаркого пламени слов его свет,
Добровольный невольник прекрасной мечты,
Он – поэт! И покоя душе его нет.

Ну кому же взбредет, поразмысли-ка сам,
Так томиться, кручиниться по пустякам?
А поэт-фантазер, догоняя мираж,
Каждый день видит пасти зияющих ям!

Гонит по морю ветер крутую волну,
А поэт над могилой у думы в плену!
Все, что видит и слышит в природе поэт,
Он с великой печалью кладет на струну.

Всем напевам акына послушна сосна –
И тоскует, и плачет. От горя нет сна.
Стань подальше и слушай, но им не мешай!
Пусть мечтам предаются акын и сосна.

Не нужна твоя близость крылатой мечте.
Ты не можешь парить на такой высоте!
Слушай издали песню. А если рискнешь,
Лишь сосну ты увидишь в своей простоте!

Для акына сосна ближе верной жены
И родней всех родных, и дороже казны.
Тело звонкой сосны и певучая нить
Крепко-накрепко с сердцем соединены!

Как рождает напевы чудесная нить?
Нужно нежную нить кровью сердца облить.

Может нить оборваться под тяжестью сердца,
Так что лучше акына не трогать, не злить!

Не рассеялась в сердце густая печаль,
И рука у акына надежна, как сталь.
А напевы сосны все просторней и шире,
Словно жизни река, что уносится вдаль!

Несравненный отец всех акынов – Коркут,
Кровью жаркой души оросивший свой путь,
Сделав скорбную жизнь эпопеей печали,
Может с другом-кобызом от дум отдохнуть.

О, старинные, давние, дивные дни!
Только в сказках да песнях остались они.
Улетели! Остался прекрасный мираж.
Если можешь, хоть мысленно их догони!

Дни ушедшие память влекут за собой.
Ты в мечтаньях обходишь Алтай золотой.
Ты прислушайся. Слышишь, звучат по горам
Песни деда Коркута одна за другой?

Песни эти слышны, если слушать душой –
Не завистливой мелкой, а доброй, большой!
Эти песни услышал когда-то и я,
И наполнилось сердце огромной тоской.

Я отчаянье в жарких слезах изливал,
Я, наивный, не знал, что мираж увидал.
Жизнь проходит – к могиле спускаюсь я с гор.
Не вернуться назад, я свое отстрадал.

Много лет меня сердце шальное вело.
Думал я: «Сердце знает, где рай, а где зло!»
Сладким ядом отравленный, вижу теперь –
Нет надежды. Конец. Все в душе умерло.

Был когда-то мне друг жеребенок-игрун,
Жизнь была, как игра, я был резвый шалун.
Игры кончились, друг мой бесследно пропал.
Я наполнился чадом нерадостных дум.

Ныне друг мой единственный – верный кобыз.
Мой кобыз, ты на песню мою отзовись!
Будем петь, будем горе в слезах изливать,
Голоса поднимать в недоступную высь!

Одного лишь хочу я, как славный Коркут,
Свои песни найти через каторжный труд
И, отдав все Мечте, что и можно отдать,
С другом, верным кобызом, закончить свой путь.

КОБЫЗ КОЙЛЫБАЯ

В старину жил народ, населявший наш край.
Это были найманы, их знает Китай.
А в найманских родах славен баганалы,
В нем баксы выдающийся был Койлыбай.

Койлыбай повелителем нечисти был,
С волосатым шайтаном знакомство водил.
Стоит взять ему в руки волшебный кобыз –
Какаман тут как тут, словно дверь сторожил!

Какаман – одноглазый бесовский вожак,
Горы он сотрясал, если вдруг что не так.
Покровитель всех духов великий Надир
Какаману дал прозвище-кличку Шолак.
Третий друг Койлыбая всех бесов кумир –
Черт Шайлан, им гордился весь дьявольский мир.

Койлыбай всех казахских баксы превзошел,
Черти были ему чем-то вроде родни.
Вот рассказ о потехе одной небольшой,
Что случилась на празднике шумном в те дни.

Был тот праздник особенно ярким; сюда
Понаехали нищие и господа.
Среди баев, батыров, средь биев почтенных,
Словно лев-властелин, сам Барак восседал.

Ах, какая байга развернулась в степи!
Двести резвых коней народ оседлал!

Шутники Койлыбая взяли в кольцо,
Пристают, зубоскалят, смеются в лицо:
«Пусть на скачках кобыз твой покажет себя».
Согласился баксы: «Будь, кобыз, жеребцом!»

Вся найманская знать собралась на пиру.
Тут весь общества цвет, самый избранный круг.
Всюду лица достойные как на подбор.
В самом центре баксы, он включился в игру.
Сам Барак пожелал видеть в скачках кобыз,
И отказ ему был бы, ох, не по нутру!

Койлыбай подозвал одного молодца,
Был надежен тот малый, как сын у отца:
«На пути этой скачки стоит саксаул,
Рядом с камнем-утесом он тих, как овца.

Ты повесь мой кобыз на суке саксаула.
Какаман – он надежней всех псов из аула».
А найманский народ, все уладив с кобызом,
Погрузился в покой, полный мирного гула.

Вот и подан байге долгожданный сигнал,
А посланец баксы сразу всех обогнал!
И сидевший среди важных господ Койлыбай
Вдруг затрясся в припадке, безумствовать стал:
И кровавая пена пошла изо рта,
Сделал саблю кобызом и вдруг заиграл.

А глаза его кровью густой налились –
Необычные звуки в степи раздались:
То ритмичную дробь выбивали, сердясь,
То стихали, устав, еле-еле плелись.

Черной тучей поднялся над степью песок,
Закрутил его ветер багровым жгутом.
Все сметал хаотических звуков поток,
Сонмы бесов, чертей мир подняли вверх дном.

Так играл, так кудесил великий баксы,
Изнемог он, измучился в эти часы.
А равнину, где лошади вихрем неслись,
Клубы дыма закрыли – не видно ни зги!

А в пыли, в самом центре, летит саксаул,
Он смеется, он весел, куда бы свернуть?
Землю бьет головами, одной и другой,
Пробивает по горному склону свой путь,
Наконец к саксаулу приникший кобыз
Во мгновение ока уже тут как тут!

Это он, Какаман, вырвал тот саксаул,
Старика он утешил как мог, как умел.
Койлыбай пробудился, всей грудью вздохнул,
А народ в изумлении окаменел...

ЖУСУП ХАН

Это была или небыль,
Что упала к нам с неба?
Может, сказки волшебная нить?
Ведь сороки-воровки
И вороны-чертовки
Мастерицы кашу варить!

Ну а каша такая –
Слушай, не пропуская,
Слаще меда пустые слова:
Тут и ласточки пели,
Соловьи лили трели,
Филин ухал, вещала сова!

Птичьи сказки – не сказки.
Что их тряски и пляски?
Наша сказка еще впереди.
Мы за красной лисицей
Не устанем стремиться –
Только б сердце горело в груди!

То, что сказано раньше, –
Птичьи песни и танцы,
Птичья каша – пир на весь мир, –
Это только настройка
Для домбры моей звонкой,
Этой шуткой я горло промыл.

Ну, прочистил горло,
Шапки сорваны гордо –
Их о землю ударим мы враз!
И начнем нашу сказку,
Заведем нашу пляску –
Огневой, искрометный рассказ!

По дороге на Индостан
Ты увидишь страну Иран –
Чудо – горы, реки, поля,
Изобилие льется рекой,
Все, что хочешь, лежит под рукой.
Это сказочная земля!

Всюду радость, солнечный свет,
И каких там цветов только нет!
И над каждым цветком соловей!
Чудный край ароматных роз,
Поэтических снов и грез:
– Умиляйся! Слез не жалей!

С гор течет не вода, а мед!
А плодовый кустарник цветет,
Полный ягод, что тают во рту!
То на яхонт похожи они,
То рубин, то коралла огни,
То серебряной чернью влекут!

А про яблоки – не говорю:
Кто видал рассвета зарю,
Кто пленился сияньем луны –
Пусть кладет их себе на ладонь
И вкушает холодный огонь,
Погрузится в волшебные сны.
Абрикосы, хурма, виноград!

А наряды у всех подряд –
Чистый шелк с головы до пят!
Весь народ у них – шелкопряд
Много-много веков подряд.

Чудный край – плодородный Иран,
Весь в шелках цветочных полян,
Но не будем наивны, друзья!
Жил иранский народ в нищете,

Все богатства: и эти, и те –
Кучка баев держала, вгрызясь!
Повелось из глубин веков:
Кучка баев орду бедняков
Держит в рабстве, давит, гнетет.

С жиру бесится байская рать
Хана хочется им избрать,
Чтобы свой был, знал честь и черед!

Вот такой порядок и лад
Был в Иране. Тому, кто богат,
Был отцом родным хан Аббас.
Он всю жизнь на троне сидел,
Сколько черных, кровавых дел
Натворил он! Храни бог нас!

О народе не думал он.
Он берег свою власть, трон.
Проживал в золотом дворце.
Слабость к женскому полу питал:
Где красавицу ни встречал –
Моментально менялся в лице.

Дни и ночи был полупьян,
Чадом роскоши обуян.
Трон в алмазах, как солнце, горит.
Дармояд, туняец Аббас
Холуев набрал про запас –
Каждый весел, дороден, сыт.

Банда алчных вельмож сильна:
Пасть любому порвет она.
Из народа выжала сок.
Люди воют от смертной тоски.
Как собаки, их рвет на куски
Челядь ханская – бедствий исток.

Так за месяцем месяцы шли,
Годы пятки друг другу жгли,
Время злое катилось к чертям.
Хан Аббас однажды сидел
Полупьяный. Потел, сопел,
Сети плел, сродни паукам.

Тишину его хитрых дум
Вдруг нарушил негромкий шум:
Это входит главный визирь.
Брюхо выпячено вперед,
Борода мешком, хитрый рот
Сладко шепчет: «О, мой таксыр!
Долгих лет Вам на радость нам,
Вашим преданным, жалким рабам!
Я осмелюсь Вам доложить,
Там гадатель главный пришел,
Он, предвестник счастья и зол,
Он о чем-то поведать спешит!»

«Пусть войдет», – повелел Аббас.
И гадатель ворвался тотчас,
Как стрела с тугой тетивы.
На коленях к хану подполз,
Лбом ударяясь о грубый ворс,
По ковру перед ханом полз,
Встал и новость всем объявил.

Был гадатель большой звездочет,
Он стяжал уваженье, почет
Средь астрологов, магов, жрецов.
Он сказал: «Господин, наш хан!
Мне открылся зловещий план –
Тень покрыла ваше лицо!

Звезды Вам добро не сулят,
Их лучи, как смертельный яд,

Пролились на вашу судьбу.
Что нам делать? Тужить – не тужить,
Десять дней остается жить
Драгоценного трона рабу».

«Что?» – взревел разъяренный хан.
Все он понял, хоть был полупьян.
Спазмы горло сдавили ему.
«Т-ты, с-с-соба-кка!» – пролаял хан
Весь багровый, тучный кабан.
(Умирать охота кому?!)

«Ты, взбесившийся подлый раб!
Ты со мною вздумал шутить?
Вон отсюда! Долой с моих глаз!
Ты, шакал, не помнишь добра?
Надо шкуру с тебя спустить!
Эй, палач! Выполняй приказ!»
Вот вбегают палачи.
Блещут острые мечи.
Голова моя, прощай!
На гадателя бегут,
Вмиг башку и отсекут,
Подставляй ее лишь знай!
Тут откуда что взялось?
Как потом, полилось
Из гадателя страстное слово:
«О, мой хан! Любимый султан!
Ты отец мой, что богом дан!
Не казни! Не гляди сурово!
Ну, убьешь меня! Где тут прок?
И пророчество сбудется в срок,
Ты же знаешь: звезды не лгут!
Но когда подойдем с умом,
Все по косточкам разберем,
Нас и звезды не обойдут!»

Оживился струхнувший хан!
Дух высокий не каждому дан!
Появился надежды свет.
Появился в глазах огонь – как конь!
Палачам дал команду: «Нет!»

Отошел немного Аббас,
Успокоился, щурит глаз:
Как бы звезды перехитрить?
Мудрецов он созвал, вельмож,
Полководцев, судей, кто вхож
Во дворец – всем велел прийти.

Собрались. И сказал Аббас:
«Я по важному делу вас
Всех собрал, чтоб с умом решить,
Как уйти от проклятия звезд,
От меча, что над нами занес
Ангел мести Абзал-Рашид».

Все потушили взоры свои,
Мысли нет одной на троих!
Бородатые мудрецы,
Тучнотелые муллы-жрецы,
Дармоеды! Ну что взять с них?!

Смотрит хан – дела не ахти!
Каждый в сторону смотрит, кряхтит.
Злоба стала овладевать:
Не советники – жалкие псы,
Отвернулись, поджав хвосты!

Тут гадатель возник опять:
«Господин мой! Не надо тужить!
Вам еще долго-долго жить!
Вы же гордый и сильный лев!
Я решенье загадки нашел.

Вот загадка – блестит, как шелк!
Так смените на милость гнев».

Снова ожил несчастный Аббас,
Вновь надежда в глазках зажглась:
«Говори! Твою дерзость прощу!»
А гадалщик помедлил чуть-чуть
И сказал: «Есть хороший путь.
Я о нем Вас сейчас извещу!

На исходе десятого дня
Смертоносного полный огня
Рухнет трон иранских царей.

Вам, любимый наш господин,
Надо выйти из-под руин,
От престола уйдя поскорей.

Пусть на троне сидит другой,
Временщик, никому не родной.
Десять дней пусть кичится, наглец!
На исходе десятого дня
В жарком пламени злого огня
Будет жалким его конец!»

Хан в восторге: ой, как хорошо!
Взором радостным всех обошел
И к визирю речь обратил:
«О, достойнейший мой собрат!
Как я буду спокоен и рад,
Что на трон тебя посадил!»
Слову хана перечить не смей!
Но визирь был опытный змей!
Он прошел и огонь, и воду:
Сто улыбок надел на лицо,
Извивался скользким лицом,
Был он славной придворной породы.

Он вертелся и так, и сяк,
Упирался то в пол, то в косяк,
Ручки складывал и опускал,
Как мартышка, вертелся, юлил,
Медом-сахаром хана облил,
Наконец, виновато сказал:

«О великий, о славный шах!
Ваша речь – это сладость в ушах!
Это самый счастливый мой день!

Но неграмотен я – вот беда!
Я готов сгореть от стыда.
Ну зачем на престоле пенёк?
Вот сидит Верховный судья –
В десять раз он умней, чем я.
Вот ему вручите бразды!
Он мудрец, каких поискать».

У судьи на лице тоска.
Змей-визирь! Будь же проклят ты!
Но нашелся судья-казуист,
Был он старый опытный лис:
«Я готов исполнить приказ!
Только есть достойней меня.
Дальновидно державу храня,
Полководцу тут место как раз!»

Завертелся вояка, как еж!
Заревел, как медведь, – не возьмешь
Полководца голой рукой!
Бушевал, точно в море гроза,
И безумно тарашил глаза.
В претенденты попал другой.

Так спасал свою шкуру Совет,
Ведь не могут ответить «Нет!»

Все хитрят, все юлят, верещат.
Отвертелись все хитрецы –
Государственные мудрецы!
И настал черед палача.

Был палач тугодум большой,
Но и он дорожил душой.
Хану он заявил напрямик:
«Что я, жертва? Иль всех дурней?
К черту ханство на десять дней».
Снова страх обуял горемык.
И опять гадальщик встает
И веселую речь ведет:
«Выход есть из этой беды!

Есть негодник – некий Жусуп,
Пусть он десять дней точит зуб.
Перетерпим. Будут плоды!
На базаре сидит все дни
Он – искуснейший мастер, с ним
Не сумеет сравниться никто!
Но язык у него – скорпион:
Никого не жалеет он,
Бьет словами, словно кнутом!
Хана, ханскую свиту, всех мулл,
Всех визиров, судей, караул
Он клеймит как банду воров.
Он разносит их в пух и прах,
Обвиняет во всех грехах,
Видит в них народа врагов.

Я считаю, о мудрый хан,
Пусть Жусуп займет этот трон,
Посидит тут десяток дней.
Вот наступит обещанный срок,
И скукожится этот сурок
Под лучами звездных огней!»

Тут начался радостный гул,
Каждый слово свое ввернул:
«Поделом ему! Поделом!
Пусть наплачется сукин сын!
В кровь свои обмочит усы!
Пусть садится на трон верхом!»
Разошлись, порешив на том...
Что ж, и мы к Жусупу пойдем,
Где Жукен¹? А где ему быть?
На базаре, где жизнь кипит,
В самой гуще, в жаре, в дыму.

Вот где пекло! Полдневный жар,
Но кипит, бушует базар,
Люди топчутся, как муравьи,
А торговцы – мордасты, злы,
Бородаты, будто козлы,
Жизнь базара у них в крови.

Там и тут – в чапанах, чалмах.
Там ишак ревет, как мулла.
Там закрыты арбам проходы.
Тут гадальщики, дервиши.
Сколько нищих-калек! Оглушит
Непривычного хор сирот.

Вот, похожа на кокон, идет
Женский облик – фигура-урод.
Это вид всех иранских жен.
На базаре сидит Жусуп,
В чайхане пьет он чай, ест суп,
Группой добрых друзей окружен.

А Жусуп на своем коньке:
«Власть, богатство у баев в руке.
Хан, акимы, судьи – вот сброд,

¹Уважительное обращение.

Что терзает нас день и ночь.
И терпеть нам больше невмочь.
Почему терпелив народ?
Потому что закон над ним!
А закон кто писал? Дьявол? Джин?
Нет! Законы писал сам хан,
И судья не дремал, и вельможи:
Все прилежно лезли из кожи!
Им – мука, а отруби – нам».

Так Жусуп богачей громил,
Многим был его голос мил.
Вдруг раздался топот коней!
Въехал конный ханский отряд,
А доспехи жаром горят.
Смолк Жусуп в окруженье друзей.
Редко видишь такой парад:
Полководец и сотников ряд
В блеске воинской мишуры
Подъезжают к Жусупу, салют
Высший воинский отдают,
К возвышению стелят ковры.

Чудеса! Наваждение! Сон!
Суетится прислужников сонм.
Тут первейшие люди страны:
полководец, судья, визирь
И чиновников жалкий мир –
Был он собран со стороны.

Смолк базарный, разгульный люд.
Страх и ужас дышать не дают.
Онемели у всех языки.
И со всеми вместе Жусуп –
То ли валенок, то ли труп,
Словно взяли его на штыки!

Он глаза невольно закрыл,
А когда посмотрел опять –
Перед ним великий визирь!
«О, мой сокол! Мой гордый султан!
Знай, удел тебе новый дан –
Покорился тебе весь мир!
Поднимайся. Идем во дворец!
Так решил всемогущий творец!
Ты теперь благородная кость...»
Не поверил Жусуп ушам:
«Господин! Понимаю я сам:
Это шутка, что молвит гость!»

Но визирь стоит на своем:
«Видит небо, мы вовсе не врем!
Шах Ирана оставил трон.
И отныне царем стал ты,
Пей, гуляй, ни о чем не грусти,
Мы же с прежних путей не свернем!»

Что же это? Затмение? Сон?
Он сомнением одолен:
Ущипнул себя несколько раз.
Нет, не спит он. Все это явь.
Ах, ты дьявол! Кто нынче прав?
На коня вскочил он, как барс!

«Ну тогда дорога вперед!
Я ваш хан, вы – мой рабский сброд!
Во дворец, во дворец поживей!»
Конь, как ветер, несется вперед.
Во дворец он быстро идет.
Он – величество ханских кровей!

Приделся стану под стать,
Отдохнул, подобрел, стал искать
К этикету дворца ключи.

Был плебей он исконный. Теперь
В мир владычества настужь дверь
Распахнулась – как солнца лучи!
Тут принялся Жукен за дела:
Силу власти повел против зла.
Под защиту обиженных взял.
Дал народу свободу, права.
Зашумела жизнь, как трава.
Добрый час беднякам настал.
Стал Жусуп указами крыть:
Сверг визиря, умерил прыть,
Лихоимцам головы снял;
Мудрецов толстопузых, мулл,
Полководцев и весь караул
На тюремные нары загнал!

Напрочь головы снял с подлецов,
Кровососов, проклятых дельцов,
Что держали народ в кабале.
Баям ссылку определил
И намордником пасти закрыл.
И народ стал жить веселей!

Так тянулось несколько дней,
Баи, беки все злей и злей.
Что там будет еще впереди? –
Нет Жусупу до этого дел.
Цель его – чтоб народ узрел:
Можно править и не вредить.

Так испробовал хан Жусуп
На злодеях свой острый зуб.
Шкуры снял с них, дал им урок!
Муллы, баи стали хитрей,
Стали вежливей и добрей!
Знали: скоро наступит срок!

Угнетатели – тише воды,
Бедняги идут впереди,
Славу хану Жусупу поют.
Люди в радости, горюшка нет:
«Пусть живет Жусуп тысячу лет!»
Хану почести воздают.
Проходили за днями дни:
Кто ушел от кары, не сгнил.
Стали строить планы свои.
Вот настала девятая ночь:
Страшной злобы не превозмочь,
Угли заговора в крови:

«Неужели свинья Жусуп
От возмездия выйдет сух?
Подлый раб, проклятый плебей,
Сколько знатных он погубил,
Пострадали и бай, и бий,
Сколько кануло богатырей!

Нам на голову сели щенки:
Только окрики и пинки
От взбесившейся бедноты.
Где достойные? Всех смели –
Вслед за ними на край земли
Нам придется завтра пойти.

Эх, Аббас – солнце нашей страны!
Мы не знали ему цены.
Он не лез в чужие дела.
Тихо-мирно жил во дворце,
Как жемчужина-яхонт в ларце.
Эх, какая нам радость была!

Нет! Не будет нам счастья с ним,
С кровожадным зверем таким!
Ненавистный Жусуп – это черт!

День последний его настал,
Пусть священный мести кинжал
Злую нечисть к трону пришьет!»
Завершился тайный совет.
Разошлись в ожидании бед.
Спит народ. На троне Жусуп.
Вот и день десятый настал,
Черный день, что рок предсказал,
День возмездия – дьявольский зуб!

Входит стражник, высок, могуч,
И кинжала безжалостный луч
Прямо в сердце Жусупа вошел.
Вот и нет Жусупа! Он труп.
Бездыханным найдут поутру
И уложат в саван-мешок.

Снова беки сошлись на совет.
Кровопийцы – Жусупа нет! –
Отвели они душу сполна.
А потом узнала страна:
«Хан отправился на тот свет!»

И собрался наивный народ,
Слезы горькие, жгучие льет.
Беки тут же в печали стоят:
«О, Жусуп! Ты оставил нас.
Без тебя мы теперь, как без глаз!
О, как души наши болят!

Славный сокол наш Жусуп-хан!
Пропадет ни за что Иран!
Кто народу руку подаст?
Кто утешит нас в трудный час?» –
«Шах Аббас! Шах Аббас! Шах Аббас!»

В это время из-за угла,
Где клубилась пыльная мгла,

Появляется сам Аббас!
Он скрывался где-то в горах
От Жукена. Терзал его страх,
А теперь наступил его час!

Зашумела радостно знать:
Все к Аббасу! Ну обнимать!
Понесли во дворец на трон.
А народ посмотрел, посмотрел
На развитие этих дел
И разбрелся на сто сторон.

Суется довольный Аббас.
Подхалимы, как мухи, кружась,
Усадили его на трон.
Он Аллаху славу вознес,
Обещал стоять, как утес,
И гадателю отдал поклон!

Так гадальщик бездельника спас.
Вновь на троне пьянчужка Аббас,
Всех мошенников подлых шах.
Злая жизнь в стране стала злей,
Вор богаче, бедняк бедней.

Видно, так повелось в веках!
Что Аббасу страна, народ?
Он в роскошных дворцах живет,
С подхалимами ест и пьет.
Вьются женщины, как мошкара, –
В удовольствиях до утра
Он разгульную жизнь ведет.

Полупьян, полоумен он.
Весь в алмазах сияет трон –
Самоцветы, как солнце, горят.
Дармоед, тунеядец Аббас

Подходящих ему как раз
И министров нашел, говорят.

Бедный, бедный иранский народ!
Всяк тебя, как собаку, бьет.
Что тебе эта власть дала?!
Эта банда великих рвачей,
Свора алчных псов-палачей
Для Аббаса оплотом была.

БАТЫР БАЯН

Часть первая

О, сердце мое! Я лишился ума, чего-то в тоске ожидая.
Коварная жизнь, роковая тюрьма сознание мое
убивает.

В темнице томится не тело мое – закован язык
кандалами.

И мечется песней безумной душа, в мучительной
пляске сгорая.

Ах, жизнь окаянная! Нет у тебя ни шуток, ни песни,
ни смеха.

Спасенье мое – это клад золотой старинных легенд
и сказаний.

Чтоб узел любой развязать, в старину нашли б
девяносто приемов,

И каждый волшебным ключом открывал секреты
закрытого дома.

А я погружаюсь в чудесную глубь, что манит
целительным ложем,

И яд окаянного мира меня не сможет уже уничтожить!
Старинная сказка! Твой добрый язык баюкает нас
с колыбели.

Волшебное слово – лекарство для ран тому, кто
прикован к постели.

Акын простодушен, как в небе луну увидевший
мальчик-мечтатель,

Пойдет на огонь, любопытством горя, сгорит,
не увидев в том цели.

Но все же останется памятный след, пускай даже
знаки от зверя.

Акыны уходят, и путь их в крови. Но песни свои они
спели!

Чтоб песню сложить, у поэта есть все: и дума, и грусть,
и напевы.

Вот песнь родилась, и акын потрясен! И слезы в глазах
закипели.
Но нет у поэта друзей на земле, чтоб тайны доверить
святые.
Лишь перья-каламы, наперсники дум, в бессонные
ночи скрипели.
О чем же лепечут ручьи моих дум, стальному перу
доверяясь?
Быть может, зовет золотая Арка, отчизна моя
дорогая?
Арка, моя родина, словно река, безбрежна,
просторна, волнами
Седых ковылей разбегается вдаль, в туманных
виденьях теряясь.
А в центре огромной вселенной – Арки жемчужина
нашего края:
Гигант изумрудный стоит – Кокшетау, главу в облака
упирая.
По гребням и склонам Кокше-старика давно ли
свободно, привольно
Паслись, как бараны, медведь и олень, маралы
резвились, играя?
Ни мирных, ни хищных зверей уже нет... Куда же вы
все подевались?
Гранитное сердце седого Кокше горячая скорбь
разрывает...
Но самый чудесный из всех уголков – красавец лесной –
Боровое.
Тут сосен обилие звоном в ночи чарует волшебной
игрою.
Стоит Боровое. Он в думы ушел, чело облаками укутав.
Его окликает гора Булектау: «Привет тебе, племя
родное!»
Гора Окжетпес! Ты – копыа острие. Средь скал и
утесов, как воин,
Надежно хранишь достоянье свое – зеницу Арки –
Боровое.

Средь гор богатырских там озеро есть. Зовется оно
Бурабаем.
Хрустальная чаша чистейшей воды, где лунные
струны играют!
Стоит Бурабай, этот остров чудес, жемчужина нашего
края.
Когда-то здесь главная ставка была могучего хана
Аблая.
Старик Бурабай утопает в лесах, от гребня до пояса
убран
В зеленый наряд, что ласкает наш взгляд сверкающим
солнечным утром.
На фоне сияющей той белизны одежды печальной
вдовицы
Сосновых и лиственных стройных деревьев горят и поют
перламутры.
Так было когда-то! Стоял Бурабай среди рыцарей
зеленокудрых.
А ныне он зябнет, раздет и разут. Что стало с тобою,
о, мудрый?
Где рощи? Там жили Аблай и Алаш под сенью зеленой
прохладной?
Где кущи деревьев – святыня святынь, прародина
гостеприимства?
Как в Мекку, ходили сюда на поклон, просили совета
и правды
И старый и малый, воин и раб, кто с жизнью не мог
примириться.
О, дети Алаша! Пришла к нам беда. Мы прежде такой
не видали!
Как тучи косматые, орды врага ввалились! И в те дни
печали
Народного горя ревун «Актабан» терзал нашу землю
и небо,
Спасенья не видели мы от беды, оставшись без соли и
хлеба.

Орел, поседевший в жестоких боях, был Канжыгалы
 легендарный;
 С ним рядом соратник его Богенбай, подобный
 могучему нару.
 А рядом подросток – Бокена сынок, тигренок, не
 знающий страха,
 Известен он всем как герой Жанатас– надежда и
 гордость казахов.
 Подъехал за ними, играя копьем, как молния перед
 грозю,
 Батыр Басентиин Сарымалай. Враги! Обливайтесь
 слезою!
 Вот крепко сжимает топор боевой и Оразымбет
 смуглолицый.
 Батыр Елшибек – он быстрее стрелы, и в ухе серьга
 серебрится.
 Пришел сын Кошкара, орел Жанибек. Такого во сне
 не увидишь!
 В плену у Галдана с Аблаем вдвоем сидевший
 в недобрую пору.
 Жабек хитроумный задумчив и строг. В нем замысел
 мудрый таится.
 Пришел Сырымбет – Басентиина сын, возможно ль
 таким не гордиться?
 Вот мечет он стрелы, как искры костер, гудящий под
 ветра напором.
 Явились батыры на голос вождя – опора аблаева
 войска.
 Они ожидают команды «Аттан!», готовые к сече
 героической.
 Сидит среди прочих и Карабужыр – певец и воитель
 отважный.
 Поет он, и песни летят к небесам напевом густым
 и протяжным.
 Когда ж подключаются к пенью Бухар и Таттикара,
 ему равный,

То кажется – буря из бездны взвилась, и в ней уцелеет
не каждый!
В общении шумном проходят их дни, проходят их дни
в ожиданье:
Томятся батыры бездействием, ждут, наступит ли час
долгожданный?
Молчит Аблайхан. Он приказа не шлет батырам
садиться по коням.
«Ну, едем? Не едем? Чего же мы ждем?» – вопрос
прозвучал не однажды.
Молчит Аблайхан, к нетерпению глух. Извелся
народ, ожидая.
И ропот поднялся: дружны были все, как путник,
измученный жаждой.
Сошлись в Бурабае не просто бойцы – то старые битые
волки.
Защита Алаша – священнейший долг. А путь
предстоит им нелегкий.
И эти батыры были в шатрах, как львы, что посажены
в клетку.
И держит Аблай, как на привязи, их, не слышит
словечек их колких.
Не просто батыры, вожди собрались: отважные
витязи, бии.
В приятном бездействии видят позор. В бездействии
много ли толку?!
И вот решено, что старейший Канай доложит
владыке Аблаю,
Что воинство хана, надежда и цвет, ответов прямых
ожидает.
Явился Канай, уважаемый бий: «Владыка, понять мы
не можем...»
Аблай перебил его: «Где наш Баян? Как долго он едет.
Как долго!,
Я знаю, Канай, что язык твой и ум, как жало,
наполнены ядом.

Что делать? Я жду-не дождусь, когда же Баян будет со мною рядом.
Любимец народа, гроза для врагов, Баян задержался в дороге.
Победу приносит могучий Баян, окинув врага только взглядом!
Калмыки, прослышав, что скачет Баян, бегут врассыпную, что зайцы.
С врагами сражаться Баяну не труд – забава и сердцу отрада.
Я верю в Баяна: взмахнет он мечом, и недруг сражен без пощады.
А я без Баяна – орел без когтей, скакун, не доставший награды.
Я с места не сдвинусь, поверь мне, Канай, и слово мое нерушимо.
Я буду стоять, и Баяна дождусь. Я буду стоять, сколько надо!»
Все выслушал молча премудрый Канай, к товарищам хмурый вернулся,
Решенье Аблая им пересказал. Тут каждый замолк и замкнулся.
Канаю никто возражать не хотел. Все знали характер Аблая.
Вздохнули батыры в сердцах; «Эх, Баян! Надолго ж поход затянулся!
Бывало, услышит Баян клич «Враги!» и ветра быстрее несется.
Куда подевался сегодня батыр? Когда же тебя мы дождемся?
Немало врагов опрокинул Баян на поле кровавых сражений,
Не он ли над полем, как сокол, кружил, не зная в бою поражений!
Не он ли, как тигр разъяренный, рычал один против сотни без страха.

Врывался, как волк, в стадо робких овец, смеясь над
врагов окруженьем!
Стрелой пробивая кольчуги броню, он страха не
ведал в боренье.
Любого батыра на выбор возьми, всех вместе возьми,
не считая –
Никто не воскликнет так грозно «Алаш!», в
смертельную схватку бросаясь.
О нет! Если так задержался батыр, причина, видать,
не простая –
Случился потоп. Загудел ураган, другая беда
роковая...»
Река Убаган на просторах Арки текла-утекала в овраги.
Там жили, родами своими теснясь, числом
небольшие уаки.
Числом небольшие, но славой большой оваяны были
те люди:
Из них Ер-Кокше, а еще Ер-Косай – гиганты, и знает
их всякий.
Из этого рода батыр Ер-Кокше, герой, знаменитый
в народе.
Отсюда же родом бесстрашный Баян, которым
гордятся уаки.
Гордятся уаки батыром Сары: он – дядя батыру Баяну.
Храбрец Ер-Сары защищал свой народ, как лев,
не боящийся драки.
Уаки – герои. И этот, и тот. Но всех по геройству и
славе
Сумел превзойти легендарный Баян, несущий
алашские стяги!
В те годы казахи числом небольшим сражались
с калмыцкой ордою.
Так в небе орлы-одиночки ведут бои с черных
воронов тьмою.
То были тревожные годы, когда под белое знамя Аблая
Стекались сторонники Алты-Алаш, врагам не давая
покоя.

Батыры казахские как на подбор могучими были
орлами,
Но в славной дружине всех выше Баян стоял
неприступной скалою.
Однажды в походе на злого врага досталась добыча
Баяну:
Красавицу-девушку вывез Баян, в седло усадил за
спиною.
Была она юной – четырнадцать лет, едва лишь
расцветшею девой,
Но многих джигитов успела сразить своей неземной
красотою.
Воистину девушка эта была прекраснее всех
раскрасавиц!
Как будто Всевышний к одной только к ней был
милостив прочим на зависть.
Атласное тело. Лицо, как заря! А зубы – жемчужины
в блеске.
И речь мелодично течет с языка, журчит, пламенея и
плавясь.
И взгляд проникает в тебя, словно яд. Он ласково
нежен и скромнен!
И очи мерцают, зовут и манят, забралом ресниц
заслоняясь.
Намеки-слова шелестят, словно шелк, мелодиям
райским подобны,
Как будто вода из святых родников: ты пьешь ее, не
напиваясь!
Воистину духом был камень Баян: добычу такую
присвоив,
Привез ее в дом, не смутившись душой и пальцем ее
не касаясь!
Красавицу юную взяв в полон, с добычей Баян
возвратился.
Так сокол охотничий встретил в степи песчанку и
камнем свалился.

Когти его, кровью глаза налились. Палач беспощаден
свирепый!
Не выпустит жертву свою ни за что, коль мертвою
хваткой вцепился!
Бывают маралы – таких не берут охотников опытных
стрелы.
Судьба охраняет подобную дичь, кто б следом за ней
не пустился.
Баян, покоренный ее красотой и возрастом нежным
смущенный,
Назвал ее милой сестренкой своей. На большее он
не решился.
Душою в смятении он пребывал, хоть с виду был тих и
спокоен.
Но сердце ключом клокотало в груди. С ним разум
холодный схватился.
А дева-калмычка упорна была: с позорной судьбой
не смирилась.
Характер был тверд у нее, как булат. Судьбе она
не покорилась.
Совсем еще кроха, однако полна коварства и злого
притворства,
Ждала терпеливо и к цели своей с упорством
железным стремилась.
Рабынею став на алашской земле, притворно приемля
неволю,
Игру свою тонко и хитро вела: Баяна звала она
«Братец!»
И сердце Баяна кокетством зажгла, казалась
влюбленной безумно.
Но твердо держался отважный Баян и страсти
отбрасывал натиск,
Пропавшее сердце на части рвалось, а он был, как идол
чугунный.
В таком состоянии славный Баян ходил не живой и
не мертвый.

Неопытный юноша, пылкий Ноян влюбился в
красавицу страстно.
Как пряник в меду, сладкоежке в бреду являлась она
ежечасно.
И в жарком тумане, не помня себя, бродил он,
шатаясь, как пьяный,
Не в силах стряхнуть наваждения чар, над сердцем
погибшим не властный.
Но мысли нечистой в уме не держал Ноян,
благороднейший сокол.
Он видел в красавице лик божества, подаренный
взору несчастных.
Пылал и горел, и страдал, и скорбел Ноян. Холодна
была дева.
Ни разу она не взглянула туда, где ждал он ответа
напрасно.
Была равнодушна, спокойна, тверда красавица – горе
Нояна.
Но что-то, бывало, нет-нет да мелькнет в глазах ее
чистых и ясных.
Луну освещает лучом золотым горячее щедрое
солнце.
Все небо согрето любовью-огнем, к чему оно только
притронься.
А если охвачено жаром любви горячее юное сердце,
То самое тайное в сердце другом затронет оно
волоконце.
Вначале лукавая девушка так была холодна, что
надежды
Бедняжке Нояну не ждать никакой – стучи-не стучи
под оконцем!
Но взгляды Нояна дорогу нашли, достали и лед
растопили,
И сердце красавицы дрогнуло вдруг – как лист
задрожало под солнцем!
И тайна двоих двум счастливым уже не кажется
тайной нисколько,

И встретились вечером как-то они вдали от наветов
и толков.
В овраге среди разноцветья и трав, подобных
зеленому шелку,
Ручей говорливый бежал и журчал, звеня серебром
без умолку.
Он смело бросался с уступов крутых на острые черные
камни,
Луне, с восхищеньем следившей за ним, игриво бросал
брызги, звонко.
В один из волшебных таких вечеров, душой
истомленные оба,
Пришли они в тихий душистый овраг, как нитка идет
за иглой.
Свидания этого ждали они. Как долго судьба была
волком!
Но вот дождались! Это явь или сон? И верят они и
не верят.
И клятвы, и слезы, и радостный смех! И речи о
счастьи долгом...
Увидел красавицу-деву Ноян, и жаром его окатило.
От страсти глаза засверкали! В груди дыхание
перехватило.
Исчезли куда-то земля и вода, и звезды, и ключья
тумана –
Лишь девушку юную видит Ноян! Она его заполонила.
Он бросился к ней и потоком речей, где каждое слово,
что пламя,
И нежность, и ревность свою изливал из сердца
словами, слезами
И так горячо говорил, трепетал, стонал и вздыхал
перед нею,
Смеялся безумно, рыдал, как дитя, пока не оставили
силы...
Такого напора безумных речей, что жаркая страсть
породила,

Не слышала девушка в жизни своей, и сердцу она
уступила.
А речи свои она начала так: «Ноян, мой родной! Ты –
защита,
Ты – радость моя, ты – опора моя! И мне ты милей
всех джигитов!
Тебя я люблю не меньше, чем ты. Отдать за тебя
я готова
И тело, и душу, и Небом клянусь: ты – счастье мое и
молитва!
Однако, – сказала она, – у меня есть просьба к тебе,
о, любимый!»
И вдруг замолчала. Коралловых губ печатью шептанье
закрыто.
В молчании долго стояла она. Лицо холоднее, чем
мрамор.
Такое спокойствие было на нем сиянием лунным
разлито.
Но вот задрожали ресницы. Глаза наполнились
жаркой слезою.
Рыданье волной сотрясло ее грудь, с улыбкою радости
слито.
Затем, успокоившись, вновь говорит: «Ноян, мой
любимый, послушай!
Я здесь, словно лебедь, блуждаю в ночи. Тоска
истерзала мне душу.
Далеко-далеко родная земля! И память о ней меня
сушит...
Там детство мое беспечально прошло средь трав
шелковисто-зеленых.
Я помню холмистую милую даль. Покой их ничто
не нарушит!
Там Родина-мать! Там народ мой живет – калмыки.
Я дочь им родная.
Грустят они, словно пустынники-львы, детенышей
не обнаружат!

О, нет! Не о тех я калмыках тужу, что бросили все
и сбежали.
Есть Мать и Отец! И они для меня, как Солнце с Луной,
даже лучше!
Нагрязнул на нас победитель Баян. Несметную взял он
добычу.
Стада баранов он гонит в Арку. И ветры по следу им
свищут!
Меня, малолетку, завидев, как волк ягненка, свирепо
схватил он.
Пристроил в седло и, как ветер, умчал. Пусть родичи
плачут и ищут!
Когда я еще на свободе была, взяла с меня матушка
клятву.
Исполнить ее обещанье дала я матушке. Пусть уж не
взыщет!
Просила меня дорогая моя, бесценная матушка, плача:
«Как замуж пойдешь, моя милая дочь, не вздумай
нарушить обычай!
Приди, повидайся с отцом и со мной! Тебя снарядим
мы в дорогу!»
Я клятву дала. Эх, судьба-кабала! Я стала рабынею –
нищей!
Мы – трупы живые! За что же карать нас Небо высокое
хочет?
Баян-богатырь в свои думы ушел. Уже ни о чем не
хлопочет.
Меня, невезучую, взяв, как овцу, Баян полюбил.
Это видно!
Но в жены меня не решается взять. Он этим себя
опорочит.
Когда на равнине резвится киик, а в горы подняться
не может,
Он станет добычею грозному льву и пасть ему кровью
омочит.
Неужто свершим несмыываемый грех, покинув Арку
и неволю?

Душою и телом сольемся навек, чтоб днем не
разлиться и ночью?
Ведь крови одной и калмык, и казах. И нам
породниться не диво!
Отчизна моя также станет твоей, и горе наш дом не
источит!»
Такими словами прекрасная дочь калмыков скрепила
заклятье
В душе истомленной, в мозгу и в очах Нояна,
уставшего ждать ее.
Глаза ее, полные жемчуга слез, молили батыра,
манили:
«Немного, немного еще потерпи!» – казалось,
шептала вся стать ее.
Но пылкий Ноян ожидать не хотел. Он рвался к мечте
вожделенной:
Любимую на руки взять и поднять и стиснуть в горячих
объятиях!
Он думать не стал и секунды одной! Не мешкая и
не вникая,
Воскликнул: «Согласен!» «Мы едем сейчас!»
И стал обнимать, целовать ее.
В овраге они заключили союз. Союз молодых и
беспечных.
А было у них поцелуев и ласк – и за год нам не
сосчитать их!
Как сладко им было! Ночь мигом прошла.
Приблизилось время рассвета.
Ноян осторожный не стал рисковать, чтоб люди
узнали про это.
Бежит к косяку он и двух лошадей горячих и резвых,
седлает.
Теперь он уверен: в дороге его случайности не
ожидают.
Забрал он с собою немного еды. Оружие взял боевое.
Садятся влюбленные быстро в седло и вихрем вперед
улетают.

Они ускакали. Проснулся аул. Рассвет обнаружил
пропажу.
И те, кто узнал о побеге двоих, Баяну донос посылают.
Баян, одиноко сидевший в шатре, все думал
печальную думу.
Но люди в нем видели барса, что ждет добычу,
напрягшись угрюмо.
Аульный старик, что известье принес, горя
нетерпением излиться,
Пошел тараторить: «Любезный Баян! Вот ужас! Ты
только подумай!
Такое случилось в прошедшую ночь! Такое случилось!
Такое!»
И чешет старик, и несет его черт с его языком
полоумным.
Однако старик был себе на уме. Нояна наветом
не тронул.
А все обвиненья «в ту степь» повернул: «Проклятая
девка-колдунья!»
Баян посерел, еле гнев удержал и молвил принесшему
сплетню:
«Довольно... Идите к себе, аксакал... Мне нужно все
это обдумать».
В шатре одиноко лежит наш Баян, известием горьким
изранен.
Как барс, побывавший в жестоком бою, устал он,
и взгляд его странен.
Свинец раскаленный залил ему мозг. Смешались все
мысли. Нет мысли!
В душе его сумрак. В ушах его звон. Глаза, как в
кровавом тумане.
Поблекло и серым вдруг стало лицо. Отхлынула кровь
и толчками
Пошла прямо в сердце; безумье и гнев кипят, как
буран в тостагане¹.

¹Тостаган – чаша.

И первые признаки ярости той, которая смерча
страшнее,
Пришли, увлекая, как горный обвал, последние крохи
сознания.
Сознания нет. И ума уже нет. Рассудок и разум исчезли.
Как огненный змей, вылетает Баян! Таким еще не был
он ранее...
Такого Баяна не видел никто в сражении самом
жестоком.
Несется Баян и туманную даль сверлит пожирающим
оком.
Забыл он доспехи и шлем боевой, забыл боевую
секиру.
Один только лук на боку под рукой и стрелы в колчане
под боком.
И вот, переправившись за Убаган, он топотом степь
наполняет.
Он мчится, как лев, разъяренный вослед его
обманувшим жестоко.
Как буря степная, как ветер пустынь, не знающий
страха и неги,
Он в полдень достиг – небывалый пробег! – крутых
берегов Жолдозека.
В степи Жолдозека пустынно. Здесь тишь звенит под
полуденным небом.
И только две смутные тени чуть-чуть чернеют далеко-
далеко.
Когда-то здесь кочевал Атыгай. Он горя изведал
немало.
Кругом лишь бесплодный глухой солончак. Житья
Атыгаю не стало.
Был тот Жолдозек глухомань – хуже нет: ни тропки,
ни света в оконце.
И враг не щадил, набегал и тащил, что под руку не
попадало!
Изведав же лиха такого сполна, был битым и клятым
по горло,

Слезами заполнил старик Атыгай ту речку, что след
 потеряла.
 Недаром алашский мудрец и акын Печальный Асан
 знаменитый
 Назвал эту речку «Кровавый узек». Причин для
 названья хватало.
 Отроду не видела эта земля ни счастья, ни блага,
 ни доли.
 И здесь-то случилась такая беда, какую Арка и не знала.
 Вот видит Баян: далеко-далеко две точки в тумане
 чернеют.
 Как туча грозой наполняет простор, он мчитя, собой
 не владея.
 В глазах его – ярость, а в сердце – огонь. Он весь –
 необдуманый натиск.
 Как сокол на мирную птицу в степи, он падает камнем,
 зверея.
 Что девушка, ставшая сорной травой? Он даже
 братишку родного
 Готов на куски разорвать и в степи несчастные кости
 развезть.
 Снимает он с пояса лук свой тугой, качаясь в
 стремительной скачке,
 И твердой рукой поднимает его, сомнений в душе
 не имея.
 Увидев, как гневен рассерженный лев, как грозен он
 в ярости лютой,
 Опешил невинный и юный Ноян, беды своей
 не разумея.
 Навстречу батыру Баяну скакать приходит решенье
 Нояну,
 И двинулся прямо бесстрашный Ноян навстречу
 батыру Баяну.
 Приблизившись, видит, как дик и свиреп
 воинственный брат его старший.
 Ноян ужаснулся. Он сжался в комок – цыпленок среди
 урагана!

Стоят в глухомани Баян и Ноян – два брата. Родней
не бывает!
Как месяц и солнце, прекрасны они. И каждый
достоин дастана!
Но нет! Не такое сравненье теперь подходит к
стоящим обоим:
Один, как веселый, сияющий день. Другой – из
ночного тумана.
И все же веселый беспечный Ноян рад видеть
сурового брата.
Он смотрит доверчиво брату в лицо с улыбкой
невинно-румяной.
Смеется доверчивый мальчик Ноян, предчувствиям
верить не хочет.
О, как он прекрасен! Невинный душой, любви и
доверья цветочек!
Ну, как не простить ему жалости миг? Ну, как
оставаться угрюмым,
Когда он стоит и не ведает зла! Он – жизни и солнца
кусочек.
Но встретились буря и нежный цветок: та встреча
была роковая.
Жестокое сердце наполнено злом. Во гневе Баян
пребывает.
И дух смертоносный в железной руке. И ярость
вулканом клокочет!
А жало стрелы не минует тебя, когда с тетивы
загрохочет.
«О, брат мой родной!» – восклицает Ноян. Он
радостно к брату стремится.
А тут подоспела девица-душа. «Ах, братец!» – обнять
его хочет.
Но только слова с юных уст сорвались, Баян тетиву
отпускает.
Баян беспощадный без промаха бьет. Об этом в Алаше
все знают!

Стрела поразила без промаха цель и сердце Нояна
пробила.
И с лошади падает юный Ноян. Он жизни уже не
познает!
Да, дьявол его оглушил, ослепил. Не слышит Баян
окаянный,
Как ласково звал его добрый Ноян. Но это его
не терзает!
Он вновь натянул смертоносный свой лук. И снова
стрела просвистела.
И жало проклятое в юную грудь впивается! Гнусное
дело!
На тело, что прежде Нояном звалось, другое снопом
поникает.
Да, подвиги эти, могучий Баян, цены тебе
не прибавляют!
Два юных создания свалились с коней, пронзенные
черной стрелою.
Лежат они рядышком. Тихо лежат. Лежат
неразлучные двое.
Не ждали бедняжки такого конца! Они ведь увидели
брата...
Он вымолвил «Ах!» А она: «О, душа!» И встретились
с вечным покоем...
Стервятник-орел, как всегда, начеку. На трупы воссел
деловито.
Пьет свежую кровь. Наслаждается тварь! Уж так он
природой устроен.
Стоит, наблюдая, безумец Баян. В сознание еще
не вернулся.
Как черная ночь, у батыра душа. Как скалы зимой, он
спокоен!
Но вот настает просветления миг. Батыр удалой
покачнулся
И падает наземь с коня, словно рок сразил его мощной
рукою...

Как долго лежал без сознания герой, он вспомнить
не в силах, понятно.
В глазах у него то кровавый туман, то страшные серые
пятна.
Собравшись с забрезжившим в мозге умом, стоит он
и холодно смотрит
На мертвые, хладные трупы детей, что были живыми
когда-то!
Уже вечереет, и сумрак в степи сгущается, ветер
сильнее.
И солнце зашло, и горит горизонт, кручинясь о
страшной утрате.
И ночь обнимает крылами ковыль, поет заунывную
песню
О том, как безумный вояка сгубил девчонку и милого
брата.
И вдруг, пробудившись от чар колдовских, Баян
встрепенулся и ожил.
И, горько рыдая, тела он обнял, что были живыми
когда-то...
От горя в груди разрывалась душа, душа, одолевшая
морок.
Тяжелые стоны заполнили степь, взрываясь во мраке,
как порох.
И слушали тихо, как бьется батыр, безжалостно
скрученный мукой,
Два тела, два трупа, которым Баян когда-то был
близок и дорог.
Склонился Баян над телами и стал в уста целовать
ненаглядных.
Ведь он был родным, что родней всех родных. Он –
лютый недавний их враг!
Он понял теперь, что остался один,
один-одинешенек в мире,
Где только и радости будет ему рубиться в кровавых
раздорах.

Зачем уподобился гневный батыр капризным
балованным женам
И прихоти сердца смирить не сумел, а стал размазней-
горемыкой?
Зачем не сидел одиноко в углу, пусть все бы к чертям
провалились!
Нет! Выскочил дурень, как огненный змей. Как зверь
ненасытный и дикий!
Зачем я, безумец, лишился мозгов, услышав
сплетников слово,
Любимого брата я гнал, как врага, преследовал
с бешеной злобой?
Мой бедный Ноян! Мой единственный брат!
Козленочек мой безответный!
Зачем ты стоял на дороге моей, обняться со мною
готовый?
О, сердце мое! Ты не сердце – скала! Холодный
безжалостный камень.
Одна была мать и один был отец. От них появились
мы оба.
Проклятые пальцы на подлой руке! Не знал я, что
время настанет
И кровью родимого брата смочу я вас, потеряв
рассудок!
Зачем я не выпил змеиную желчь? Лежал бы,
отравленный ядом.
Не видел бы зла, совершенного мной, и муки не
видывал я бы!
А ты, несравненная по красоте? Зачем ты за мной
увязалась?
Пленила мне сердце, любовью сожгла и честно во
всем не призналась?!
Зачем так жестоко играла со мной? Ресницами сердце
пронзила.
Ты в темную ночь превращала мой день, когда
мимолетно касалась,

Сияла, как звездочка в ясную ночь, казалась
приветливой, милой.
Зачем называла ты «Братец!» меня и так шаловливо
смеялась?
Зачем ты играла с душою моею? Вертелась, дразнила,
смущала?
Доверчивой рыбкой батыра душа на хитрый крючок
твой попалась!
Тебя я берег. Прикоснуться не смел. Не ведал твоих
поцелуев.
Теперь ты умолкла навеки. Зачем? Зачем ты живой
не осталась?!

Сгори, мое сердце! Пролейся, слеза! Сожги мою грудь,
о, кручина!
Стоит предо мною и сводит с ума живой мой братишка
невинный.
Как будто бы не был натянутый лук причиной
негаданной смерти.
Стоит, улыбается! Жив и здоров! Веселый такой
молодчина!
Твой брат окаянный тебя погубил, о свет моих глаз
ненаглядный!
Теперь я, склонившись над трупом твоим, терзаю
себя, дурачина!
Эх, лук мой злосчастный! Орудие зла! Зачем ты в тот
миг не сломался?
Зачем, горделивые предки, убил я вашего внука и сына
И сила моя не иссякла в тот миг? Но я – этот подлый
убийца!
А может быть, в этом повинен Алаш? Его добродетель
повинна?
Арка, моя родина! Нет на земле такой дорогой и
любимой!
Народ мой, Алаш! Не найду я нигде другого,
о неповторимый!
Ведь не было больше на нашей земле батыров,
известных издревле:

Один – Ер-Кокше, а другой – Ер-Косай. Вы в памяти
нашей хранимы!
Потомками этих отважных орлов – мужами Сары и
Баяном
Гордится широкая Сары Арка. В боях они
непобедимы!
Братишка Баяна храбрейший Ноян, хоть был
малолетка годами,
Держал уже стремя Баяну и шел за братом
непоколебимо.
За что он погиб? За рабыню убит, не зная ни схваток,
ни сечи...
Алашу печальней, чем эта печаль, представить
невообразимо...
О, Небо! Ты видишь, не это вело преступную руку
Баяна!
Я лук натянул и стрелою пронзил несчастное сердце
Нояна!
Охвачен был диким порывом души, которая выше
сознания.
Любовь погубила тебя и меня! О, брат мой, Ноян
благонравный!
Нет в мире несчастней батыра, чем я, убивший
любимого брата!
Не сердце, как прежде, страдает в груди, а кровью
залитая рана.
Стоит предо мною братишка живой. Смеется и
тянется нежно.
И мне не забыть. Не уйти от себя, о, брат, небесами
мне данный!
Эх, люди! Ну как мне смотреть вам в глаза? Покрыт я
позором навеки.
Прощай, мой Алаш! Ухожу я туда, где ждет меня враг в
поле бранном!»
Так плакал и горе свое изливал в словах бесполезных
Баян.

И сердце его от потери двух душ горит, как от резаных
ран.
Кровавые слезы струятся из глаз. Ослеп он от тяжкого
горя.
От черной-пречерной тоски не спастись. Попался он
в страшный капкан.
А вместе с батыром горюет земля. Земля с ее
каменной грудью!
И стонет она, и в ознобе дрожит. Трясется далекий
курган,
И вторит ей ветер, былой говорун. Забыл он забавы
и шалость.
Печальные песни одну за другой несет по степи
ураган!
Но вот поднимается алый рассвет над гребнями гор
удрученных.
Как после удара дубиной восстав, поднялся могучий
Баян.
И свежего утра серебряный свет на землю печальную
льется.
Рассеялась тьма, очертаниям дня себя утвердить
удаётся.
Последние тени уходят, и ночь исчезла, сраженная
утром.
Недолго соседствуют зло и добро: кому-то исчезнуть
придется!
Нелегкое дело досталось ему. С трудом за него он
берется.
С тяжелой душой сокрушенный Баян копает
печальную яму.
В пустыне глухой, в неприютной дали от Родины,
близких и милых
Останутся двое в могилах лежать. И Родина их не
дождется.
Он бережно рядышком их уложил. Землю сырую
присыпал.

И снова поток неприкаянных слез на землю, на землю
все льется.
Печальная могила на желтом холме. Спит крепко чета
молодая.
Никто и ничто не разлучит теперь: ни звери, ни
воронов стая.
Доспехи Нояна, оружие его уложены тоже в могилу.
Увы! Не придется им больше греметь, расплатой
врагам угрожая.
И долго сидел у могилы Баян, в тоскливую думу
ушедший.
И слезы струятся. И нет им конца. Раскаянью тоже
нет края.
Но вот он поднялся. Он сел на коня и, вверив себя
Аллаху,
Простился навеки с могилой, где спят они, не скорбя,
не страдая.
Несется широкою степью Баян. Он снова, как тигр,
и дорога
Пылится за ним и лежит перед ним, как скатерть, до
ставки Аблая.
Немало врагов перевидал Баян, хоть лет ему было
немного!
Он храбро стремился вперед и вперед. Его не пугала
дорога.
Средь битвы, как тигр одинокий, стоял, играя с
врагом посрамленным.
Врывался в их скопище, страшен, как медведь,
оставивший ночью берлогу.
Стрела пробивала кольчуги броню и в сердце врага
поражала.
Копьем он помахивал, брал на прицел, творилась
расправа недолго!
Да что говорить! Богатырь был Баян! И сердцем
герой был отважный.
Превыше всего для него была честь, а совесть
привязана к долгу!

Приходят на ум кровопиец-Болат и разные в прошлом
невзгоды.
Тоскуя по делу, седые орлы уставились вдаль, не мигая,
И вот они видят, не веря глазам: чернеется, движется
что-то!
Летит, приближается, скачет, растет фигура батыра-
героя.
И вырвался радостный возглас «Баян!», как гром, из
бесчисленных глоток.
Направившись прямо к орущей толпе, Баян
горделиво спокоен.
Он отдал салам одновременно всем. Он сдержанно
вежлив и строен.
Аблая, сидящего в центре, как бог, увидел Баян и
не медля
Направился к трону. Никто из других внимания
не удостоен.
Не видит, не слышит Баян никого, что трон окружили
толпою.
Идет он к Аблаю, идет напрямик уверенно твердой
стопою.
В глубоком поклоне склонился батыр. Но не было
в том униженья.
Привет властелину он отдал и честь, вновь
распрямяется воин.
И молвил батыр: «Повелитель! Я здесь! Все знают
меня как Баяна.
Слова мои кратки, запомнил Алаш: Баян не философ,
а воин.
Владыка! Народа отец и мудрец! Настала пора для
Алаша,
Когда у народа от горя и слез терпения лопнула чаша!
Но я опоздал! Отложили поход. Меня заждались
полководцы.
Теперь я пришел. Я горю, как в огне. И пламень в душе
моей страшен.

Не смог я, Судьба не хотела того, явиться, как велено,
к сроку.
Неужто я первым не выйду на зов? И враг никакой
мне не страшен.
Но я не хочу обсуждать своих дел в кругу мудрецов
на совете.
Не спрашивай, о Повелитель, меня. Молчун я, и этим
украшен!
Прошу об одном: поднимайте в поход батыров,
заждавшихся рати.
Орлы боевые почуяли кровь. А слово последнее –
ваше!»
Аблай, ожидавший сильнее других, когда же батыр
доберется,
Схватил его за руку, к трону ведет, усаживается,
смеется.
Из рога в оправе серебряной хан напиток батыру
вручает.
Он радостно весел! Дождался отец, когда же любимец
вернется!
Но думы упорной не мог одолеть широкой степи
повелитель,
И вновь погрузился он в море забот. Сидит себе,
не шелохнется.
Но вот шевельнулся властитель, воспрял, поднялся
и оком суровым
Окинул он всех, кто собрался вокруг, не зная, как все
обернется.
Окинул он взором далекую даль, и голос его зазвенел,
словно сталь.
«С рассветом выходим!» – сказал, как отсек. И споров
о том не ведется.
Уж так повелось у Аблая, что хан приказов
не повторяет.
Вожди отвечали: «Понятно, отец!» И каждый себя
проверяет,

Готов ли к походу наездник и конь, оружие, сбруя,
припасы.
Потом успокоился лагерь, и сон батырами овладевает.
Ах, как хороша эта летняя ночь! А воздуха шелковый
шелест!
Пуховое облако пышным кольцом вершины Кокше
одевает.
Разнежился томный Кокше под луной, серебряным
блеском облитый.
«Плесни, дорогая еще! Ну, еще!» – к луне он игриво
взывает.
По озеру ходит шалунья-волна, другую волну
поднимает.
Смеются, шушукаются меж собой, целуются и
утихают.
Окончилась ночь, и у края земли явилась заря золотая.
И ветер предутренний бодрым конем помчался,
резвясь и играя.
Заря разгорается. Утро встает. Светло на земле и на
небе.
«По коням!» – раздался Аблая приказ, войскам, что
стоят, ожидая.
Мгновенно на быстрых надежных коней вскочили
герои-батыры.
Красуется степь, как блестящий парад. Оружье на
солнце сверкает.
Как туча осенняя, двинулась в путь огромная грозная
сила.
Черна она с флангов и в центре – черна так, что глаз
вытекает!
И дрогнуло все! И пошло колыхать степную равнину,
как море!
Земля закачалась от конских копыт, и звоном гранит
истекает!
Как туча осенняя, войско идет. Судьба у врага
незавидна!

На мрачную гору похожа та рать, главы ее глазу
не видно.
То вдруг понесется шальной волной, по вольной
стеги растекаясь,
То снова приходит в порядок лихих железных
батыров лавина.
То пыль от копыт возлетела до туч? Иль тучи
спустились к копытам?
Не зря называют ее «шанды жол», что значит «дорога
из пыли».
Холмы за холмами уже позади, прошли перевалы
батыры.
А войско ведет богатырь Бугибай: оно не увидит
пустыни.
Без отдыха маршем бессонным пройдя вперед не одни
уже сутки,
К широкому озеру вышли они и двинулись берегом
синим.
Был тот водоем – знаменитый Балхаш,
Балхаш серебристо-прозрачный.
Была в жемчугах вся поверхность его, как шея и грудь
новобрачной.
Два чистых ключа: Каратал, Аягоз – питают Балхаш
многоводный.
Еще баловница-шалунья Или! А путь ее долгий
и мрачный.
Или начинается с двух близнецов: Кенес и Текес
имена их.
Течет с поднебесья игривый Текес по скалам и
пастбищам, пашням.
Сидели в долине прекрасной Или калмыки огромною
массой.
Они поджидали Аблая, чтоб с ним покончить ударом
удачным.
Все ждали и ждали, враждою горя, где ж толпы
казахов злосчастных?

Но вот, увидав богатырскую рать, смутились и
сделались мрачны.
Отборное войско казахов, где все – видавшие виды
батыры,
Смутило калмыков. Пустились латать они в своей
тактике дыры.
Решили казахов простых провести нехитрым
обманом вожди их:
Калмыки-контайчи, пройдохи-князьки Усен и Сэрэна
настырный.
Не думая долго, послали они своих семерых
хитрованов
К Аблаю с известием: «О, Господин! Прости нас,
калмыков немирных!
Промашка у нас получилась! Пускай простит нам Аблай
нашу глупость.
Вернем ему все, что похитили, все: и юрты, и скот
его жирный.
А кроме того, в знак раскаянья вам на каждого воина
жертва:
Невольница с черным верблюдом черней, чем черная
сажа в кумирне!»
И семеро хитрых к Аблаю пришли, и все доложили
как надо.
Аблай свой ответ отложил до утра и молвил с
сидящими рядом.
Сказал им бывалый политик Аблай, все взвесив от
корки до корки,
Старшинам – старейшинам, биям своим
подробнейшим складом и ладом.
Сказал проникательный, мудрый Аблай,
предвидевший беды заранее:
«Хитер брат-калмык! Но мы тоже хитры. Не будем
доверчивы к гадам!
Мы завтра возьмем у него, что дает. Остаток возьмем
послезавтра.

Я знаю калмыков. В рот палец ему не суй и не хвались
нарядом!
Герои мои! Такова моя мысль, Кому эта мысль не по
нраву,
Пускай говорит по-другому! Пускай два мнения
выступят рядом!»
Обычаем стало: что скажет Аблай по поводу всякого
дела –
Никто не перечит: ни бий, ни батыр, хотя б возразить
и хотелось.
Стояло все войско. Никто ни гу-гу. Хранили молчание
свято.
Хозяин сказал – так оно и пойдет. Покорности нету
предела.
Но вдруг поднимается воин Баян и молвит, нарушив
молчанье:
«Прости, повелитель, но против стрелка стоять
безоружным – не дело:
Ты можешь хвалить или можешь хулить слова, что
скажу тебе прямо.
Но мысли твои неуместны сейчас. Не вовремя это
приспело.
Нам правды без споров никак не найти. Что толку
поддакивать вечно?!
Такое пристало не бию, рабу! И воинам стыдно,
конечно!
Скажи, не обманывал разве калмык китайцев
равнинных и горных?
Зачем же с такими лгунами сейчас ты так поступаешь
беспечно?
Зачем уходить в сопредельный Китай калмыкам, коль
нет уговора?
Калмык у китайца сегодня в чести. А ты им – как враг
вековечный.
Неужто не знает мудрейший Аблай? Неужто он столь
простодушен?

Любой из калмыков: и старец седой, и малый ребенок
в пеленках –
Абляю себя не дадут провести. Аблая ж обманут,
конечно!»
Баян замолчал. Тут Аблай повторил, что раньше
сказал, слово в слово.
И голос, как прежде, уверен и строг. Но только
насуплены брови.
И хан, и Баян повторили опять, что сказано было
двоими,
И смотрят друг другу открыто в лицо. Уверенно,
твердо, сурово.
В глазах появляются искры огня, предвестие гнева
большого.
Но гнев подавляют два грозных льва. Гнев нужен для
места иного.
Но масса батыров увидела гнев Владыки. Она заюлила.
«Конечно, конечно, согласны», – кричат. Шумят,
гомонят бестолково.
Окончился спор. Стала армия ждать прихода
грядущего утра.
Появится завтра калмыцкий посол, и сделка двух
ханов готова!
О, как возносил тихий Алты Алаш великого хана
Аблая!
Он с духами предков Аблая сравнил. Кому была
почесть такая?
И малое пятнышко, тень или рябь, упавшие хану
на имя,
Считались позором народу всему, малейший намек
отметая!
«Того, кто Аблая посмеет задеть, Судьба покарает
жестоко!» –
Так пели жырау и жаурыншы, несчастных
предостерегая.
Услышав Баяна-батыра слова, идущие против
владыки,

Вздыхали бывалые: «Эх, дорогой!» – неумным Баяна
считая.
В глаза же ему говорили: «Уймись! Не лезь на рожон,
торопыга!
Тебе, молодому, ох, как далеко умом дорасти до
Аблая!»
Совет разошелся, решение приняв, Аблая
ублаготворивши.
Войска ожидают грядущего дня, терпением
вооружившись.
Мягка шелковистая летняя ночь, Прохлада, покой для
усталых.
Но вот на востоке алеет заря. И солнце взошло,
озаривши
Окрестную землю, и берег реки, и горы вдали, что
в тумане,
Всему посылая сердечный привет, взбираясь все
выше и выше.
И лагерь военный проснулся, пришел в обычные шум
и движенье:
Котлы задымили, запели рожки, на ловлю охотники
вышли.
Ждет войско посла. Только где он, посол? Смутились
душою батыры.
Задумался мудрый суровый Аблай, глаза огневые
закрывши.
Войска ожидают. А время идет. Уже вечереет. Всем
ясно,
Что ждать бесполезно. А сиднем сидеть – лишь время
пустишь напрасно.
Эх! Были ж калмыки на нашей земле. В руках у Аблая
сидели!
Неужто сбежали в Китай хитрецы? Поймались казахи
на басню!
Заря догорела, и сумрак сошел на землю, и тени
сгустились.

И войско устало, молчит, не ворчит. И шум, и
движенье угасли.
И вот опустилась еще одна ночь. Аблаю молчать
невозможно.
И он созывает на новый совет батыров, уставших
напрасно.
Аблай вопрошает у мудрых людей: «Что делают эти
калмыки?»
Найти объяснение, верный ответ не может великий
владыка.
Орлы меж собой пошептались, сошлись на чем-то
одном и Аблаю
Ответить берется Канай Караул, старейшина
остроязыкий,
Он громко, уверенно заговорил. И голос, как клекот
орлиный:
«Тут рядом граница. За нею земля Китая, державы
великой.
Коль мы продолжаем калмыков теснить, пойдем
на китайскую землю,
Дракон не преминет казахов сожрать, нас всех от мала
до велика!»
Повергнутый в ярость, Аблай почернел, но, еле
сдержавший волненье,
Сказал: «Возвращаемся!» – и замолчал. И все
расползлись, как улитки.
Поднимется утром и двинется вспять Аблая могучее
войско.
Аблай сокрушенно сидит, запершись в настрое
совсем не геройском.
Над лагерем спящим висит тишина. Их, благо, никто
не тревожит.
Не спится, наверное, лишь одному Баяну: он злее стал
вдвое.
«Какой небывалый, неслыханный стыд! Какое
бесчестье Алашу!

Шумели, галдели! И вот тебе на! Домой, как собаки
с поноской!»
Недолго раздумывал гневный Баян. Пошел он к
надежным джигитам
И сотню храбрейших испытанных львов собрал среди
спящего войска.
Вот бросилась сотня бойцов удалых туда, где
скрывались калмыки,
Туда, где владыка драконов – Китай, где светит
рассвета полоска.
Могучее войско осталось лежать, объятые сном и
покоем.
А сотня джигитов несется вперед в объятия жаркого
боя.
Несутся по берегу доброй Или, ведомые быстрым
Баяном,
И топот подкованных грозных копыт разносится
гулкою дробью.
А кони жуют свою злую узду, предчувствуя дело такое,
Что в битву зовет неумным огнем, терзающим
сердце героя.
К полудню приблизились наши бойцы к желанной,
намеченной цели.
Калмыцкие стяги стоят на Или, вкушают житье
золотое!
Устроила сотня недолгий привал и снова коней
снарядила,
И с кличем громово-победным «Аблай!» на племя
обрушилось злое!
Набросилась сотня могучих орлов на тысячеглавое
войско.
Они бушевали, как горный поток, несущийся с
грозных утесов.
Калмыки, напора такого не ждав, бежали в
паническом страхе:
На них, очевидно, затменье нашло – кто в юрту полез,
кто в повозку!

Потом отрезвели от страха мужи. Схватились за
сабли, за копья;
Отряды в порядок они привели. И выросло грозное
войско!
Чернеют их массы, что орды жуков. И все до зубов
при оружии.
На каждого нашего чудо-бойца калмыков приходится
по сто.
Такого сраженья не видела Степь! Или закипела от
крови!
Ломаются копья, и кони храпят. У мертвых – сломаны
кости!
Да, горстка казахов, отважных, как львы, себя
показала на славу!
Устроили пир для незваных гостей, такого еще не
бывало.
Из дыма и пыли крутились столбы, закрывшие солнце
и небо.
Тут ворон наелся-напился, а сталь от пролитой крови
устала.
Рекой разлилась тех противников кровь, смешалась
в кипучую брагу!
Бежала в овраги. Стекала в пруды. Все ямы собой
заполняла.
А синий шатер превратился в тряпье. Бессильно
повис лоскутами.
Герои-казахи добрались туда, где ставка. Она запылала.
На холме трясутся Усен и Сэрэн от гнусного жуткого
страха!
Кровавую жертву вода принесла небесному Будде!
Немало!
А полдень в разгаре. Не ветер – зной лицо обжигает
крапивой.
От зноя палящего замерло все – земля отвердела и
небо.
Ни облачка в выси. А дышит она не синей прохладой,
а псиной.

Нагнулся Баян над упавшим бойцом, над другом своим
одиноким.
Забыл он, что битва бушует кругом и враг над душой
его воет.
Какой-то ничтожный и пришлый калмык-калмычок,
увидев спину батыра,
С огромным усилием поднял над ним и бросил копьё
роковое.
Потом он увидел, что это Баян, могучий и грозный,
как туча.
От страха бедняга калмык задрожал, совсем онемел,
злополучный!
Баян Жанатая в седло посадил, держа молодца пред
сбою,
И крикнул с насмешкой: «Эй, враг мой калмык!
Геройство твое вот такое?!»
Копьё, как булавку, из тела достал, отбросил, как
щепку, подальше
И грозно воскликнул: «На помощь ко мне, о светлые
духи Алаша!»
И острую саблю, как молнию в ночь, метнув
смертоносным арканом,
Калмыку несчастному голову снес. Тот пал,
обезглавлен и страшен.
Из раны фонтаном горячая кровь хлестала, взметаясь
до неба.
Батыр, зажимая ладонью струю, в раздумье стоял,
озадачен.
Какие же мысли вселились в тебя, Баян, богатырь
несравненный?
Неужто совсем отлетел от тебя дух предков, даритель
удачи:
Стоит богатырь. Цепенеет душа. И падает мощное
тело.
И падает с ним молодой Жанатай, в объятья надежные
схвачен...
И небо, и дол завертелись волчком, и все
закружилось, смешалось.

Глаза застилает кровавый туман. И что-то ему
примечталось.
Как будто он видит предутренний сон спокойного
щедрого лета.
То сон, а быть может, и вовсе не сон: в глазах то и дело
мерцало.
Вот гневный суровый владыка Аблай, насупившись,
грозно взирает,
А войско могучее с криком «Аблай!» куда-то
стремительно мчалось.
Опять он открыл молодые глаза и видит: стоят они
двое –
Он юный боец, а она – на волне волос своих плавно
качалась.
И, крепко обнявшись, стояли они, стояли так близко,
так рядом,
Что только рукою до них дотянись – поверишь, они
улыбались!
Ноян перед ним рядом с Акшамандай стоит, как ни
в чем не бывало.
Они, словно звездочки, смотрят в лицо, его не пугаясь
нимало!
Смеются лукаво, пленяя сердца устами, как пламя
коралла!
О, нет! ...Не смеются. На бледном лице у девушки нет
ни кровинки.
И слышится, будто она говорит: «Ах, братец!» – и
вновь умирает.
Нет... Видит он снова себя самого. Несется он к
Жолдызуеку.
Он видит: вдали далеко-далеко две черные точки
стояли...
И он устремился, как огненный змей. Вот лук... Вот
кровавое дело!
И что-то шептал он в загадочном сне, лишь губы
невнятно дрожали.
«Пусть слезы из глаз вытекают, как кровь! Вина моя
неискупима!

И руку батыр протянул, чтоб обнять две тени,
 которые видел...
 Тут очи покрыл ему вечный туман. Окончились сроки
 земные.
 Лежит он, а возле него, копошась, толпятся враги его
 злые.
 Ругают, честят, на чем держится свет! Позорят
 недвижимое тело.
 Какой-то вояка-калмык сапогом пнул пальцы его
 неживые.
 Упала рука. И последняя жизнь увяла на лице батыра.
 Теперь ему все одинаковы. Все! И мертвые все, и
 живые!
 Ликуют калмыки. Какой у них день! Один от избытка
 геройства
 Несчастливого трупа отрезав главу, поднял на копье.
 Ай, лихие!
 Не помнят себя от победы такой, Усен и Сэрэн –
 контайчины.
 В награду войскам, что с Баяном сошлись, насыпали
 горы золотые.
 Усен и Сэрэн далеки от бед. Тревожиться повода нет
 им.
 Устроили праздник. Трубят и гремят, и тем
 похваляясь, и этим!
 Однако, боясь, что Аблай недалек и мало ли что может
 стать,
 Калмыки отважные быстро снялись в Китай, как к
 отцу его дети.
 А гордость Алаша – Баян богатырь лежит на холме
 одиноко.
 Оплакал его на родимой земле один только ветреный
 ветер!
 Оплакал его за родных, за Алаш! Засыпал землей,
 упокоил.
 Что нужно батыру в последнем пути? Воздал ему
 должное ветер.

А волны прекрасной печальной Или хранят о нем
долгую память.
И часто ночами поют эту песнь. Историю страшную
эту...
Пускай позабудет героев ель¹ – их сель никогда не
забудет.
Пускай позабудет героев ель – их жель никогда не
забудет.
Отчизну в обиду не давших врагу, в сражениях
доблестно павших
Пускай позабудет героев сель – их ель никогда не
забудет.
Как ока зеницу хранили они земли материнской
границы.
Пускай позабудет героев жель – их ель никогда не
забудет.
Отважных героев горячую кровь, по капле впашую
в лоно, –
Пускай позабудет героев жер – их ель никогда не
забудет!
А если Земля, и Вода, и Хребты, Пустыня и Ветер
свободный
Героев своих сохраняют имена – тогда их народ не
забудет...

¹Игра слов: ель – родина, сель – грязекаменный поток, жель – ветер, жер – земля.

ГРЕХОПАДЕНИЕ ШОЛПАН

В бездетной жизни счастья нет...

I

В первый год своего замужества за Сарсенбаем Шолпан, бывало, не раз приходилось увещевать так сверстниц-молодух, когда случались меж ними уединенные беседы. Но то было лишь на словах. В отличие от бесчисленных своих сверстниц, разделившая судьбу с возлюбленным, а не с участью менового скота, Шолпан на самом деле не очень спешила обзаводиться детьми. И когда бы то ни было – пребывая ли в одиноком раздумье посреди свежесобранной супружеской юрты, находясь ли в ласковых объятьях мужа, – про себя неустанно твердила: «Создатель, милостивый, избави меня от зачатия!»

«Как только появится дитя, так исчезнут прелести жизни...» – думала Шолпан. И прорастет между нею и мужем острый шип отчуждения. Страшилась Шолпан: стоит лишь неведомому, незваному третьему лишнему врезаться клином в соцветие двух сердец, как вмиг поугаснет, замерцает, а потом и вовсе сойдет на нет их пылкая и страстная любовь. Много темных ночей и светлых рассветов томилась этой думой Шолпан, моля Всевышнего лишь об одном: «Не дай, Боже, ребенка!» Снова алел восток, наступало солнце нового дня, и в час, когда всякий смертный обращал к светилу свой трепетный взор и, падая ниц, окуная лицо в пыль,

биясь лбом о камни, просил у неба благодной жизни, несусветных радостей, неизбывного достатка, а пуще всего – детородного счастья, Шолпан заклинала сквозь тревожные вздохи: «Только бы не младенца!». Нет-нет, по природе своей не питала она вражды к материнству и мечтала о бездетном существовании лишь с тем, чтобы ни за что на свете не порвалась нежнее шелка нить их супружеского единения и ни одна душа не посмела нарушить их любовный мир и покой. Кто знает, может, Всевышний проникся участием к шальным чаяниям юной особы, но вот уже три полных года в браке судьба обходит ее зачатием, чему сама Шолпан благодарна безмерно. И причину того, что огонь их любви, не разгораясь, но и не угасая, день за днем горит своим размеренным пламенем, находит не иначе, как в счастливом отсутствии этого нежеланного чада. Так же и муж ее все эти три года как будто бы не тосковал о потомстве и не жаждал от мира ничего, кроме Шолпан, ее жарких и нежных объятий. Словно только в Шолпан – начало и конец его жизни, только в ней – его «во здравие» и «за упокой». Но самое глубокое в природе не море, а человеческая душа. И неизвестно, что творилось в глубине души ее мужа, даже если мир устроен так, каким он представлялся Шолпан. Так или иначе, за эти три года ни в словах, ни в поступках не заметила Шолпан и малейшего намека, чтобы как-то изменить это укоренившееся свое мнение. Вернее, от многих людей слышала она, что жизнь без детей пуста и ничтожна, но ни разу – от своего дорогого и единственного. Увы, для влюбленных священны не аяты Корана, а речи любимого, и что женщине слова, если они не из уст милого человека?!

Друг за другом вдогонку шел за месяцем месяц, вереницею быстрый год сменился на другой, и Шолпан между тем все крепла в убеждении, что «не надо ребенка». Хотя... эволюция природы, и человеческого

общества, как, впрочем, и индивидуального сознания, устроена так, что изменения в ней назревают длительно и протяжно, а проявляются внезапно и вдруг. Два месяца, три месяца – осень, – говорим мы. Но мысль о том, что осень наступила, не волочится за человеком три месяца кряду. Просто, в одно хмурое утро мы узнаем, что этой ночью в наших краях вновь поселилась эта морщинистая плаксивая женщина.

Упование Шолпан «чтобы не было ребенка» тоже растаяло за одну-единственную ночь. Был длинный, подобно нити на веретене, не имеющий начала и конца, зимний вечер. В сумерках, завершив дела по хозяйству, Сарсенбай отправился в дом своего приятеля Нуржана поговорить о том, о сем. Пять лет прошло, как Нуржан обзавелся семьей. С тех пор у того народилось трое детей: два мальчика и девочка. Что-то засиделся у Нуржана муж Шолпан Сарсенбай. Задержали же Сарсенбая не длинные речи Нуржана, а трое его ребятишек. Обсуждать-то, по сути, было нечего: все тем лишь и были заняты, что с восторгом и умилением наблюдали за малышами и всем сборищем дивились их забавным выходкам. Сначала двое сынишек Нуржана, смешно лопоча, спели какую-то песню. Но вот, засучив рукава на пухлых ручонках, деловито поплеывая на ладошки, готовы весело и грозно сразиться в борцовском поединке... Не устояв перед азартом схватки, карапузы неуклюже падают, спотыкаясь о ноги друг друга... Покатываясь со смеху, домочадцы один за другим расцеловывают малышей. Отец Нуржана подзывает внучонка и, не оставляя сухого места, обчмокивает родную кровинку с головы до пят. А слаще всего были картавые словечки и трогательные повадки крошечной дочурки Нуржана.

Целиком поглощенный зрелищем, Сарсенбай не спешил уходить. Как и все в доме, он хохотал от души и без конца целовал ребятишек. Когда же, распрощавшись с хозяевами занятой вечеринки, возвра-

щался восвояси, весь аул уже отошел ко сну. Шолпан тоже была в постели, но еще не спала. Сарсенбай снял одежду, лег рядом с женой и сходу начал пересказывать свои впечатления от вечера в доме Нуржана. Говорил при этом бойко и весело, не вздыхая и не сокрушаясь, что «нет у нас, дескать, такого ребеночка».

Но когда Сарсенбай обмолвился походя: «Эх, не зря говорят: «дом с детьми – базар, дом без детей – мазар», – молнией сверкнула мысль в голове Шолпан: «Как же нелепо и безрассудно все это время я отгоняла мысль о ребеночке, как не брала я в толк, что бездетное наше супружество грозит обернуться в унылое кладбище?». Блуждая с факелом вопроса среди темного сонмища мыслей, Шолпан вдруг ясно как день осознала: в сумраке времени пламень любви растает свечой и погаснет, огню жарких объятий не быть в одном состоянии, ходу двух быстрых сердец не скакать стремя в стремя, если связующей нитью между ними не станет ребенок.

Рассыпаясь в задорном смехе, Сарсенбай еще долго пересказывал забавные выходки детишек. Заразительный хохот его сотрясал постель, и Шолпан тоже не могла не смеяться. Но это смеялась не растерзанная душа, а только лицо Шолпан.

Стоило лишь Сарсенбаю припомнить неугомонную эту поговорку, как полетное сердце Шолпан, ее соколиную душу стали обволакивать черные мысли, отравляющие своим ядовитым дыханием. Сатанинским прибоем бездонного моря иссиня-черные волны накатывались одна за другой... Ох, уж эта нелепая блажь, выпившая три года жизни!.. Откуда-то издалека мельтешит не скоро, но верно приходящая старость. Старость с потухшими уголками глаз, облаченная в пепельно-ветхую робу, безрадостная, как износившаяся осень. Старость, обрезающая крылья души и гасящая огонь сердца. Если не будет ребенка, то кто же из смертных согреет очаг угасающей жизни лучом

тепла и света?.. И если не всхожее семя, то кто обернется к цветку со сгнившим в бутоне зерном?..

О, нет же! Поймите! Недужная, жалкая старость еще полбеда. И мы до нее доживем ли? Кто знает?.. Неужто задолго до старости жизнь грозит опустеть? Неужто три жалкие года даны разыграться и сгнать магической плазме любви, дававшей надежду на жизнь во вселенском бессмертье? Беспечная Шолпан три года жила заботой о бездетном существовании. Теперь же это, не освященное ликом младенца, бывшее благополучие неотвязно замерещилось бессловесным, угрюмым надгробием. Такова была соленая горечь холодных мятежных волн, нещадно бурливших в глубокой душе Шолпан.

II

Сарсенбай уже давно погрузился в сон. А отравившаяся нечаянными раздумьями Шолпан все никак не смыкала глаз. Длинная, зимняя ночь тянулась бесконечно, развиваясь, как локоны сатаны. Так и мысли Шолпан утопали все глубже и глубже в крошечной тьме.

Вот и солнце забелело с востока золотым ликом восхода. Невольно вздрогнув при виде светила, Шолпан, как девочка, не в силах сдержать рыданий, продолжала молить Создателя об одном: «Боже праведный, дай же мне дитя!»

С этой ночи смыслом жизни, пределом желаний Шолпан стал ребенок. В полдень ли, в полночь ли, во сне ли, наяву ли: «О Создатель, ниспошли мне дитя!» – эту мечту лелеяли ее сердце и уста. Но вдогонку друг за другом шел месяц за месяцем, а несбыточность грез превращалась в рутину... Сердце измоталось в напряженном стуке, и мечта устала в бесполезной скуке...

Жизнь износилась в беспроглядной муке. Немало ночей утекло в слезах, падавших не из глаз, а из горячего сердца Шолпан. Как-то незаметно стала она

набожной: неутомимо совершала обряды омовения, непременно поддерживала безупречную чистоту, неукоснительно творила намаз. Изю дня в день просыпалась с первым лучом солнца, припадала на молитвенный коврик, перебирала четки и произносила «субханалла». Но ребенок никак не зачинался.

Шолпан никому не говорила о том, что причиной, наставившей ее на путь подобного аскетизма, является никто иной как ее собственный и желанный, но еще не соизволивший появиться на свет ребенок. Даже от любимого мужа Сарсенбая держала это в тайне. Недаром как Сарсенбаю, так и всем остальным перемены в характере Шолпан показались странными, чудными выходками. Вскоре и свои, и чужие стали шутить и посмеиваться над ней. «Ой, да ты и впрямь намерена стать духопоклонницей?» – начал подразнивать Сарсенбай. Все в округе – каждый на свой ранг – принялись склонять это прозвище: «невестка-духопоклонница», «свояченица-духопоклонница», «тетка-духопоклонница». И стар, и ровня, и млад, – всем полюбилилось такое веселье. Но Шолпан ни перед кем не раскрыла сердечную рану. Да что проку, если бы даже раскрыла? Ведь на сторонний взгляд никак непостижима тайна страстей человеческих.

Море глубоко, но еще глубже человеческая душа. Камни пучины морской выносит на берег ветер прибоя. Тайну кручины людской не вырвать и самому страшному горю. Могут и всплыть, но лишь тени печали, лишь блики загадки. А человек как был, так и остался той самой загадкой. Путаной головоломкой, замком без разгадки. Разве что смерть в состоянии сполна разгадать человека?.. Словно сорвавшись с разорванной нити раздумий, черными четками страха душили Шолпан роковым ожерельем. Эти сумрачные, незрячие наития и понуждали стремление Шолпан ни за что на свете не высказать своих страданий пред кем бы то ни было. Что поделывать, среди своих, среди чужих –

кругом уделом ее стало одиночество. В одиночку несла незримое душевное увечье, в одиночку корчилась в невидимом пожарище скорби, в одиночку тонула в горьких слезах отчаяния, отрешилась от мира, отстранилась от благ и утех, отдалась богоугодным молениям. Просила ребенка, но ничего не получилось.

Ребенка... В жажде занять ребенка каких только безрассудств не натворила рассудительная Шолпан. У каждого встречного муллы испрашивала себе благословения. У любого мало-мальски известного целителя выписывала и пила заговорные снадобья. У каждой проходящей чалмы просила магических вдуваний. И когда очередной знахарь с красным, как чирей, лицом бычьим взглядом упирался в воду, а затем шумно выпрыскивал здоровильный дух, у Шолпан от волнения билось сердце, она то краснела, то бледнела, и все же неотвратно подставляла лицо ко рту добродетели, дабы «чудодейственная» струя, не рассеявшись всеу, целиком была впитана страждущим телом. Всюду при случае, ссылаясь на «головную боль и темень в глазах», обращалась она и к услугам баксы. И еще... и еще... чего только не предпринимала Шолпан?! Как мечется ошалевший в пожарище человек, – все это испытала на себе Шолпан. Но бежал неотступно год, спешащий за годом. О ребенке ни кивка, ни намека. В мир идти дитя не собиралось. Но Шолпан с мечтой не расставалась. Только слез в глазах уже не осталось. Свет ей стал не мил, и мирские радости перестали ее волновать. Уподобившись схимнице, возглашала в жертву ангелу – коня, в дар хранителю – овцу, прося об одном: «Боже справедливый, воздай мне ребенком!» Но желание, не претворяясь в жизнь, превратилось в унылый бесконечный мотив. К ее мольбам Всевышний оставался безучастен. Кто знает, быть может, был свой смысл и была своя правда в том, что Небо ограждало ее от материнского счастья. Быть может, внемля ее прежним чаяниям: «Предохрани от бремени!» – Бог

однажды и навсегда запечатлел их в неподлежащих исправлению небесных скрижалях. И нынешнее устремление Шолпан – пустая затея, бессильная пред ликом свершившейся судьбы. «Торги окончены!» – наотрез заявляет иной самодержный купец, и такое своенравие как будто водится и за Богом. Наверняка и Бог – беззастенчивый, алчный, бесчестный торговец. И необузданных, самолюбивых, властных повадок ему не занимать.

Не будь у него такого нрава, разве изгнал бы Он из рая в срамном виде первопредка нашего Адама на нарушение запрета Своего? Обратил ли бы в нечисть Азазеля за непоклонение земле Господней?... Кто знает, не взял ли он в руки испытанный и неотразимый свой бич? Как бы там ни было, но ребенка Шолпан он не дал. Бесчисленные благоустремленные воздерживания, приемы зелий и снадобий, всевозможные обдувания, опрыскивания, обстукивания и обтряхивания, совершение намаза и исправление оразы, раздача подаваний и пожертвований, – от всего этого вконец обессилела Шолпан. Бесполезность набожной суеты обнаружилась со всей очевидностью. Стенания ее не услышаны – Бог перестал быть любовью, надеждой и верой, а сударыня-жизнь все летит обгоняющим ветром. Жизнь – что налаженная и запущенная машина. Машина без души, не знающая ни остановок, ни усталости, ни износа. Что ей чья-то кровь, слезами льющаяся из глаз, чья-то убитая надежда и чей-то увядающий цвет? Какое ей дело, что меж ее колес оказалась чья-то рука, нога, голова и даже все тело, а с ним и душа человеческая с неведомыми мирами, заключенными в ней? Вот и исходящее кровью сердце Шолпан, ее бьющаяся в судорогах крылатая душа не заставили безоглядную жизнь повременить, обернуться в сострадательном взоре. В страстном своем возбуждении изрыгая кипучую пену и зевом, и всем своим телом, жизнь безудержно мчалась сумасбродным

буйством горного водопада. И каждую минуту жизнь гасила одну за другой каждую искорку ее чувств и помыслов, каждую клеточку ее разума и души.

Жизнь течет, мечта гниет, наследства нет. Как теперь быть? Нет, пропади они пропадом, эти святыни, святые отцы и праведники! Довольно пресмыкаться и заискивать! Пусть неуступчивый и высокомерный небожитель подавится своим упрямством. Тем более, что, скорее всего, ключ к деторождению находится не в небесах, а, по-видимому, в самом человеке.

Произвести потомство – это, наверное, связано с самими мужчиной и женщиной. И возможно, причина тому, что она до сих пор ни разу не забеременела, – в том, что Шолпан еще никак не проявила себя настоящей женщиной. Все, быть может, оттого, что, находясь в постели с мужем, она, как и все казахские женщины, ведет себя как ни в чем не бывало: хладнокровно и буднично, словно занята каким-то привычным трудом. Все дело, наверное, в неумении, отдаваясь мужчине, всецело сливаться с ним душою и телом, в нежарком пламени его объятий, в несладком ожоге его поцелуев...

В приятном и горьком дурмане своего нового открытия Шолпан совсем по-иному стала спать с Сарсенбаем. Тело ее преображалось в пожар, груди – в пламя, рот – в огонь. Завидев Сарсенбая в постели, начинала дрожать всем телом и трепыхаться, как пугливый сайгачонок на привязи, сгорать от стыда и смущения, словно тринадцатилетняя девочка, впервые в жизни увидевшая мужское существо в непосредственной близости. Обнимая Сарсенбая, прилагала такие усилия, будто норовила сплющить грудную клетку мужа. В неутомимой жажде впивалась губами в губы Сарсенбая, обдавая мужа горячим дыханием. В какие-то минуты передышки, как битой ледоходом рыбине удается скользнуть в спасительную

глубину, так и пресыщенному любовными ласками жены Сарсенбаю удавалось высвободиться из оплетших вьюнком супружеских членов, и, нежась в волнах сладострастной истомы, он, бывало, беззлобно попрыскивал со словами: «Ах ты, старая сивка, на старости лет, я смотрю, решила бежать в иноходь!» Не ведал Сарсенбай, что этот смешок горьким перцем сыпался на сердечные раны Шолпан. Как черные жемчужины, обволакивались слезою ее глаза. Бессильной яростью, безысходной тоской обрушивалась на нее мысль, что единственно любимый и дорогой ее человек никак не пытался прочувствовать, догадаться о сокровенной тайне ее души. В пору, когда, отчаявшись, стала она аскетичной, муж прозвал ее «духопоклонницей»... В момент, когда осенило лучом надежды, и опять же в думах о младенце прибегла она к взбалмошной, специальной тактике, – стал дразнить ее «иноходцем». За все эти прозвища, без тени жеманства Шолпан честно серчала на Сарсенбая.

Малыш... Малыш ведь нужен им обоим. Надежная связка, равно недостающая им двоим. Почему Сарсенбай не выходит в совместный поиск этого общего недостающего звена? Как не чувствует он, что бездетная жизнь пуста и никчемна? Почему не желает он разделить муки поиска выхода из тупика?

Всяк, кто зовется мужчиной, при одном только слове «наследник» кладет свою пищу на землю, забывая обо всем на свете, кроме потомства: Сарсенбай же ни разу не обмолвился об этом. Или... может быть... нет... вряд ли... не может быть... кто знает... да ну... тогда почему он не говорит, что хочет иметь ребенка? Тогда почему... почему... или он в самом деле... бесплодный мужчина? Боже мой, Боже праведный... если он в самом деле, если он не способен... неужто вся загвоздка не в скудости молитв, не в холоде объятий, а только лишь в бесплодии Сарсенбая?! Значит, ране, измывавшей пять лет ее жизни, не зажить до скончания

века? Значит, соленые воды на молитвенном коврике, нежные объятия и жаркие поцелуи – все это без пользы брошено на ветер? Значит, ребенок – это только пустой звук, всего лишь плод воспаленного воображения? И всю оставшуюся жизнь – как потерявшей листву березе – придется коротать в полном одиночестве? Неужто увядшие корни теперь навсегда разлучат два дерева, чьи кроны когда-то сплелись в пылу беззаветной любви? Неужто любви, всплывавшей с торжественным гулом, теперь суждено бесславно истлеть в угольках?... А угаснет любовь, что за смысл останется в жизни?!

Слов нет, Сарсенбай – бесплоден. В этом вся причина. Когда нет детей и я несчастна... когда я несчастна, разве счастлив Сарсенбай? Как не плакать его душе? И как не горько осознавать себя отравителем двух человеческих жизней? Неужто никак не проникся нуждой о детях – огне, согревающим смертных на старости лет? Нет сомнений, если несчастлива я, Сарсенбаю вряд ли дано быть счастливым.

Если все это так, кто же сумеет направить корабль к мысу счастливого спасения? – Шолпан. Только Шолпан. Не для себя одной, а во имя двух судеб Шолпан обязана сделать это. Шолпан должна родить ребенка.

Она должна непременно родить, если это и обойдется ей в грех величиной с гору и глубиной с море. Неужто не отпустит Всевышний грех, совершенный с благим намерением? О нет, Творец великодушен и милостив, он простит. Бог-то поймет и простит, но простят ли люди?

Сотворив разбой, добудь скот,

Сотворив блуд, обрети потомство.

Будь проклят человек, сочинивший эту пословицу!
Будь проклят!.. Прости меня, Господи...

Окруженная облаком соблазнительных, грешных догадок Шолпан, лежала, купаясь в горячих слезах. Шел восьмой год ее замужества за Сарсенбаем.

III

Был месяц май. Аул расположился, недалеко сместившись от зимовья. Солнце в зените обозначило зрелый полдень. Дует несильный ветер. Мошкары почти нет. Ленивой мечтательной стаей проплывают в небе серо-голубые сонные облака. Словно матовой тонкой материей окутан весь небосвод, и воздух свеж и упруг... У коновязи шалят и резвятся несмышленные жеребята. Стоящие рядом дородные кобылицы время от времени облизывают своих детенышей от холки до крупа. «Жеребеночек мой, шея ведь будет болеть, проку нет от озорства», – как будто журили они своих малышей. «Что случилось, родимый? Что это с тобой?» – суетятся вокруг своих чад первородящие мамы кобылицы. На что старый отец-жеребец лишь подергивал ушами, словно говоря: «А ну цыц, дурехи! Чего раскудахтались? Ничего с ними не стряется!» Овец еще не пригнали с пастьбы. И в загончике жалобно блеют их проголодавшиеся ягнятки: «Ме-е-е-е»...

В этот час сидела Шолпан у порога своей юрты, потягиваясь и жмурясь, словно кошка, греющаяся на солнце. Она, как будто занята каким-то шитьем. Но это только видимость. Вот уже три месяца, как обдумывает она свои грешные, неотвязные как призраки думы.

И вот уже скоро месяц, как несовратимо наставила она себя на грех. Всего лишь ради ребенка, во имя благого своего намерения взять на душу доброжелательный грех – сотворить зло в отношении единственно ближнего и возлюбленного своего Сарсенбая – твердо решила Шолпан. Сарсенбай сегодня уезжает в город с ночевкой. И раз уже решила на этот шаг, к чему откладывать в долгий ящик и попусту травить себя? Что ж, тянуть и медлить не стоит, но кто подходит для этого дела? Кто может стать отцом будущего ребенка? Табунщик Адамкул... Правильно, перебудь она с этим рабом – тайна не станет явью и

«прикрытый котел останется при крышке». Однако... Что за дитя пойдет от Адамкула? Ведь от раба рождается раб, как от рабыни – рабыня! Родится сын – пусть будет господин, а не презренный отпрыск подлого раба. Пусть в мир придет свободный гражданин, изгой по крови – никому не нужен. Чем быть ребенку робким, забитым рабом, лучше не быть ему вовсе... Нет, нет, к черту этого Адамкула! Так, но кто же, кто же еще?.. Совсем никого. Совсем никого, кто достоин замарать белоснежные крылья любви, а тем более – стать отцом будущего ребенка. Неужели нет никого?

Шойбай... нет ... Жумагали ... нет ... Азимбай ... Азимбай ... А как насчет Азимбая? Он родовит и молод, вполне здоров, совсем неплох собой. Лет ему на вид не более 18-19-ти. Высок ростом. Косая сажень в плечах. Улыбчивый кареглазый взгляд. Только-только пробившиеся усы подобны нитям черного шелка. Боже мой, да ведь этот самый Азимбай вот уже три года, как ошивается вокруг да около с непременным «женге» и какими-то смутными намеками! Совсем юный еще, наивный: помнится, заявляясь пококетьничать перед ней, говорил лишь то, что сумел заучить назубок из уст зрелых молодых людей. «У всех, кто молод, на уме одна забота: как в нить распутать шелковичный кокон...»

В этот миг бесконечного, как нить на веретене, бега мыслей Шолпан вдруг почувствовала, что губы ее растворились в улыбке... В тот же самый момент из-за дома вышел Азимбай и, сказав: «Бог в помощь, женге!», – тут же примостился рядом с Шолпан. Недаром сказано поэтом: «Лицу не скрыть всех таинств мук сердечных», и лишь завидела Шолпан Азимбая, как горло ее сперло удушливым волнением, она то краснела, то бледнела, не в силах совладать с собой. Было такое чувство, словно ее застали врасплох за постыдным занятием, и казалось, что Азимбай коварно прознал все ее греховные мысли.

– С утра и до вечера ты все корпишь, не покладая рук. Что тышьешь, женге!– произнес Азимбай и, делая вид, что притрагивается к лежащей поверх колен Шолпан рубашке, слегка ущипнул ее за ляжку.

– Ты что это, повеса, позволяешь? Странный ты какой!.. Твой братец нынче в город собирается с ночевкой. Чиню рукав его сорочки. Ты, говорили, вроде тоже в город собрался.

– Сегодня добрый братец уезжает в город?.. Так-так, женге, неужто без ответа оставишь ты мои слова, которыми уже три битых года я домогаюсь твоего расположения? Ну и камень же у тебя, а не сердце: не знает ни смягчения, ни снисхождения!..

– Ты снова за свое? Слушай, ловелас, к чему тебе меня беспокоить? Вон сколько девушек в округе, не проведает ли их?

– Я разве просил у тебя девушек? Числом – моль, да качеством – ноль, плевать я хотел на таких девушек. «Платок из рук возьмет пусть та, кто лишь тебе чета», ты что, не знаешь этого что ли?

– Не прожил и двадцати лет, а уже выжил из ума. Восемь лет как замужня баба, это я ли «лишь тебе чета?»

Усмехнувшись при этих своих словах, Шолпан сощурилась, как избалованная кошка, и испытующе посмотрела на Азимбая. Оторопев от этих слов и глаз Шолпан, Азимбай замороченно произнес:

– Нет. Я в том смысле, что люблю тебя. Бог мой, сколько бы ни была баба замужем, разве может быть старой женщина, никогда не имевшая детей?

Выдав эту тираду, Азимбай замолчал в окончательном замешательстве. Осознав нутром, что словом «детей» задел Шолпан за обнаженный нерв и тем самым оттолкнул ее от себя, Азимбай, не в силах возобновить оборванный разговор, бессловесно пожал рукой левую ляжку Шолпан.

Шолпан отстранила его руку и заговорила, задумчиво осмотрев свое шитье:

– Что любишь, наверное, так оно и есть, но как прикажешь замазать глаза доброму твоему братцу? Мы ведь не малые дети, которым без разницы: «Украсть нам не порок, порок нам не пророк и что нам до того, что скажет Бог?..» К тому же ты молодой еще. Да и язык за зубами держать не умеешь...

В эти минуты глаза Шолпан наполнились влагой бездонного, черного моря. Зрачки же Азимбая запылали сумасшедшим азартным огнем. Даже не удостоив вниманием вулканическую сферу, где тревожными субстанциями обретали плоть понятия грех, Бог... Азимбай суматошно ринулся утверждать свою состоятельность, словно весь вопрос заключался в его выдержке.

– Что я, ребенок, секреты разбалтывать? Или я тебе враг какой-то? Эх, женге, если бы ты только знала, как я тебя люблю... Хотя, впрочем, довольно того, что волочила ты целых три года. Мне сегодня ночью прийти?.. Прийти?..

Ладонь Азимбая не только очутилась поверх почиваемой рубахи Сарсенбая, но уже сновала по платью самой Шолпан.

– Ну, хватит... Ну, ладно... хватит...

– Дай поцелую разок!..

– Ты потерпеть не можешь? Вон, кто-то идет...

– Что ж, веселый щеголь, проходи в дом, отведай нашей пищи...

Великолепная ночь самой нежной поры. В небе ни облака. В необъятном иссиня-черном бархате небес в печальной задумчивости проплывает белое золото луны. Что ищет эта луна, кто она? Женщина ли, разлученная с любимым? Мать ли, потерявшая ребенка?.. В заливных лугах, что за зимовьем, неустанно галдят лягушки. Квак, ква-ак, ква-а-ак... О чем их печальные песни? Или просят они лишь самую малость: жить бы, любить бы, плодить бы...? В чаще у озера кто-то вопит неумолчно: «Господи! Господи!

Господи!» Что за тяжкий грех совершила беспутная птица, коль обречена причитать вековечно, не бросая из уст имени Господа своего?

Шолпан лежала на деревянной кровати. Перед тем, как прилечь, искупалась с душистым мылом, достала из сундука новое платье. Для кого она мылась? Для кого наряжалась? Кого она ждет? Конечно, Азимбая. Ждет Азимбая – чтобы наставить рога милому супругу Сарсенбаю, с которым все эти восемь лет затянувшегося медового месяца жила душа в душу, не творя и не терпя ничего дурного ни в мыслях, ни в поступках. Ради чего? Чтобы был ребенок! О, Создатель, прости, прости, если сможешь... Звук шагов... Открыли дверь... И вот вошли в дом... Азимбай направился прямо к кровати... Шолпан затаила дыхание. Тело ее затрепетало, подобно зарканенному кулану, и сердце подступило к горлу: казалось, стоит раздаться звуку, и оно готово выстрелить изо рта. По телу пополз ледящий озноб. Как молодой борзый пес, настигнув лисицу, разрывает себе легкие от волнения и гонки, так и Азимбай, суматошно пыхтя и раздеваясь наспех, бросился в ворох одеял.

Наверное и глаза его в ту самую минуту, как глаза тазы, были налиты кровью. А не закричать ли: «Прочь отсюда!» – подумала Шолпан. Но дар речи изменил ей, и крика не прозвучало. Азимбай же тем временем залез под одеяло и уже вовсю терзал ее тело, сумасшедше шепча «женге». Стоном истязаемой жертвы прозвучал голос Шолпан: «Резвый ходок, потерпел бы чуть-чуть... Немного полежи просто так...»

Прежде чем окунуться в пьянящий омут греха, Шолпан хотела исповедоваться перед Азимбаем. Вынуть и показать прожорливого солитера, изголодавшего душу. Рассказать, почему ее сердце, с младенчества не ступавшее на тропу бесчестия и даже окаменевшее в своем благонаравии, сегодня вдруг растаяло последней весенней ледышкой. Поведать, что жаждет

она младенца, а не адских объятий и плотских страстей. Хотела поделиться с Азимбаем своим горем-злосчастьем, посвятить его в тайные думы... Но Азимбай был не таков, чтобы слушать и слышать ее. Лишь стоило забраться в постель – как начал бесноваться кобелем, загнавшим зайца. Не обронив разумного слова, ринулся тискать тело Шолпан. Игра закончена... Шолпан лежала словно мертвая. И все то время, пока неистовый, одурманенный Азимбай упивался шальной утехой, из глаз Шолпан горькими ручьями струились на подушку горячие, светлые слезы. Что до Азимбая, то озабоченный лишь своими ощущениями и телом Шолпан, он совсем не замечал ее слез и душевных мук... Пуховая подушка под головой Шолпан давно уже была мокрой от слез. Только глубоко за полночь, упав в страстном изнеможении лицом в подушку, Азимбай изумленно воскликнул: «Ой, да ты неужто плачешь?!.. Ох, не зря говорили, духопоклонница она и есть духопоклонница». Вот и все, что уразумел к этому времени эта бестолочь Азимбай...

Светало... Азимбай поцеловал ее в щеку и сказал: «Ну, я, пожалуй, пойду, а завтра приду пораньше». Лежавшая неподвижно, подобно изошедшему в плаче ребенку, Шолпан вознамерилась было отрезать: «Нет, больше не приходи!» Но какой-то внутренний зов предостерег от поспешного шага, и этим властным призывом было дитя. Хорошо, если эта ночь даст начало новой жизни, а если не даст?.. Не обернется ли хомутом пожизненного проклятия на шею Шолпан? И грех этот станет неизгладимым позорным клеймом на судьбе?.. Вытирая рукавом неумные свои слезы, Шолпан зашептала полувнятно: «Приходи, удалец... приходи... приходи...».

Шолпан беременна. Пять лет постоянной тревожной надежды приблизили заветную мечту. Некогда увядшие, опротивевшие будни наполнились цветущим, торжествующим смыслом. И грех не остался

грехом, но преобразился в сострадательное воздаяние. Как же радовалась Шолпан, узнав, что беременна, как сновала в приятном беспокойстве! Как ни днем, ни ночью не знало покоя лицо от счастливых улыбок! Стоило лишь ненадолго остаться наедине, Шолпан любовно гладила свой живот, а потом целовала ладони так, словно не наделенный душой и разумом комочек плоти, завязавшийся в ее чреве, мог ощутить теплоту ее рук, лепет ее уст и нежность ее ласк. Безумная Шолпан! Что ж, ныне нашла она утерянное сокровище. Злая шутка судьбы, сковывавшая волю, лишившая рассудка, толкавшая на грех – сгнула с глаз без следа. Но как же быть с тем, что не может расстаться Шолпан с Азимбаем? Или вправду Шолпан покатила по темной тропинке? И прелюбодеяние вошло в ее кровь ненасытной привычкой? Увы. Из той ли породы Шолпан, чтобы измену вменять в привычку, а блуд – в благоценность. Так в чем же дело?! Дело в том, что на этот вопрос нет ответа. Дерзающие познать глубину, ищите ее не в море, а во внутреннем мире женщины! Это возможно – прознать о том, что лежит за семью пластами земли, но предугадать траекторию женской психики – невозможно никак. Раз посмотришь, женщина – что ребенок, шалящий с огнем, не зная о боли ожога. Приглядишься, женщина – бог для мужчины: она и родит на свет, она и погубит, она и согреет любовью, она и спалит дотла. Рассмотрешь поближе, женщина – рабыня мужчины: стелется землей под его подошвы, бродит неотступно бессловесной тенью, а самой ее как бы не существует. Когда сильна женщина духом, мужчина перед ней кручинится и трепещет, и все же не позволяет ни себе, ни другим забывать, что он тоже человек с собственным лицом и достоинством. Пересилит духом мужчина – женщина растает с человеческой сущностью, становясь живым воплощением небытия. Здравый смысл ей уже не в тягость. И язык уже прогла-

тывается за ненадобностью. Особенно, если женщина не порочного нрава. Нет никаких сомнений, что женщина в этом случае превращается в безропотную рабыню мужчины.

А Шолпан была одной из таких женщин. Материя и дух в ней не были соперниками, ее душа и тело всюду были рядом, вместе и заодно. И если кому-то поверяла себя – всецело предавалась тому душой и телом. Первоначально задумывала Шолпан, что тело свое лишь на время отдаст Азимбаю, а душу свою сохранит в невредимости. Но замыслу не суждено было сбыться в делах. За три-четыре месяца и душа Шолпан, вслед за телом, успела покориться Азимбаю и теперь неотвязно плелась за ним на невольничьем поводке. Что и говорить, неволя любовной связи доставила страданий не меньше, чем муки хождения за чадом. И об этом немало ночей проплакала Шолпан, издавна отученная скупиться на слезы. Но ведь слезами горю не поможешь! Вот и Шолпан никак не помогла. Было так: завидит Азимбая – и уже голова идет кругом, тело бросает в дрожь и язык заплетается в плавной истоме. Никак не могла взять в толк, как позволяла взгретому кровью Азимбаю в пьяном буйстве мять и терзать ее хрупкое тело. Говоря по правде, бешеный натиск этого необузданного Азимбая не давал ни минуты покоя, ни малейшей передышки, чтобы опомниться, собраться с мыслями, завести разговор. Ладно уж, как бы там ни было, видать, все есть предписание Всевышнего и – поскольку Азимбай как-никак приходится отцом малютке, что в чреве, – может быть, совсем не обязательно начисто разрывать эти узы. Может, это совсем даже не грех. Если Сарсенбай законный супруг, то Азимбай – отец ребенка: Создатель милостив, он все и простит своей волей. Но как ей бороться со сплетнями, что плодятся кругом словно мухи? Ох, сопляк Азимбай! Эх, балбес Азимбай! Дуралей Азимбай! Не знает, что тайна – для того, чтобы скрывать. Не соображает, что ли, что кругом люди?

Где завидит, там и рычит боевито, как игривый щенок. Где застанет, там и липнет, распуская бесстыдные руки... Эти сплетни проклятые разбредаются, как отары на пастбище. Если сноха-набожница вдруг прослышет снохой-блудницей, каково ей будет смотреть людям в глаза? Помнится, давеча Шолпан чуть было сквозь землю не провалилась, когда свекровь спросила как бы невзначай: «А что это, сноха, Азимбай зачастил в твоё жилище со всякой фамиллярной брехней?» Пропади они пропадом, эти гадкие родичи! К черту эту свекровь! К дьяволу такую жизнь! Но Сарсенбай... её милый, прелестный, земной Сарсенбай!.. Все тот же ли он для Шолпан? Почему он не искрится, как прежде?

Отчего постоянно задумчив? Да разве не видно, что нежные узы любви, разорвавшись, обвисли? К черту ребенка! Гори оно синим пламенем, это дитя, подмешавшее яду в любовь, что была слаще меда и белей молока! Он ли это, её Сарсенбай, за все восемь лет ни разу не сказавший «ты», за один-единственный год растерявший тепло своих слов? А теперь – чуть что-то не так, придравшись по ничтожному поводу, поливает огнем оскорбительных, едких ругательств. Мало того, ругань, что на кончике языка, перерастает, крепчая, в побои, что на кончике сыромятной плетки. Вот вчера, например, почему он её ударил? Раньше, уплыви все его состояние с вешним потоком, – Сарсенбай бы и бровью не повел, а вчера вдруг схватил и опрокинул на пол. За что?

За то ли, что, нечаянно выскользнув из рук, одна посудина разбилась вдребезги? Как бы не так. За шашни с Азимбаем! Порывается избить, а о причине ни слова. Что он вечно молчит, будто камней в рот набрал? Задай хоть вопрос – и Шолпан бы раскрылась перед ним. Созналась бы, для чего обрекла себя на грех, во имя чего решила на блуд. Но нет от него ни звука, ни слова, только брань да издевательства.. Любовь

погибла. Жизнь лишилась смысла. Да провалятся они в преисподнюю! Да будет проклят этот ребенок, да сварится заживо исчадьё в беспросветной утробе!..

Снова потянулись коварные, кошмарные ночи, когда, покидая враждебный берег страдания, Шолпан многократно погружалась в холодное море раздумий, безуспешно пытаясь нащупать дно истины. Но, кроме иссушенных стенок – «я стою меж двух огней, Боже правый, пожалей» – так и не смогла подобрать ключа к разъедающей душу головоломке. Отношения с Сарсенбаем ухудшались день ото дня. Расстояние меж ними, разграничившись трещиной, обвалилось оврагом, а овраг зазиял неодолимой пропастью. Но там, где человек не знает брода, сама эпоха строит переправу. В этом мире можно обойти ловушки и западни, устроенные руками человеческими, но никого еще не миновала петля, уготованная его величеством Временем. Вот и Сарсенбая с Шолпан, как несмышленных детей своих, рассудили по обычаю и праву осенявшие их времена и нравы.

В небе мерцали последние сентябрьские звезды. Изготовившийся к зимовью аул встопорщился в предчувствии холодов. Ночь холодна. Свинцовые хмурые тучи ползут в небесах, обгоняя друг друга. Белым саваном подернула тело земли осенняя изморозь. «Мо-мо», – временами мычат мерзнущие на привязи под арбой телята. Над ними, свесив комодами сытые брюха, невозмутимо посапывают коровы.

Сарсенбай сегодня спозаранку погнал в город скот на продажу. В притихшем доме, на кровати, кутаясь в ситцевое одеяло, лежала Шолпан. На теплом ее животе, распластавшись капризным нежным сыночком, всю храпел Азимбай. Шолпан была в летучей полудреме, когда слух различил... скрипучие звуки арбы. Вздрогнув, Шолпан пробудилась. Что это, корова трется об забор?.. Да нет. Это – телега. И возница есть. Азимбай!.. «Ыхы-ме-е», – произнес Азимбай.

«Азимбай! Азимбай!» – повторила Шолпан, но, поняв бесполезность затеи, ущипнула его за ляжку:

– Ой, ты что, сдурела?

– Ой-бай, срамотища какая, сюда едет кто-то, вставай же! Уходи-ка отсюда. Хорошо, если это не добрый твой братец...

– Она, наверное, с ума сошла! Он что, на крыльях сюда прилетит?

– Вставай, я тебе говорю, окаянный! Вон, уже здесь!..

Когда, выскользнув за дверь, Азимбай двинулся за дом вкруговую, Сарсенбай уже спускался с арбы.

– А ну, кто здесь? – окликнул Сарсенбай.

Вместо ответа «я» он увидел Азимбая, улепетывавшего рысцой мимо зимовья к ближнему ивняку. Не распрягая коней, Сарсенбай шагнул в дом, сбросил на ходу стеганую шубу и, взяв покрепче кнут, принялся хлестать лежавшую на кровати Шолпан. Глаза его налились кровью, он смотрел перед собой ничего не видящим, ничего не смыслящим взглядом. В голове его воцарилась ярость, в руках – длинный кнут. Хлысь-хлысь-хлысь... Шолпан лежала под одеялом, не подавая признаков жизни. Тихо и неподвижно, как может лежать лишь труп. Эта ее отрешенная поза вконец вывела из себя Сарсенбая.

– Ах-е-о-о, сучье отродье! – просипел Сарсенбай, отшвырнул кнут, разорвал в клочья одеяло, выволок заплаканную Шолпан за руку из постели и, толкнув на пол, начал пинать. Шолпан не проронила ни звука. Только успевала обтирать рукавами глаза. Пинки сыплются то по голове, то по ребрам. У Шолпан не вырвалось ни единого крика. Лишь когда кованый каблук ударяет по легким, непроизвольно выдыхает: «А-ах!» Снова молчание. Каблук пришелся по животу. Шолпан тронула ладонью живот и сказала: «Ребенок!» Это слово взбесило Сарсенбая пуще бешеного волка.

– Сучья твоя душа, я что, просил у тебя ребенка?.. Я что, сказал: поди, блуди, но роди?! Ты ведь, сука,

полгода как водишь бесчестье в мой дом!.. Заткнись... Убью я тебя, мерзавку! Убью! Лучше разом, чем каждый день муки терпеть!.. Умри, собака, умри!..

Сарсенбай заорал так страшно, что все в ауле проснулись как один. Сначала, нацепив телогрейку, притащилась из большого дома дряхлая мать Сарсенбая. Вслед за ней, впопыхах накинув на голое тело мужнину безрукавку, сверкая коленками из-под рваной исподней сорочки, появилась жена пучеглазого, что жил по соседству. С самого порога обе зашлись в паническом вое.

– Ой-бай, так убьешь ведь, ой-бай!.. Сыночек, опомнись, и дело верши по разуму...

– Разум свой можете оставить себе, не суйтесь. Убью, убью эту гадину!..

Старуха с бабой кинулись разнимать. Запричитали, засуетились, повисли на руках Сарсенбая: одну он смахнул рукой, а другую запнул куда-то. Не угомонился. С лицом белым, как мел, и глазами красными, как кровь, Сарсенбай продолжал побоище. Шолпан не обнаруживает признаков жизни. Не рыдает, не стонет и, кажется, даже не дышит. Либо потеряла сознание, либо умерла. Две женщины, наконец, убедившись, что вдвоем им здесь не управиться, решили созвать аул. Жена пучеглазого, выбравшись за дверь, закричала во всю глотку:

– Ойбай-ау, ойбай! Вы что, повымирили все, что ли? Идите же скорей! Здесь человек умирает!

Заслышав этот леденящий душу «ой-бай», взлохмаченные аульчане мигом высыпали из своих домов. Шаркая небрежно обутыми кебисами, в кимешках набекрень хлынули со всех сторон хозяйки на тревожный зов; шумно отхаркиваясь и гаркая на сонную челядь, двинулись на шум отцы семейств; спотыкаясь в наскоро накинутых ичигах, засемили на свет смущающиеся даже самих себя молодухи... В щегольских сапогах с широкими раструбами, в просторных

балахонистых куртках, с развевающимися на ветру неподвязанными веревочками от панталонов неуклюже-манерной развалочкой зашагали в предвкушении знатного разбирательства стайки местных ухарей и великовозрастных шалопаев... В светло-сером строченом бешмете и с неизменным посохом подоспел и Темир ходжа, заночевавший в одном из домов, собирая зякет... Как оказалось, невольно лишив аульчан небывалого зрелища, Сарсенбай и сам опустил руку, остудив свой пыл, как только различил истошные крики жены пучеглазого. Шолпан лежала в глубоком оцепенении. Платье на ней изодрано в клочья. Все тело ее с головы до пят было в крови. Изо рта и из носа, поблескивая, сочилась кровь. А притихший Сарсенбай бесстрастно восседал посреди развороченного супружеского ложа... Ни мыслей, ни чувств, ни слов, ни действий не выражало его лицо. Он будто и сам погрузился в немой, бессознательный обморок. А народ все валил в открытые двери.

– Этот достопочтимый, кажись, двинулся рассудком, – промолвил кто-то.

– Ой-бай, какой ужас! Она же забита насмерть, – завопил другой.

– Туда ей, потаскухе, и дорога! – заключил кто-то третий. Кругом шум и гам, всюду топот и шепот. Темир ходжа взял в ладони запястье Шолпан и распорядился: «Прысните воды!» Кто-то быстро принес воды. Спустя немного времени к Шолпан вернулось дыхание и, вдохнув струю воздуха, она немощно произнесла: «Алла...».

– Не смей поминать Аллаха, недостойная, подлая тварь! – выругался Сарсенбай.

– Сарсенжан, светоч мой, будь благоразумен. Конечно, нет такого мужа, чтобы не колотил жену, однако...

– Светлейший, вам не стоит вмешиваться в это дело. А эта собака должна подохнуть!..

– Сарсенжан, покорись разуму, это убийство...

– В любом случае, мне она больше не жена. Не жена и да будет так. Да будет талак! Талак! Талак!

– Сарсен, ярость – враг, а разум – друг, успокойся, не будь скорым на суд. Это не легкое дело – расстаться супругам, долгое время прожившим в счастливом согласии и мире. И потом: ведь не только в быту, но в самом шариате священном предусмотрен канон и пути очищения от скверны, ставшей вдруг непотребной, но исконно чистой и доброй еды... Вот, к примеру, гласит шариат: коль попала жена под пяту непочтенных влечений, есть на это лечение – полить на ее наготу сорок ведер холодной естественной влаги ручейной, и заблудшая вновь – и чиста, и честна, как дитя...

Не успели слова эти слететь с уст ходжи, как стоявшие тут же пять-шесть баб подхватили едва пришедшую в сознание Шолпан и стремглав уволокли во двор...

Шолпан смутно ощутила упругий холод сентябрьской ночи, глухой глинобитный домишко без окон, чьи-то руки, державшие на весу и снимающие белье. Прямо с ходу, скрежеща зубами, какая-то баба опрокинула на голову Шолпан ведро ледяной воды. Шолпан сотряслась в страшной судороге. В эту самую секунду невиданным разрядом молнии вся жизнь промелькнула в ее воспаленном мозгу...

... Эти новые шолпы так тихо звенят при ходьбе, что Шолпан неоднократно разъединяет и прикрепляет грузы и тяжи, добившись звучания... Разрешение у строгой сестрички испрошено, и теперь Шолпан идет на задорный девичник... А вот и Сарсенбай, благородный и статный, впервые появился в их доме... Первая ночь... Воловья морда волхвствующего муллы... Черные усики Азимбая... И стиснутые зубы с новым ведром студеной воды. Шолпан простонала невольно: «Алла...»

– Блядь ты такая, на что тебе Аллах!– огрызнулась одна из женщин.

– Ничего, все устроится, деточка... По молодости всякое бывает... Да Бог тебя не оставит,– подала голос другая.

У Шолпан больше не оставалось ни слов, ни мыслей. Сознание помрачалось по мере того, как с потоками воды застывала в жилах кровь. Глаза уже не видели ничего, и веки смыкались плотней и плотней... Третье ведро, четвертое, пятое... Какое-то время тело сопротивлялось холодным струям произвольным вздрагиванием. Но вскоре прошло и оно...

На следующий день к полудню Шолпан очнулась и, с трудом открыв глаза, зашептала:

– Где мой ребенок?.. А он почему не зайдет хотя бы проведать?

Сказав это, она обняла уголок одеяла и беззвучно шевеля губами с укором кому-то «эх, ты», снова обмякла в тягучем беспомыслии.

Солнце победно сияло в зените, когда, пав в беспощадной борьбе со светилом, Шолпан покинула этот мир уже навсегда.

КОММЕНТАРИИ

Настоящее издание включает стихи и поэмы Магжана Жумабаева в переводе известных русских и русскоязычных поэтов Казахстана и России. Выходу этой книги предшествовала многолетняя работа, которую можно разделить на три основных этапа: 1-й – подготовка подстрочных текстов; 2-й – сверка подстрочных текстов с оригиналом; 3-й – художественный перевод стихов и поэм М. Жумабаева. Многие стихи и поэмы данного издания переведены К. Бакбергеновым, Б. Джилкибаевым и Б. Канапьяновым непосредственно с оригинала. Подстрочные тексты подготовлены доктором филологических наук Н.Ж. Сагандыковой, переводчиками Н. Бакаевым, С. Бакеновым, Б. Канапьяновым.

Некоторые стихи М. Жумабаева имели варианты перевода на русский язык. Предпочтение было отдано тем переводам, которые по своим художественным достоинствам наиболее близки поэтическому духу Магжана Жумабаева.

* * *

Золотому хакиму Абаю. Посвящено памяти великого казахского поэта Абая (Ибрагима) Кунанбаева (1845-1904 гг.).

Родина моя – Сасыкколь. Сасыкколь – озеро в Северо-Казахстанской области.

Платок. Стихотворение написано в 1916 году после Указа царя о мобилизации казахов на военно-тыловые работы.

Гульсум. Посвящено Гульсум Камаловой, окончившей в 1914 году в Петербурге Высшие женские педагогические курсы. В годы первой мировой войны Г. Камалова была на фронте сестрой милосердия.

Г. Камаловой посвящены и другие стихи, которые есть в этом издании.

Огонь. Пророк. Восток. Программные стихи М. Жумабаева, актуальность которых очевидна и в нынешнюю эпоху глобализации. Эти стихи во многом родственны известным поэтическим произведениям русских символистов Вл. Соловьева, А. Блока, Д. Мережковского.

Птенец взмахнул крылом. Написано в связи с выходом рукописного журнала «Балапан» – «Птенец» в 1916 году в Омской учительской семинарии, где в то время учился поэт.

Попавшему к врагу. Узник. Стихи на выход М.Д. из тюрьмы – посвящены великому казахскому просветителю, ученому и государственному деятелю, одному из лидеров правительства «Алаш Орды» Мыржакыпу Дулатову, когда он по распоряжению царской охранки находился в тюрьме г. Омска.

В период советской власти М. Дулатов не раз подвергался сталинским репрессиям. На судебном процессе 1928 года он единственный из подсудимых не признал своей вины. Умер 5 октября 1935 года в Соловецком лагере.

...Га. Посвящено близкому другу и соратнику поэта врачу Жумагали Тлеулину, который находился в 1918 году в Омской тюрьме.

В первые годы советской власти Ж. Тлеулин был директором педагогического техникума в Петропавловске. Очень близко общался с Абикием Сатпаевым, Ахметом Байтурсиновым, Смагулом Садвакасовым, был в тесной дружбе с Мыржакыпом Дулатовым.

Подвергался сталинским репрессиям. Расстрелян в феврале 1938 года.

Погоняй лошадку, Сарсембай. По воспоминаниям отца народного артиста СССР Ермека Серкебаева аксакала Бекмухамеда, он вместе с юным Магжаном Жумабаевым учился в медресе в Петропавловске. Перед каникулами отец Магжана Бекен присылал за ними своего кучера Сарсембая. Стихотворение написано в один из таких приездов в родной аул.

Чуть-чуть по Фету. Стихотворение написано в духе известных поэтических произведений Афанасия Фета «Шепот. Робкое дыханье», «Чудная картина» и др.

Домбра. Посвящено двоюродной сестре М. Жумабаева Шолпан, которая, не выдержав ударов судьбы, лишилась рассудка. Ее памяти посвящены и другие стихи М. Жумабаева.

Вальбом Р.. Стихотворение посвящено Рабиге Мадиевой, сверстнице М. Жумабаева по юности, проведенной в Петропавловске и Омске.

Посвящение Ж. Стихотворение посвящено современнице М. Жумабаева Жамал Тастемировой.

Сестре Газизе. Написано М. Жумабаевым, когда он в октябре месяце 1917 года находился в тюрьме г. Омска.

Кокшетау. Написано в 1922 году, когда поэт посетил Боровое, Сырымбет, Коскуль и гостилу младшего брата Чокана Валиханова Кокыша.

Александр Блок. Написано в день кончины великого русского поэта. М. Жумабаев высоко ценил поэтическое творчество А. Блока, находил в своей поэзии родственные с ним мотивы.

Сокровенное. Стихотворение написано в канун 27-летия поэта, т.е. возраста М. Ю. Лермонтова, мотивы которого присутствуют в данном произведении.

И меня ты, смерть, убаюкай. Написано в тот же период и относится к трагедийному циклу стихов поэта.

Берниязу. Посвящено памяти талантливого поэта, который покончил с собой 23 февраля 1923 года в возрасте 23 лет. Был редактором книги М. Жумабаева.

Алатау. Туркестан. Старый Туркестан. Кыргызам и казахам. Написаны в 1923 году после поездки в Ташкент.

Песня «Айуля-ау». Приводится со слов старейшего казахского актера Серке Кожамкулова, который в 1974 году сообщил об этом стихотворении.

«Верблюжонка видел я во сне». Написано во время ссылки в 1931 году.

Жамбылу. Моему перу. Я в обиде на жизнь. Юному Магжану. Написаны после освобождения из лагеря в 1937 году, в краткий период свободы, перед очередным арестом.

ПОЭМЫ

Коркут. Написано по мотивам казахского фольклора и казахской мифологии. Поэма имеет свою оригинальную сюжетную линию и поэтическое своеобразие, характерное для

поэзии М. Жумабаева. Впервые на казахском языке поэма «Коркут» была опубликована в журнале «Шолпан» №2-3 за 1922 год.

Кобыз Койлыбая. Поэма написана под влиянием научных работ Чокана Валиханова («Тенгри»). Великий казахский ученый считал Койлыбая отцом всех баксы. М. Жумабаев досконально изучил научные труды Ч.Ч. Валиханова, вышедшие в Петербурге в 1904 году.

Жусуп хан. Впервые опубликована эта поэма в газете «Енбекши казах» в 1925 году, а затем, в 1928 году была издана отдельной книгой в Москве в Восточном издательстве. Вариант М. Жумабаева в поэтическом контексте во многом отличается от других мифологических версий данной поэмы.

Батыр Баян. Поэма впервые опубликована на казахском языке в журнале «Шолпан» №4-5 за 1923 год. В научном труде Ч. Валиханова «Исторические предания о батырах XVIII века» имеется прозаическая запись сюжета предания о Баян-батыре. М. Жумабаев опозитизировал данную сюжетную линию, ввел новые персонажи и мотивы, характерные для художественного произведения такого многопланового характера.

РАССКАЗ

«Грехопадение Шолпан». Одно из ранних прозаических произведений Магжана. Нет ничего выше и достойнее любви, утверждает автор, и каждый из нас имеет право выбирать свой путь. Даже если за этот выбор придется заплатить жизнью.

MAGZHAN ZHUMABAYEV

(1893-1938)

Nowadays, in period when the forgotten names of writers come back to readers, Magzhan Zhumabayev's creative work won immediately the public love by power of talent, passion of poetic heart and originality of creative expression.

Having learned only recently about hard destiny of this citizen and poet and originality of his creativity, we feel against our will sorry for poet's coming back to people sixty years late. Was not this interdiction too expensive for us regarding the time passed? For certain, in opposite case the level of the Kazakh Soviet literature and culture, spiritual development of people would be immeasurably higher. Could anyone imagine, at least for one minute, Russian culture without Block and Yessenin? How poor and incomplete it would be in that case! And poet Magzhan Zhumabayev has done as much for Kazakh literature as they did for Russian literature.

It can't be denied that there were many bitter pages in his destiny. Having acquainted more closely with life and creative work of the poet, one can't help thinking about that it should be like that for, in my opinion, there was some severe and inevitable regularity in his destiny.

Magzhan Zhumabayev was born in Sassykkul volost, on the territory of today's Severo-Kazakhstanskaya (North-Kazakhstan) oblast. He was taught reading and writing by the aul teacher, then continued his studies at medrese in Petropavlovsk town, and some time later moved to Ufa where he entered the Muslim spiritual academy «Galiya». After that he continued his studies in Omsk teacher's seminary. So, having graduated from all these educational

institutions and striving for knowledge, the young poet succeeded in mastering Russian and Oriental literature and European philosophical idea just for some years. His spiritual luggage includes works of such outstanding representatives of the world culture as Goethe and Tolstoi, Heine and Gorky, Verlen and Balmont, Bryusov and Block.

In 1923–1927 Magzhan Zhumabayev studied at the Higher Literary and Art Institute in Moscow headed by V.Bryusov. Valery Bryusov was the first to call Magzhan Zhumabayev «Kazakh Pushkin». «High poetic endowments. It's from birth» V.Bryusov wrote «plus deep knowledge of mathematics, music, fine arts». The same years Magzhan Zhumabayev studied thoroughly Russian and West-European literature, got acquainted closer with outstanding public men and politicians such as Klara Tsetkin, N.K. Krupskaya, A.V. Lunacharsky.

Magzhan Zhumabayev started writing poems at the age of fourteen. His works were published in all newspapers and magazines in Kazakh and Tatar languages. The first collection of poems «Sholpan» («The Venus – a star at dawn») was published in 1912 in Kazan. In 1922 in Tashkent his well-known poem «Bayan Batyr» was published in the magazine «Sana» (№№ 3–5). The collected works were published in 1923 in Tashkent prefaced by S.Hodzhanov, the secretary of the Central Committee of Communist Party of Turkestan of that time. In 1924 the collected works «Sunkar zhyry» («Falcon songs») that were the translations of M.Gorky's works, were published in Moscow. The collected works «Akboz at» («The White Horse») being the translations of Mamin-Sibiryak's works were published in 1925. These translations of the Russian writers' works into Kazakh language made by Magzhan Zhumabayev very skilfully made the part along with the poet's poems of the following books published in 1925 and in 1927. The collected works of the Kazakh, Uzbek, Turkmen literature were translated into Russian with Magzhan Zhumabayev's assistance. Magzhan Zhumabayev made numerous translations into Kazakh language of works by Lermontov, Goethe, Heine, Fet, Byron and other Russian and foreign classical authors as well.

In 1929 Magzhan Zhumabayev was unreasonably arrested, but due to M.Gorky's and E.Peshkova's numerous petitions he was set

free in 1936. But a year later, during the next wave of Stalin repression, he was again arrested and executed by shooting in 1938.

The creative introduction of new forms into the Kazakh poetry which were completely unknown prior, is connected with Magzhan Zhumabayev's name. That is the reason of the comprehensive influence of his poetry on modern poetic word. Moreover, it is possible to assert rightfully that Magzhan Zhumabayev's stylistic system predominates actually in the stylistic structure of the modern Kazakh poetic language. M.Zhumabayev's influence on the Kazakh literature can be compared to that of Abai's who was considered by Magzhan Zhumabayev himself as «the greatest prophet of poets». Magzhan Zhumabayev's poetic culture, his great skill beneficially influenced not only on the Kazakh poetry, but on creativity of the known poets of the other Turkic-speaking nations as well.

Magzhan Zhumabayev was first of all the son of his time, the poet of his people. His personal growth coincided with the turning points of history. The tragic destiny of people has imposed an unforgettable impress on poet's consciousness. We are setting about acquainting all-union and foreign readers with the creative legacy of this master. But one thing is clear for us – there is no doubt that Magzhan Zhumabayev is the outstanding representative of the Kazakh culture and literature.

The poet's creative work should be considered in the organic connection with the specific historical reality, with that difficult period when the unprecedented breaking of the way of life of Kazakh people took place, when an epoch of the greatest social upheavals was approaching.

Magzhan Zhumabayev succeeded in expressing in his creative work the most complicated parts of human spiritual life. His love for nature is remarkable for high spirituality. The lyrical landscape in the highest sense of this notion was introduced for the first time into poetry of the Soviet East by Magzhan Zhumabayev. The master of word fearlessly brought up the actual issues of time, reflected on good and evil, essence of life in his poetic works.

Many generations of poetry-lovers have become engrossed in reading of M.Zhumabayev's poems in manuscripts for his books were forbidden and partly destroyed.

All literary critics and the most outstanding writers till 1937 and now, considered and consider Magzhan Zhumabayev the strongest, most outstanding poet in the history of the Kazakh literature of the post-Abai period. His works will never be deleted from the general context of the Kazakh culture. Magzhan Zhumabayev lived and lives as the poet of his people, his poetry did not stop for one minute its spiritual life.

B. KANAPYANOV

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От составителя</i>	5
-----------------------------	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

Мой народ. Перевод К. Бакбергенова.....	7
Несчастливая. Перевод А. Соловьева.....	9
Весенняя пора. Перевод А. Соловьева.....	11
Соловей. Перевод В. Антонова.....	12
Дар слова. Перевод В. Антонова.....	13
В чем услада? Перевод В. Антонова.....	14
Летнее утро. Перевод В. Антонова.....	15
Молодица. Перевод Т. Васильченко.....	16
Золотому хакому Абаю. Перевод Л. Шашковой.....	17
«Несчастный казах, твоя в страхе душа». Перевод Б. Канапьянова.....	18
Как научиться ремеслу. Перевод А. Соловьева.....	19
«Когда ты на небе всплываешь, луна» Перевод В. Антонова.....	21
Печальная красавица. Перевод Т. Васильченко.....	22
Родина моя – Сасыкколь. Перевод Л. Степановой.....	23
Детские годы. Перевод Т. Васильченко.....	25
«Власть свобода нам дана...» Перевод А. Соловьева.....	27
Мой казах. Перевод А. Соловьева.....	28
Кот и мясо. Перевод В. Антонова.....	29
Возлюбленная. Перевод Л. Шашковой.....	30

Однажды. Перевод Л. Степановой	32
Остался в дураках. Перевод А. Соловьева.....	33
Ораза. Перевод К. Бакбергенова.....	34
Зрачок мой. Перевод Н. Черновой	35
Мое желание (Плач девушки). Перевод Т. Васильченко.....	36
Осень. Перевод В. Антонова	37
Бедолага. Перевод В. Антонова.....	39
Обманутая красавица. Перевод В. Антонова	40
Родная земля. Перевод В. Антонова	41
Горы Урала. Перевод В. Антонова	42
Настроение. Перевод Б. Канапьянова	43
Возлюбленной. Перевод А. Соловьева.....	44
Как только солнце взойдет. Перевод В. Антонова	45
Плач. Перевод Л. Степановой.....	47
Платок. Перевод В. Антонова	49
Гульсум. Перевод Н. Черновой	51
Огонь. Перевод Н. Черновой	54
Пророк. Перевод В. Антонова.....	58
Восток. Перевод В. Антонова.....	61
Далекому брату. Перевод А. Соловьева	63
Я спешу. Перевод А. Ширяева	65
Слово Хромого Тимура. Перевод К. Бакбергенова.....	66
Птенец взмахнул крылом (Стихотворение в прозе) Перевод К. Бакбергенова	67
Родной язык. Перевод С. Мнацаканяна	68
Всему миру... Перевод Б. Канапьянова.....	69
Попавшему к врагу. (Письмо к М. Д.). Перевод А. Соловьева	70
Узник. (Письмо к М. Д.). Перевод А. Соловьева.....	73
Стихи на выход М. Д. из тюрьмы. Перевод С. Мнацаканяна.....	74
Я верю в молодых. Перевод А. Соловьева.....	75
...Га. Перевод А. Соловьева	76
Луне. Перевод Л. Шашковой	77

Тенгри. Перевод А. Ширяева.....	79
Мое желание. Перевод Л. Степановой.....	81
Тайна. Перевод В. Антонова.....	82
Погоняй лошадку, Сарсембай Перевод Л. Степановой.....	83
Колыбельная. Перевод Т. Фроловской.....	85
Беспокойная юность. Перевод Л. Шашковой.....	88
Песня воина. Перевод В. Антонова.....	89
Песня закатного солнца, рассветной зари. Перевод В. Антонова.....	91
Люблю. Перевод Л. Степановой.....	94
Четверостишия. Перевод В. Антонова.....	96
«Тьма... Буря ночная в степи золотой». Перевод Б. Канапьянова.....	97
Бабочка. Перевод А. Парщикова.....	98
Тайна брадобрея. Перевод В. Антонова.....	99
Цена былого. Перевод В. Антонова.....	103
Сверстнику. Перевод Н. Черновой.....	104
Свобода. Перевод Л. Степановой.....	105
Современный поэт. Перевод В. Антонова.....	107
Одному бию. Перевод В. Антонова.....	108
Козел. Перевод В. Антонова.....	109
Пес. (Шуточное стихотворение). Перевод С. Мнацаканяна.....	110
Дружба. (Шуточное стихотворение). Перевод С. Мнацаканяна.....	112
И жизнь, и смерть – судьба моя. Перевод С. Мнацаканяна.....	113
Сокровенное. Перевод С. Мнацаканяна.....	114
Целуй меня, целуй. Перевод Л. Шашковой.....	118
Откровение. Перевод Н. Черновой.....	119
«Проливни волос». Перевод К. Бакбергенова.....	121
Свет красив. Перевод А. Соловьева.....	122
Чуть-чуть по Фету. Перевод А. Соловьева.....	123

Любил. Перевод В. Антонова.....	124
«Ах, сестренка, ангелок». Перевод В. Антонова.....	126
Юной красавице. Перевод В. Антонова.....	127
Посвящение Г. Перевод С. Мнацаканяна.....	129
Луч. Перевод Б. Канапьянова.....	130
Гульсум-ханум. Перевод К. Бакбергенова.....	132
К... Перевод Р. Тамариной.....	133
Домбра (Стихотворение в прозе). Перевод Б. Канапьянова.....	134
Ночь была... Перевод С. Мнацаканяна.....	136
Сестра. Перевод С. Мнацаканяна.....	139
В альбом Р.. Перевод С. Мнацаканяна.....	141
Посвящение Ж. Перевод С. Мнацаканяна.....	142
Посвящение Ф. Перевод С. Мнацаканяна.....	144
Сестре Газизе. Перевод С. Мнацаканяна.....	146
«Узник, повязан жестокой тюрьмою». Перевод К. Бакбергенова.....	148
Женщина. Перевод Р. Тамариной.....	149
Посвящение Зейнеп. Перевод Л. Шашковой.....	152
Сон. Перевод Б. Канапьянова.....	155
Ветер. Перевод Н. Черновой.....	156
«Ветер – ветреник беспечный». Перевод Н. Черновой.....	157
У надгробия младенцу. Перевод Т. Фроловской.....	159
Жизнь. Перевод Л. Степановой.....	160
«Туча к туче – черные, как вакса». Перевод А. Парщикова.....	161
Волны вздымая... Перевод Р. Тамариной.....	162
Часы. Перевод Т. Фроловской.....	163
Болезнь. Перевод Т. Васильченко.....	164
Небу. Перевод Т. Фроловской.....	165
Кокшетау. Перевод Н. Черновой.....	166
Волна. Перевод К. Бакбергенова.....	167
Березка. Перевод С. Мнацаканяна.....	168

Зимняя дорога. Перевод А. Жовтиса.....	169
Весной. Перевод А. Жовтиса.....	171
Лето наступает. Перевод Р. Тамариной.....	173
Льдина. Перевод Р. Тамариной.....	175
Все гуще лес... Перевод Л. Степановой.....	176
Папироса. Перевод Т. Фроловской.....	177
Александр Блок. Перевод Р. Тамариной.....	178
Обманчивая жизнь. Перевод Т. Фроловской.....	180
При расставании. Перевод Л. Шашковой.....	181
Осенний день. Перевод Т. Фроловской.....	182
«Без луны и без роз». Перевод К. Бакбергенова.....	184
Раздумья. Перевод Т. Фроловской.....	185
И меня ты, смерть, убаюкай... Перевод Л. Степановой.....	186
Живу заново. Перевод С. Мнацаканяна.....	190
Ожерельем – луну и звезду – на кольцо. Перевод Н. Черновой.....	192
Берниязу. Перевод А. Парщикова.....	193
В саду Турана (Картина). Перевод Н. Черновой.....	195
Туркестан. Перевод Б. Джилкибаева.....	199
В Алатау. Перевод Н. Черновой.....	203
1. Алатау.....	203
2. Скалы и девы.....	203
3. Трясогузки.....	203
4. Раздумье гор.....	204
5. Хозяин дома.....	204
Тихая песня. Перевод Т. Васильченко.....	205
1. Жемчуг.....	205
2. Моя мать.....	205
3. Мать и сын.....	205
4. Жизнь.....	205
5. Заставил сказать «грех».....	206
6. Сказала мне ночь.....	206
7. «Будущее», «вчера», «сегодня».....	206
Кручение асыка. Перевод Т. Васильченко.....	207

Круглая земля. Перевод Т. Васильченко.....	209
Старый Туркестан. Перевод Р. Тамариной.....	211
1. Старый город.....	211
2. Арбакеш.....	211
3. Женщина.....	212
Кыргызам и казахам (Об организации «Коспы»).	
Перевод Б. Джилкибаева.....	213
Красное знамя. Перевод А. Жовтиса.....	214
Внук и бабушка. Перевод Н. Черновой.....	215
Мальчик-чабан и щенок. Перевод Т. Васильченко.....	216
На Волге. Перевод А. Соловьева.....	218
На берегу Волги. Перевод А. Соловьева.....	221
В доме табунщика (В зимнюю ночь – мать и сын).	
Перевод Т. Васильченко.....	223
Сестренки. Перевод Н. Черновой.....	224
1. Молчаливая сестренка.....	224
2. Строптивая сестренка.....	224
3. Сестренка на учебе.....	226
4. Сестренка, вышедшая в путь.....	227
5. Сестренка на службе.....	227
Белый город. Перевод Т. Васильченко.....	229
Мать. Перевод Т. Васильченко.....	231
Погремушка. Перевод Т. Васильченко.....	232
Желание младенца. Перевод Т. Васильченко.....	233
Утешение. Перевод Т. Васильченко.....	234
Серый жеребенок. Перевод Т. Васильченко.....	235
Кумыс. Перевод Т. Васильченко.....	236
Зима (Из цикла «Времена года»).	
Перевод К. Бакбергенова.....	237
Песня «Айуля-ау». Перевод Т. Васильченко.....	238
Верблюжонка видел я во сне.	
Перевод Т. Васильченко.....	239
«Ветер над рекой гуляет».	
Перевод Т. Васильченко.....	240
«Шея длинная – ну и что ж?»	
Перевод Т. Васильченко.....	241

Жамбылу. Перевод Б. Джилкибаева.....	242
Моему перу (Леону Исаевичу Мирзояну). Перевод Б. Джилкибаева.....	243
Моя обида на жизнь. Перевод Б. Джилкибаева.....	244
Юному Магжану. Перевод Б. Джилкибаева.....	247

ПОЭМЫ

Коркут. Перевод Б. Джилкибаева.....	248
Кобыз Койлыбая. Перевод Б. Джилкибаева.....	260
Жусуп хан. Перевод Б. Джилкибаева.....	263
Батыр Баян. Перевод Б. Джилкибаева.....	280
Часть первая.....	280
Часть вторая.....	308

РАССКАЗ

Грехопадение Шолпан. Перевод Е. Хасенова.....	327
Комментарии.....	353
Magzhan Zhumabayev.....	357